

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ

ВОЛОГДА • 2022

Вологодский научный центр Российской академии наук

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ

Вологда
2022

УДК 323.21
ББК 66.033.1
Г75

Публикуется по решению Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

Монография подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

Авторский коллектив

Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина, Е.О. Смолева, Т.А. Гужавина,
И.Н. Дементьева, А.С. Артамонова

Рецензенты:

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Г75 **Гражданское участие: региональные особенности и барьеры развития** : [монография] / Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина, Е.О. Смолева [и др.] ; ответственный редактор Ю.В. Уханова ; Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2022. – 237 с. : ил., табл.
ISBN 978-5-93299-559-4

Монография посвящена комплексному изучению гражданского участия с учетом специфики форм его проявления в региональном пространстве, а также барьеров реализации и путей их преодоления. Авторским коллективом проанализированы тенденции развития некоммерческого сектора, его возможности и ограничения в решении социально значимых проблем на местах. Рассмотрена специфика добровольческой деятельности как формы проявления гражданского участия населения на национальном и локальном уровнях. Осуществлено сравнение условий развития и тенденций гражданского участия в целом и добровольчества в частности в России и зарубежных странах. Оценено влияние практик гражданского участия на формирование и развитие качественной городской среды. Особое внимание уделено реализации различных практик участия в условиях цифровизации, российскому и зарубежному опыту применения информационно-коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций. Предложены рекомендации по преодолению барьеров гражданского участия, внедрение которых в общественную и управленческую практику повысит уровень активности населения в решении актуальных проблем социума, возникающих в условиях новых вызовов и угроз.

Книга адресована работникам органов управления, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений социологической, политологической, экономической направленности, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы гражданского участия как важнейшего нематериального фактора в развитии российских регионов.

УДК 323.21
ББК 66.033.1

ISBN 978-5-93299-559-4

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. АССОЦИИРОВАННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
1.1. Российский некоммерческий сектор: теория и практика развития в регионах	14
1.2. Ограничения и возможности некоммерческих организаций в период распространения новой коронавирусной инфекции	31
1.3. Барьеры в развитии некоммерческого сектора и опыт их преодоления в зарубежных странах.....	44
ГЛАВА 2. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ	
2.1. Российское добровольчество: тенденции и перспективы.....	58
2.2. Добровольчество в России на локальном уровне: опыт г. Вологды Вологодской области	73
2.3. Барьеры в развитии добровольчества и механизмы их нивелирования за рубежом и в России	86
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ	
3.1. Качество городской среды и вовлечение граждан в её развитие	105
3.2. Институционализация участия граждан в развитии городской среды.....	119
3.3. Особенности практик гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды в условиях конфликта интересов (кейс г. Вологды).....	135
ГЛАВА 4. ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	
4.1. Интернет-технологии как фактор развития гражданского участия регионального сообщества	145
4.2. Роль интернет-пространства в формировании протестных настроений населения региона.....	163
4.3. Российский и зарубежный опыт применения информационно- коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	190
ПРИЛОЖЕНИЕ	217

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы всё более отчетливо прослеживается рубежный характер исторического периода, на котором находится вся мировая цивилизация. Глобальные вызовы новой социальной реальности в условиях пандемии COVID-19 и обостряющиеся риски геополитической конкуренции предъявляют качественно новые требования для национального и регионального развития, в числе которых ключевое место занимает эффективность использования потенциала общественной самоорганизации. Эта объективная реальность в полной мере нашла своё отражение в целевых ориентирах России на ближайшие 6 лет, принятых властью в начале нового политического сезона, связанных с выбором главы государства. Для осуществления поставленных задач национального развития необходимы поиск и эффективная реализация новых факторов, которые, по мнению ученых, находятся в сфере не столько социально-экономической и политической, сколько социокультурной. Одним из таких факторов является гражданское участие населения в вертикальных и горизонтальных, формальных и неформальных процессах, направленных на улучшение условий жизни как на уровне микросоциума, так и страны в целом.

На протяжении 2000-х гг. и особенно в последнее время, на федеральном и региональном уровнях были приняты значительные меры по реализации потенциала гражданского участия населения, и прежде всего молодежи, однако многие вопросы, связанные с внутренней мотивацией широких слоев общества к включению в различные формы и практики гражданского участия, по-прежнему остаются открытыми, представляя собой значительный резерв в плане решения актуальных проблем социально-экономического развития и общественно-политического устройства страны.

Целью настоящего исследования выступает комплексное изучение гражданского участия с учетом специфики форм его проявления в региональном пространстве, а также барьеров реализации и путей их преодоления.

Объект исследования – гражданское участие как процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие) и другими социально-политическими институтами (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач. Отличительные черты подобных взаимодействий:

- они могут иметь как политический, так и неполитический (социальный) характер;
- осуществляются в институциональных (в рамках общественных организаций) и неформальных (ситуативных) формах;
- реализуются в индивидуальных и коллективных практиках;
- отражают альтруистические устремления или потребность в общении, совместной деятельности, признании другими людьми и т.п.

Таким образом, согласно предложенному подходу [Уханова, 2021], гражданское участие рассматривается нами не только как ресурс решения социально-экономических задач, но и как источник развития коллективных традиций, солидарности, социальной сплоченности в российском обществе.

Предмет исследования – тенденции в развитии гражданского участия, а также барьеры и пути их преодоления на региональном уровне.

В работе анализируются две формы гражданского участия: ассоциированное или институциональное гражданское участие, представленное прежде всего деятельностью НКО, и неформальное участие (деятельность инициативных групп, временные движения «одного требования», добровольчество, благотворительность, гражданские инициативы в городском благоустройстве, протестная активность и т.д.). Основной акцент сделан на анализе особенностей горизонтального взаимодействия регионального сообщества в процессе включенности в общественно полезную деятельность на местах в офлайн- и онлайн- форматах. Оставив за рамками работы аспекты политических практик участия (реализуются при вертикальном взаимодействии общества и власти), мы несколько сужаем исследовательское поле, однако это позволяет уловить значимые общие тенденции, возможности и ограничения в развитии социальных форм участия.

Процесс участия наиболее активно протекает на микроуровне, что обуславливает интерес к изучению проблемы в региональном и муниципальном разрезе. Еще в 1990-е гг. политолог Р. Патнэм при сравнительном анализе проблем участия в итальянских регионах выявил важность «региональной степени гражданского сообщества», аргументируя это плотностью горизонтальных социальных отношений на местах [Dekker, Broek, 1998]. В этой связи представляется, что изучение различных форм и практик гражданского участия целесообразно осуществлять в первую очередь на уровне регионального сообщества. Понятие «региональное» или «локальное сообщество» («*local community*») трактуется в исследовании [Cleaver, 2001] как социальные общности различных форм организованности и формализации, характеризующихся солидарными отношениями, а также социальной или территориальной локализацией и идентификацией.

Наше исследование, представленное в монографии, выполнено преимущественно на материалах регионов Северо-Западного федерального округа РФ и отдельно Вологодской области. Между тем с целью выявления региональной специфики в тенденциях и барьерах гражданского участия мы обращаемся к зарубежному и общероссийскому опыту в развитии этого феномена.

Проблема участия и самоорганизации граждан в выполнении работ, полезных для общественного развития, активно исследуется в западной литературе (особенно в американской социологии). Внимание ученых привлекает тема участия, например, в рамках концепции гражданского общества [Schlozman, 2002], социальных сетей [Janoski, Musick, Wilson, 1998], социального капитала [Lombe, Ssewamala, 2007].

Тема гражданского участия как инструмента развития сообществ на региональном и локальном уровнях приобрела особую актуальность в западной литературе с 1960-х годов. При этом предметом исследований были вопросы влияния гражданского общества в целом и практик гражданского участия в частности на развитие местных сообществ и социокультурную среду их обитания [Davis, 1998]. Актуальность таких исследований в обозначенном контексте сформировалась благодаря вниманию к проблемам развития сообществ, а также вследствие необходимости поиска методов оценки их состояния и повышения эффективности [Etzioni, 1996; Alesina, La Ferrara, 2000; Gaventa, 2004].

В российской литературе проблематика гражданского участия в русле влияния на региональном уровне становится особенно актуальной в

последние годы. Исследователи рассматривают различные виды и формы участия, механизмы его воздействия на социально-экономические и политические процессы местных сообществ (И.Е. Кокарев, А.Г. Лыска, И.В. Мерсиянова, Т.И. Макогон, О.Г. Севан).

Как западные, так и отечественные ученые несомненно заинтересованы в исследовании той части гражданского участия, которая представлена деятельностью «третьего» сектора (выделен по аналогии с государственным и коммерческим секторами экономики, его составляют преимущественно некоммерческие организации).

Вопросам возникновения и развития некоммерческих организаций посвящены работы Ch. Reichard [Reichard, 1988], P.D. Hall [Hall, 2016], E. Archambault [Archambault, 2001], N. MacDonald и Luc Tayart de Borms [MacDonald, Borms, 2008], И.Н. Гавриловой [Гаврилова, 2003], В.Н. Якимца [Якимец, 1999].

Роль некоммерческого сектора в решении экономических и социальных проблем рассматривали L.M. Salamon и H.K. Anheier [Salamon et al., 1999], A. Pennerstorfer [Pennerstorfer, 2016], M. Shumate и соавторы [Shumate et al., 2017], В.К. Крутиков и соавторы [Крутиков, Якунина, Дорожкина и др., 2013], И.В. Мерсиянова и И.Е. Корнеева [Мерсиянова, Корнеева, 2011] и др.

Разработкой методик оценки эффективности некоммерческих организаций занимались M. Kirschner [Kirschner, 2008], G. Zappala и M. Lyons [Zappala, Lyons, 2009], J. Willems и соавторы [Willems, Boenigk, Jegers, 2014], D.C. Mihaltan [Mihaltan et al., 2015], Е.Г. Тарханова [Тарханова, 2011], В.Н. Волгунина [Волгунина, 2011].

Неформальные формы гражданского участия (в частности, благотворительность, добровольчество и т.д.) стали предметом внимания таких исследователей, как И. Халий [Халий, 2010], О.Н. Яницкий [Яницкий, 2012], Т. Ворожейкина [Ворожейкина, 2008], И.В. Мерсиянова [Мерсиянова, 2015], И.Е. Корнеева [Мерсиянова, Корнеева, 2011].

Следует подчеркнуть, что во многих работах российских авторов гражданское участие изучается только как вертикальное взаимодействие группы или сообщества с государством, в то время как в западных исследованиях больше внимания уделяется, в том числе, горизонтальному взаимодействию. Поскольку в российских реалиях все более актуализируется общественно полезная деятельность именно в горизонтальном пространстве повседневности, этим и обусловлен наш интерес преимущественно к социальным практикам гражданского участия.

Как выявлено, в зарубежных и российских научных кругах разрабатываются теоретико-методологические подходы к пониманию и изучению феномена гражданского участия, однако терминологическая путаница (зачастую термины, обозначающие такие понятия, как гражданское, общественное, социальное участие, самоорганизация граждан, гражданская активность, используются как синонимы), фрагментарность анализа гражданского участия (внимание в первую очередь к ассоциированному участию) требуют расширения и уточнения смысла уже существующего аналитического аппарата. В большинстве западных и российских исследований по теме гражданского общества внимание к гражданскому участию нередко носит вспомогательный характер при анализе иных социальных и политических явлений, причем предметом анализа становятся отдельные аспекты участия, что затрудняет понимание данного явления как целостного. В связи с этим по-прежнему актуальна проблема всестороннего комплексного изучения гражданского участия, в том числе барьеров его реализации и механизмов их преодоления на региональном уровне.

Гражданское участие рассматривается нами в контексте теории активного гражданства (*active citizenship*) или концепта активного участия. В рамках данной концепции учитывается не просто результат этого участия (оказывать влияние и быть способным вызвать изменения). Основное внимание уделяется возможности эффективно участвовать в жизни общества и в формировании своего повседневного существования как активных, информированных, критических и ответственных граждан (D. Kiwan, 2008). Использование потенциала гражданского участия и самоорганизации в качестве ресурса социального развития объясняется в нашем исследовании согласно теории мобилизации ресурсов (М. Олсон, Дж. Маккарти, М. Зальд, А. Обершол и др.), а также неполитической концепции мобилизации (А. Этциони). Мобилизационный подход делает акцент на том, что участие является не столько определенным видом коллективного поведения, сколько совокупностью установок на социальное изменение; при этом учитывается, что мобилизационные ресурсы коллективов и сообществ реализуются через их активное участие в процессах социального развития с помощью укрепления коллективных ценностей.

В соответствии с обозначенными теоретическими концептами, мы полагаем, что следует анализировать не только измеримое гражданское участие – действие, но и учитывать установки к участию, ценности, убеждения, которые послужат резервом для развития практик гражданского участия в будущем. Для анализа ценностных предпосылок участия (в частно-

сти, таких как доверие, гражданская ответственность, осознание возможности гражданского влияния, готовность к объединению) представляется актуальной теория социального капитала. По мнению Р. Патнэма, социальные связи стимулируют участие, позволяют выходить за рамки ближайшего окружения и вовлекаться в совместную деятельность (Putnam, 2000). В то же время мы учитываем, что взаимосвязь гражданского участия и социального капитала характеризуется двусторонним процессом: социальные связи и отношения выступают ресурсом участия, а участие в свою очередь является механизмом аккумуляции социального капитала.

Информационной базой нашего исследования послужили следующие материалы:

1. Международные и российские законодательные и иные нормативно-правовые акты.

2. Результаты исследований, опубликованные в монографиях, статьях в специализированных научных журналах, в сети Интернет, материалы научных конференций.

3. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных органов.

4. Данные общероссийских (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ, ИС РАН, ВШЭ) и региональных (ВолНЦ РАН) социологических опросов.

5. Результаты международных социологических обследований (Европейское социальное обследование – ESS, Европейское исследование ценностей – EVS); базы данных социального развития (ISD), международного института социальных исследований (ISS); данные отчетов стран-участниц проекта «Third Sector Impact».

6. Данные социологических исследований благотворительного фонда развития филантропии «КАФ» (БФ КАФ); материалы сайтов общественных организаций и объединений, посвященные гражданскому обществу и гражданскому участию, доклады, отчеты, публикации Общественной палаты РФ и Общественной палаты Вологодской области, Народного фронта и др.

7. Информация ведущих агентств по рейтингам качества городской среды.

В рамках исследования был разработан и апробирован социологический инструментарий для комплексного измерения гражданского участия посредством анкетного опроса на территории Вологодской области. Объем выборки составил 1900 человек. Выборка многоступенчатая, районированная, с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени.

На первой ступени исследования проведено территориальное районирование субъектов по уровню социально-экономического развития (использована методика, разработанная группой исследователей ВолНИЦ РАН под руководством д.э.н., проф. Т.В. Усковой). Выделены крупные города: Вологда – административный центр области, Череповец – крупный промышленный центр Северо-Западного региона. Районы области разделены на пять групп по уровню социально-экономического развития. С целью репрезентативности результатов опроса из каждой группы было выбрано не менее двух районов. К группе с высоким уровнем развития отнесены Шекснинский, Грязовецкий и Сокольский районы, с уровнем выше среднего – Великоустюгский и Чагодощенский, со средним уровнем – Белозерский, Междуреченский и Тарногский, ниже среднего – Кирилловский, Устюженский и Бабаевский, с низким уровнем – Вожегодский и Никольский районы. Анкетный опрос проводился в районных центрах (по типу поселения это в основном малые города с населением до 100 тыс. жителей).

Вторая ступень – отбор респондентов по половозрастным квотам. Опрашивались респонденты старше 18 лет. Ошибка выборки не превышает 3%. Массовый опрос населения позволил получить эмпирическую информацию для оценки уровня, факторов, потенциала ассоциированного и неформального гражданского участия в малых и крупных городах Вологодской области.

Для выявления тенденций в реализации и развитии практик гражданского участия использовались материалы многолетнего мониторинга общественного мнения, проводимого Вологодским научным центром РАН на территории двух крупных городов (Вологда и Череповец) и 8 муниципальных образований региона (N = 1500; ошибка выборки не превышала 3%). Тип выборки: районированная, с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Отбор респондентов в домохозяйствах проводился с применением квот по полу и возрасту. Опрос с помощью формализованной анкеты осуществлялся по месту жительства респондентов. Вопросы анкеты направлены на получение информации об оценках жителями основных социально-экономических и общественно-политических проблем их муниципального образования, субъективного социального благополучия и самочувствия и т. д. Кроме того, в мониторинг ежегодно включался тематический блок об уровне участия населения в решении общественно значимых вопросов, его готовности к этой деятельности.

Методологическую основу исследования составили концептуальные разработки, изложенные в трудах российских и зарубежных ученых. При анализе гражданского участия регионального сообщества использован социально-пространственный подход, в основе которого лежат принцип связи физического и социального пространства (П. Бурдьё) и социально-конструкционистский подход, согласно которому гражданское участие рассматривается как инструмент и результат социального конструирования и развития (П. Бергер и Т. Лукман). Основополагающим в проведенном нами исследовании является системный подход, в соответствии с которым реализация практик гражданского участия видится нами как элемент целостной системы социально-экономического развития территории. Вместе с тем, методология нашего исследования опирается также на зарубежные и отечественные теоретические концепции по ключевым вопросам, связанным с гражданским участием (концепции гражданского общества, институционального и межличностного доверия, социального капитала, «непрямого государственного управления» и т.д.).

В ходе реализации цели и задач исследования применялись такие методологические принципы, как:

- объективность (анализ объективных условий и закономерностей формирования и динамики развития гражданского участия в трансформирующемся обществе);
- всесторонность (всестороннее исследование гражданского участия и его влияния на различные аспекты общественного развития);
- системность (принцип реализован посредством а) анализа различных субъектов гражданского участия; б) использования как «внешних» (данные статистики, научных исследований), так и «внутренних» источников информации (собственные исследования, включая социологические опросы населения); в) мониторингового режима предполагаемых опросов, ретроспективного характера самого исследования с учетом ключевых аспектов трансформации общества в постсоветский период и перспективного характера полученных результатов).

Следуя логике проведенного исследования, мы выстроили структуру монографии следующим образом.

Глава 1 «Ассоциированное гражданское участие: деятельность некоммерческих организаций» посвящена выявлению специфики ассоциированной формы гражданского участия, которая реализуется преимущественно посредством деятельности общественных (некоммерческих) организаций. Рассматриваются теоретические и практические аспекты функционирова-

ния российского некоммерческого сектора как экономического и социального субъекта развития территорий регионов. Выявляются ограничения и возможности некоммерческих организаций в кризисных условиях пандемии COVID-19. В целях обоснования механизмов развития некоммерческого сектора в России и ее регионах отдельное внимание уделяется барьерам в функционировании некоммерческого сектора и опыту их преодоления в зарубежных странах.

В главе 2 «Добровольческая деятельность как форма гражданского участия» обосновывается комплексный подход к исследованию добровольчества (волонтерства) как важнейшего элемента гражданского участия в пространстве повседневности (формального / неформального характера), который позволяет более широко подойти к рассмотрению основных тенденций его формирования и показать его значимость для социально-экономического развития России. На базе социологических и статистических данных выявляются основные тренды и перспективы развития добровольчества на международном, национальном, региональном и муниципальном уровнях, оценивается уровень его распространения. С учетом значимости этой формы гражданского участия в решении социальных проблем современного общества, интенсифицируется научный поиск барьеров гражданского участия в добровольческой деятельности и механизмов их нивелирования в зарубежных странах и России.

В главе 3 «Социальные практики гражданского участия на примере сферы городского развития» осуществляется теоретическая и эмпирическая рефлексия роли гражданского участия в формировании качественной городской среды. На основе объективных (результаты рейтингов информационных агентств по критериям качества городской среды) и субъективных (материалы социологического опроса) источников определяются проблемные зоны городской среды в российских регионах и те сферы, которые являются перспективными с точки зрения привлечения горожан к их преобразованию. При изучении институционализации участия граждан в развитии городской среды определяются основные направления этих процессов («снизу vs сверху»); участники, чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы; правила, согласно которым игроки действуют на публичных аренах, формируя социальные практики. На примере кейса г. Вологды рассматриваются особенности практик гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды в условиях конфликта интереса.

В главе 4 «Гражданское участие в интернет-пространстве» дан анализ специфики гражданского участия регионального сообщества в интернет-пространстве. Исходя из важности цифровизации в современном российском обществе, исследуется влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на развитие ассоциированного (деятельность НКО) и неформального гражданского участия регионального сообщества; изучается специфика онлайн-практик участия в формировании качественной городской среды, выявляется роль интернет-пространства в формировании протестных настроений населения региона. Кроме того, особое внимание уделяется сравнению российского и зарубежного опыта применения информационно-коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют углубить представления о гражданском участии, его структурных и функциональных компонентах, о факторах, стимулирующих или блокирующих его реализацию, путях преодоления барьеров в сфере участия и самоорганизации граждан в пространстве повседневности российских регионов. Практическая значимость проведенной работы состоит в раскрытии потенциала гражданского участия в решении социально значимых проблем регионального сообщества, в выявлении объективных препятствий гражданского участия, в определении ключевых направлений деятельности по созданию условий для его активизации.

Авторский коллектив монографии –
сотрудники ФГБУН ВолНЦ РАН:

Уханова Ю.В. – введение, параграфы 2.2, 4.1, заключение

Косыгина К.Е. – параграфы 1.1, 1.2, 2.1, 2.2, 4.3

Смолева Е.О. – параграфы 3.1, 3.2, 3.3

Гужавина Т.А. – параграф 2.1, заключение

Дементьева И.Н. – параграф 4.2

Артамонова А.С. – параграфы 1.3, 2.3

ГЛАВА 1

АССОЦИИРОВАННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

1.1. Российский некоммерческий сектор: теория и практика развития в регионах

Гражданское участие проявляется в двух основных формах, т.е. оно может быть ассоциированным (в рамках зарегистрированной организации) или неассоциированным (осуществляется независимо от формализованных структур). Исходя из предложенного деления деятельность в России организаций некоммерческого сектора рассматривается исследователями как форма ассоциированного гражданского участия [Максимова и др., 2019; Мерсиянова, Якобсон, 2007; Задорин и др., 2011; Никовская, 2017; Уханова, 2020]. Данные структуры возникают из необходимости решения значимых социальных проблем, самореализации и осуществления общественно полезной деятельности, направленной на достижение как индивидуальных, так и общих целей. Некоммерческие организации (НКО) формируются по добровольной инициативе граждан в юридически закреплённой организационной форме¹ и работают преимущественно в области здравоохранения, социального обслуживания, искусства и культуры, образования, спорта.

Востребованность изучения обозначенной формы гражданского участия на региональном уровне вызвана прежде всего неустойчивостью социально-экономической ситуации. В исследованиях установлено, что в долгосрочной динамике присутствуют кризисные проявления, угрожаю-

---

¹ Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» определяет следующие организационно-правовые формы: общественные и религиозные организации (объединения), общины коренных малочисленных народов РФ, казачьи общества, фонды, государственная корпорация, государственная компания, некоммерческие партнерства, учреждения, автономная некоммерческая организация, ассоциации (союзы).

щие стабильному и устойчивому функционированию в регионах социальной сферы. В частности, наблюдается значительный спад инвестиций в основной капитал в сферах образования и здравоохранения, происходят закрытие и оптимизация учреждений. Сокращение среднедушевых доходов населения препятствует дальнейшему экономическому росту и обеспечению достойного уровня жизни [Косыгина, 2019]. Выявленные проблемы обуславливают острую необходимость поиска дополнительных ресурсов для развития регионов. Одним из таких ресурсов может стать использование потенциала некоммерческих организаций, которые формируются людьми, непосредственно заинтересованными в решении проблем регионального сообщества.

Прежде чем приступить к рассмотрению актуальных вопросов развития некоммерческих организаций как ассоциированной формы гражданского участия, сделаем базовые теоретические и методологические пояснения. В научной литературе используются различные подходы к проблематике участия граждан. Российские социологи Л.И. Никовская и И.А. Скалабан разграничивают гражданское, политическое и социальное участие. Под первым авторы понимают «процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы» [Никовская, Скалабан, 2017, с. 48]. В этом определении предполагается наличие непосредственных отношений с государством, но гражданские практики не всегда направлены на властные решения и отстаивание своих интересов (например, бескорыстная помощь пенсионерам, детям и другим социальным группам). Политическое участие дает возможность людям выступать в качестве субъектов политики [Пфетцер, 2013]. Данная форма проявляется в виде протестов (митинги, демонстрации, забастовки, пикетирования), голосования на выборах и референдумах, членства в политических партиях, и поддержки их и групп давления. Первые два вида участия выстраиваются как по вертикали, так и по горизонтали. Социальное участие напрямую не предполагает взаимоотношений с государством и локализуется на горизонтальном уровне как практика коллективной взаимопомощи и кооперации [Скалабан, 2011, с. 137]. Представляется, что для изучения вовлеченности граждан в деятельность организаций некоммерческого сектора наиболее подходит концепт именно социального участия, поскольку оно развивает социальные связи, способствует индивидуальным и коллективным действиям, направленным на позитивные изменения и улучшение условий общественной жизни [Handy et al., 2014].

Обоснование роли некоммерческих организаций в качестве неотъемлемого и ключевого элемента гражданского участия прослеживается в дискурсе нескольких теоретических концепций, берущих свое начало в западной социологической, экономической и политологической научной мысли.

Из теории социального капитала следует, что некоммерческие организации выступают основными компонентами гражданского общества. Американский профессор R. Putnam, изучивший роль общественных объединений (основанных на членстве) в развитии социального капитала, установил, что данные структуры способствуют развитию горизонтальных связей и повышают межличностное доверие, в результате чего индивиды проявляют готовность к объединению ради достижения результата или решения актуальной проблемы. Как утверждает ученый, некоммерческие организации представляют один из основных механизмов, посредством которых активируется социальный капитал. Следовательно, с точки зрения социального капитала некоммерческие организации способствуют вовлечению граждан в общественно значимую деятельность путем развития и расширения связей между социальными группами и отдельными индивидами [Putnam, 2000]. Сторонники данной концепции F. Handy и I. Greenspan отмечают, что данные организации создают возможности для участия людей в жизни сообщества в качестве волонтеров, благотворителей и доноров [Handy, Greenspan, 2009].

M. Olson в опубликованной в 1965 году «теории коллективных действий» исследует провалы рынка, когда рациональность отдельных потребителей и получение прибыли коммерческими фирмами не приводят к эффективному предоставлению общественных благ. В свою очередь, в основе деятельности некоммерческих организаций, направленной на производство общественных благ, лежат инициативы по улучшению социального благосостояния – общественного здравоохранения, образования, по сохранению окружающей среды, борьбе с бедностью и т. д. Решение данных проблем требует сотрудничества большого числа различных социальных субъектов для достижения общей цели. Некоммерческие организации инициируют коллективные действия, возникающие в тех ситуациях, когда группы граждан совместно определяют общий результат, выгоды и издержки которого затем распределяются между субъектами этих действий [Olsen, 2017; Olson, 1971].

Особого внимания заслуживают концепции Б. Вейсборда, Г. Хансмана объясняющие причины возникновения НКО и описывающие их каче-

ственные характеристики. Б. Вейсборд развивал «теорию производства общественных благ», поясняющую экономическую роль некоммерческих организаций в обществе. По мнению ученого, они возникают как реакция на неспособность рыночных и государственных структур удовлетворить спрос населения на общественные блага и услуги [Weisbrod, 1994].

Теоретические воззрения Г. Хансмана обосновывают «неэффективный контракт», когда НКО появляются и развиваются по причине асимметричной информации на рынке. В результате дефицита информации потребители не могут контролировать качество и количество услуг и не доверяют коммерческим фирмам. Некоммерческие же организации в сложившейся ситуации НКО обладают преимуществом, так как не ставят своей целью извлечение прибыли, поэтому потребители услуг склонны доверять им больше, чем коммерческим фирмам. Организации некоммерческого сектора снижают издержки контроля посредством вовлечения граждан в свою деятельность [Hansmann, 1987].

В рамках «теории стейкхолдеров» (stakeholder theory) исследуются взаимоотношения между группами и индивидами, заинтересованными в деятельности конкретной организации [Freeman, McVea, 2001; Ben-Ner, Gui, 1994]. Здесь к участию в НКО привлекаются граждане со схожими интересами, жизненным опытом и проблемами, усиливается участие населения, предоставляются возможности для продвижения интересов небольших групп и для производства определенных товаров и услуг. В условиях рынка и информационной асимметрии контроль стейкхолдеров содействует доверию организации, определяет социальную значимость ее работы.

Подводя итоги обзора теоретических основ гражданского участия и функционирования некоммерческих организаций, можно констатировать, что исследовательские линии представленных концепций тесно соприкасаются и не противоречат друг другу. Их основные положения заключаются в рассмотрении некоммерческих организаций в качестве субъектов, обладающих преимуществами в процессе самоорганизации граждан и влияющих не столько на государственные органы, создание формальных механизмов, сколько непосредственно на общество, развитие горизонтальных связей, повышение уровня гражданского участия и эффективности представительства общественных интересов в условиях нерешенных проблем.

Отличительной особенностью формирования некоммерческих организаций является то, что они создаются по инициативе граждан и предполагают их интеграцию для преодоления социальных проблем и получения общественных благ. Поэтому стало актуальным изучение общественного

мнения с применением социологического инструментария посредством анкетного опроса населения. Такой инструментарий позволяет выявить социальные факторы развития институтов гражданского участия.

Эмпирическую базу исследования составили данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (N=1900), проведенного на территории Вологодской области в 2019 году.

Результаты опроса населения показывают предельно низкую информированность граждан об НКО. Удельный вес тех, кто хорошо знает об их деятельности, варьируется в пределах от 3 до 10% в среднем по региону. В зависимости от территориальной специфики наблюдается следующая тенденция: граждане лучше осведомлены о работе общественных объединений, действующих в месте их проживания. Отсюда можно предположить, что на уровне локальных сообществ более развиты межличностные связи и коммуникационные каналы распространения информации («сарафанное радио», общение «лицом к лицу»), сохраняется общинный уклад жизнедеятельности в малых населенных пунктах. На общем фоне выделяется г. Череповец, где высокий уровень информированности показывают только 3–4% жителей. Примечательно, что население малых городов менее осведомлено, чем крупных, о работе общероссийских и областных общественных организаций (рис. 1.1.1).

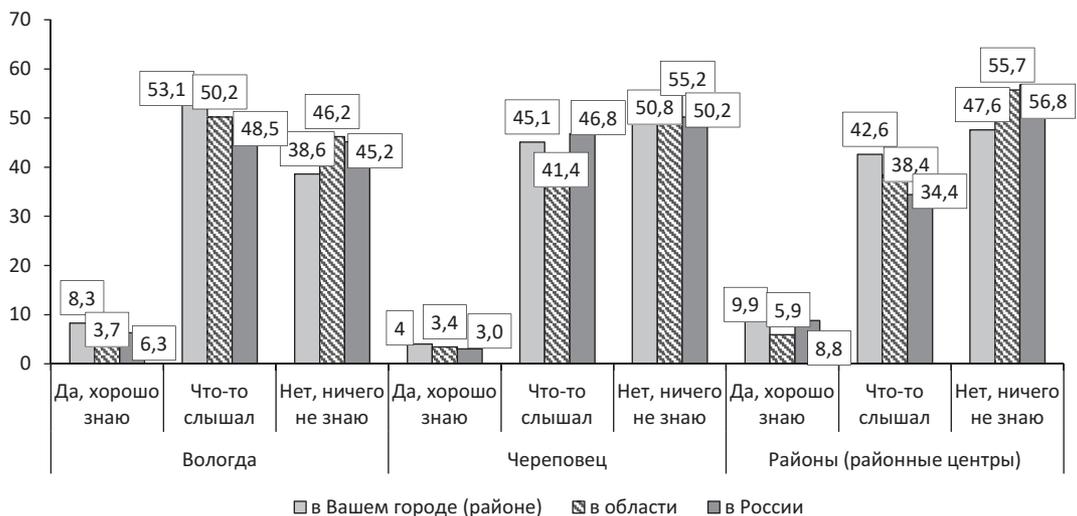

Рисунок 1.1.1 – **Распределение ответов на вопрос: «В городах и сельских населенных пунктах люди создают общественные (некоммерческие) организации. Знаете ли Вы об их деятельности?»**, в % от числа опрошенных

Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (N=1900), ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.

Исследование компонента информированности населения, свидетельствует о низком уровне его осведомленности об НКО, что препятствует вовлечению большего количества граждан в их деятельность. Слабая информированность связана с отсутствием в сознании населения идентификации рассматриваемого института и непониманием целей, задач и специфики его работы [Михнева и др., 2017, с. 149]. Существенной проблемой некоммерческих организаций является их информационная закрытость. В частности, они на сегодняшний день прилагают недостаточно усилий по применению возможностей Интернета и средств массовой информации [Косыгина, 2019]. Данный факт негативно сказывается на их информационной открытости и формировании позитивного образа в глазах общественности.

В подтверждение нашего тезиса о недостаточном использовании средств массовой информации и сети Интернет в популяризации деятельности общественных организаций приведем данные таблицы 1.1.1 о распределении ответов населения на вопрос о достаточности такой информации. В крупных городах необходимость в расширении ее объема отметили 54% (г. Вологда) и 43% респондентов (г. Череповец); в районных центрах – несколько меньше: 32–38% в зависимости от территории, на которой работают общественные объединения. В целом население проявляет заинтересованность в получении информации о деятельности организаций некоммерческого сектора, что можно рассматривать как потенциальный ресурс для привлечения граждан к участию.

Таблица 1.1.1 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, сегодня в СМИ достаточно информации о деятельности общественных (некоммерческих) организаций...?», в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы (районные центры)	Среднее по опросу
<i>В Вашем городе (районе)</i>				
Достаточно	17,4	8,0	16,9	15,6
Недостаточно	54,3	43,0	37,7	41,2
Затрудняюсь ответить	28,3	49,0	45,4	43,3
<i>В области</i>				
Достаточно	15,8	7,3	15,4	14,2
Недостаточно	55,9	44,0	38,3	42,0
Затрудняюсь ответить	28,3	48,7	46,	43,8
<i>В России</i>				
Достаточно	16,8	8,7	19,9	17,6
Недостаточно	53,3	40,3	32,0	36,7
Затрудняюсь ответить	29,9	51,0	48,1	45,6
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (N=1900), ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.				

В ситуации, при которой граждане не владеют необходимой информацией для формирования представлений об организациях некоммерческого сектора, возникает проблема доверия к этим институтам. О полном или частичном доверии к неприбыльным объединениям высказались 27% жителей крупных городов, что на 7 п.п. больше, чем в малых населенных пунктах. Следует отметить, что в областной столице по сравнению с Череповцом уровень недоверия на 6 п.п. выше. В среднем по области, как считают практически 50% респондентов, у них не сформировалось доверительного отношения к некоммерческим организациям (рис. 1.1.2).

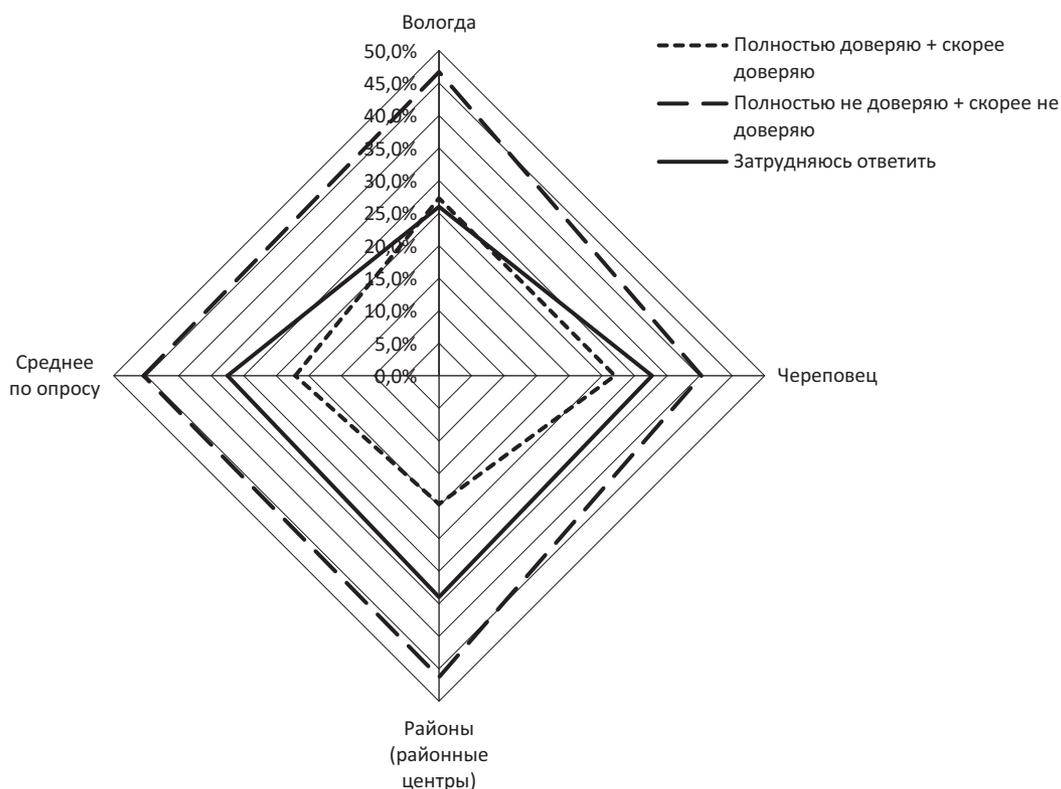

Рисунок 1.1.2 – Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете или не доверяете..?»

Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (N=1900), ФГБУН ВолнЦ РАН, 2019 г.

Таким образом, исследование зафиксировало низкую планку доверия к некоммерческим организациям со стороны населения. В условиях недоверия происходит уменьшение количества граждан, желающих участво-

вать в их работе. В свою очередь, доверие к некоммерческому сектору формируется в процессах непосредственного взаимодействия. Это относится к любым позитивным актам коммуникаций граждан с НКО и общественными инициативами.

Жители Вологодской области демонстрируют высокий уровень неучастия в деятельности некоммерческих организаций, в которых в 2019 году не состояли и не участвовали – 87% респондентов. Доля вовлеченных составляет только 13%, из них 3% – члены организаций, а 10% – добровольцы. Чаще других в деятельность гражданских объединений вносят свою лепту лица активного трудоспособного возраста (30–55 лет) с высшим образованием, входящие в группу наиболее обеспеченных, проживающие в крупных городах. Респонденты, заявившие о причастности к работе конкретных организаций, чаще упоминали благотворительные (6%) и молодежные (4%) объединения. Вторыми по популярности стали организации, занимающиеся экологическими проектами и поддержкой здорового образа жизни.

Более содержательные представления о преградах вовлеченности населения в социальные практики общественных организаций были сформированы благодаря ответам на прямой вопрос, в рейтинге которых первую позицию занимают недостаток времени и чрезмерная занятость (более трети респондентов, в среднем по региону – 36%). Причем в крупных городах этот барьер прослеживается более отчетливо, чем в малых. Люди не уделяют внимания труду на общественном поприще, так как в условиях экономических трудностей вынуждены заниматься извлечением доходов от дополнительной занятости, что можно расценивать как негативную тенденцию в преодолении барьеров гражданского участия. Однако как положительный момент можно отметить, что в ситуации отсутствия экономических трудностей эта часть населения может включиться в работу рассматриваемых институтов. Второе и третье место среди препятствий занимает отсутствие интереса (27%), а также сил и здоровья (20%). Значительную долю занимают ответы, связанные со способностями человека: 12% респондентов считают, что у них отсутствуют знания, опыт, которые можно применить на практике. Следующая «тройка» барьеров отражает сомнения в отношении пользы общественной деятельности как лично для человека и его семьи, так и для общества в целом. О желании участвовать заявили только 5% респондентов, но этому препятствует недостаток информации (табл. 1.1.2).

Таблица 1.1.2 – Барьеры участия граждан в деятельности общественных (некоммерческих) организаций, в % от числа опрошенных

Вариант ответа (барьеры)	Вологда	Череповец	Районы (районные центры)	Среднее по опросу
Не хватает времени, много работаю, занят(а)	41,4	38,0	34,6	36,3
Мне это не интересно	25,7	24,3	27,9	27,0
Нет сил и здоровья	21,4	21,0	19,5	20,1
Отсутствуют знания, опыт, которые можно применить на практике	12,5	13,3	12,2	12,4
Не уверен(а) в пользе общественной деятельности	15,8	8,7	10,9	11,3
Такая деятельность не даёт мне возможности личного роста	8,2	9,3	9,1	9,0
Это не способствует решению собственных проблем и проблем членов моей семьи	6,3	13,3	8,0	8,6
Мог(ла) бы участвовать, но не знаю, куда обратиться, нет нужной информации	4,9	7,7	4,2	4,8
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (N=1900), ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.				

Анализ представленных данных говорит о пока еще относительно низких показателях реального участия граждан в инициативах некоммерческих организаций, несмотря на то что данные структуры в «идеальной ситуации» формируются активными их группами и предполагают широкое участие населения. Необходим комплексный подход к стимулированию активности граждан, заключающийся в объединении усилий государства и организаций некоммерческого сектора.

Оценить уровень развития рассматриваемого института возможно на основе анализа не только социологических данных, но и статистической информации. Росстат ведет наблюдение за деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО), которые занимают значимое место в структуре некоммерческого сектора. Этот статус был введен в законодательство в 2010 году². На сегодняшний день именно

² К СОНКО относятся все организационно-правовые формы НКО, за исключением государственных корпораций и компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями. Эти организации занимаются решением социальных проблем и развитием гражданского общества.

СОНКО составляют «деятельностное ядро» российского некоммерческого сектора (рис. 1.1.3). Учитывая значимый удельный вес СОНКО в его структуре, их деятельность можно отождествлять с функционированием некоммерческого сектора в целом.

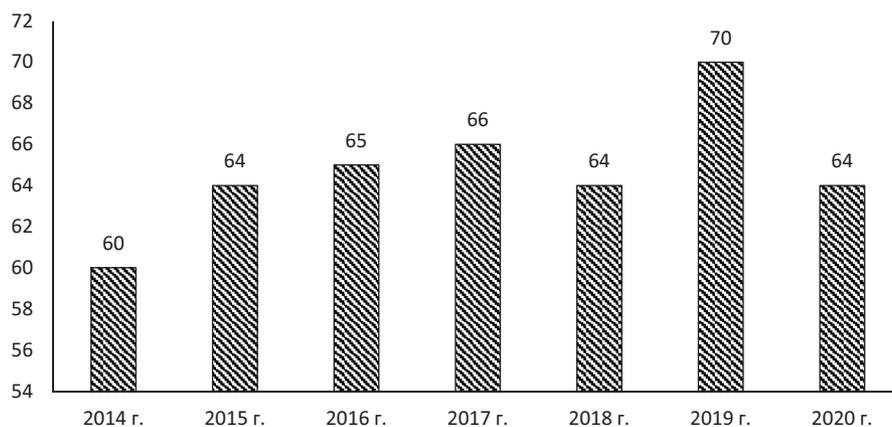

Рисунок 1.1.3 – **Количество СОНКО в общем числе некоммерческих организаций России, в %**

Источник: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2014–2020 годы. URL: <http://www.gks.ru> и информационный портал Министерства юстиции РФ, раздел: Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях.

Данные о темпах прироста количества СОНКО свидетельствуют о неравномерном развитии сектора в динамике за 2014–2020 гг. в целом по России. На его устойчивости непосредственно сказываются периоды кризисного состояния экономики. Если в начале изучаемого периода отмечается прирост числа организаций, то в последующем наблюдается спад (с 2017 г., с увеличением в 2019 г.). В 2020 г. под влиянием кризиса, вызванного распространением новой коронавирусной инфекции, фиксируется резкое сокращение численности СОНКО. В тройку «лидеров» по их ликвидации среди регионов СЗФО входят Псковская и Вологодская области, Республика Коми (табл. 1.1.3).

Таблица 1.1.3 – Темпы прироста количества СОНКО по федеральным округам и регионам Северо-Западного федерального округа в 2014–2020 годах, в % к предыдущему году

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Российская Федерация	16,6	6,0	2,4	-0,6	-1,7	4,4	-12,1
СЗФО	8,1	-0,2	8,2	-3,2	1,0	5,8	-10,0
Псковская обл.	-1,0	-1,1	-2,1	-1,1	-6,0	-6,9	-27,1
Вологодская обл.	2,9	-1,7	1,7	-16,0	-5,7	2,2	-18,1
Республика Коми	85,1	33,3	-5,2	-1,8	-3,9	2,7	-17,4
Мурманская обл.	-24,8	-3,3	5,1	-21,1	-0,9	-8,3	-17,1
Новгородская обл.	79,5	11,4	-3,4	-9,4	-2,5	-4,4	-16,4
Республика Карелия	-14,6	-0,9	1,8	1,8	-2,6	2,8	-15,9
Архангельская обл.	40,6	2,0	-0,7	-0,7	-4,9	3,3	-13,8
Ленинградская обл.	1,2	4,6	3,3	-6,4	17,7	8,3	-13,5
г. Санкт-Петербург	1,6	28,5	-9,3	5,3	9,6	8,8	-0,7
Калининградская обл.	80,6	13,8	5,4	9,0	-10,0	47,8	5,2

Источник: составлено авторами по: «Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2014–2020 годы». URL: <http://www.gks.ru>.

Оценивая темпы прироста количества СОНКО, можно констатировать, что эти организации стали уязвимыми под влиянием введения необходимых ограничительных мер, призванных остановить распространение вируса COVID-19. В деятельности некоммерческого сектора в регионах в условиях ограничений и самоизоляции возникли существенные барьеры организационно-финансового характера, которые привели к сокращению их числа, как и показывают данные статистики [Косыгина, 2021]. Ограничения финансового характера в первую очередь связаны со спадом объема пожертвований от физических и юридических лиц; организационного – с трудностями перехода в онлайн-формат работы с благополучателями и донорами³.

Следующим критерием оценки в группе социально-экономических показателей деятельности СОНКО выступают характеристики трудовых ресурсов. В качестве основных показателей в нашем исследовании используются количество оплачиваемых сотрудников, занятых полный и неполный рабочий день, а также численность добровольцев, привлекаемых как на постоянной, так и временной основе без денежного вознаграждения за результаты своего труда.

³ Социологическое исследование Благотворительного фонда «CAF»: «Новая реальность. Как COVID-19 меняет работу российских НКО» (выборка составила 232 организации из 48 регионов, замеры проводились в марте 2020 г.). URL: <http://cafrussia.ru/storage/files/file-114.pdf>

Статистическое наблюдение фиксирует, что в 2014–2015 гг. число работников в рассматриваемой сфере составляло практически 1,5% от экономически активного населения страны. Однако, начиная с 2016 г., относительные показатели числа занятых в СОНКО снижаются. В число регионов СЗФО, где в 2020 г. СОНКО пришлось в большей мере сократить штат сотрудников по сравнению с 2019 г., входят г. Санкт-Петербург и Псковская область. Напротив, в Мурманской, Новгородской, Калининградской областях наблюдается увеличение числа работников (табл. 1.1.4).

Таблица 1.1.4 – **Средняя численность работников СОНКО в 2014–2020 гг.,**
в % от рабочей силы

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Среднее за 2014–2020 г.
Российская Федерация	1,4	1,3	0,9	0,8	0,8	0,8	0,7	1,0
СЗФО	1,1	1,1	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,9
Вологодская обл.	1,5	1,5	0,9	1,1	1,0	1,0	0,6	1,1
г. Санкт-Петербург	1,3	1,3	1,1	1,1	1,0	0,9	0,1	1,0
Псковская обл.	1,5	1,5	0,7	1	1,0	1,0	0,4	1,0
Архангельская обл.	1,2	1,2	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7	0,9
Республика Карелия	1	0,9	0,6	0,9	0,8	0,9	0,8	0,8
Мурманская обл.	1,1	1,2	0,5	0,5	0,5	0,5	0,7	0,7
Республика Коми	0,7	0,8	0,6	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7
Новгородская обл.	1,1	0,9	0,5	0,4	0,4	0,5	0,6	0,6
Калининградская обл.	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7	0,9	0,6
Ленинградская обл.	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4

Источник: составлено авторами по: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2014–2020 годы. URL: <http://www.gks.ru> .

Дестабилизирующая ситуация, вызванная пандемией COVID-19, особенно отчетливо повлияла на снижение занятости в СОНКО, так как масштабные ограничения на перемещения, приостановка работы большинства организаций в периоды так называемого «локдауна» не могли не отразиться на рассматриваемом секторе. Следует обратить внимание, что если в г. Москве и близлежащих регионах штат сотрудников сократился в наименьшей степени, то в остальных регионах этот процесс приобрел более активный характер. На наш взгляд, основная причина данного тренда кроется в разной активности и способности СОНКО перестроиться под новые условия и их компетентности в использовании мер государственной поддержки некоммерческого сектора в этот кризисный период. В частности, из бюджетных источников в 2020 году выделялись гранты на антикри-

зисные проекты, льготные кредиты для покрытия выплат по заработной плате, предоставлялась отсрочка арендной платы, налоговых, страховых и авансовых платежей, снизилось количество контрольных мероприятий и так далее⁴. Количество СОНКО-получателей этих видов поддержки государства составило 32 тысячи (общая сумма – 14 млрд руб.)⁵. Подчеркнем, что на момент проведения исследования отсутствовала официальная информация о СОНКО, воспользовавшихся антикризисными государственными мерами, в региональном разрезе.

Взаимосвязь эпидемиологического и, как следствие, экономического кризиса с проблемой занятости в секторе обусловлена уменьшением денежных доходов населения и сложным финансовым положением коммерческих фирм, являющихся спонсорами и партнерами СОНКО. Из-за перечисленных причин некоммерческие организации были вынуждены закрывать свои программы и проекты, сокращать работников.

Рабочая сила некоммерческих организаций дополняется участием в их деятельности волонтеров. Нарастивание числа добровольцев характерно для допандемийного периода 2018–2019 гг. Начало пандемии показало, насколько население нуждается в помощи волонтеров: по всему миру люди помогали врачам, борющимся за жизнь пациентов, а также пенсионерам и согражданам с ограниченными возможностями. В России в различных добровольческих проектах 2020 года приняло участие свыше 15 млн граждан⁶. Одна из таких акций – #МыВместе. Значимость волонтерской деятельности в период пандемии нельзя недооценивать, но статистические данные показывают, что количество волонтеров СОНКО снижается во всех регионах СЗФО (табл. 1.1.5).

Сложившуюся ситуацию можно объяснить: во-первых, несоответствием статистических данных и количества реальных волонтерских практик; во-вторых, преобладанием «неорганизованного волонтерства», подразумевающего спонтанную, ситуативную помощь вне организованных институтов, которая не учитывается официальным наблюдением;

---

⁴ Меры поддержки, предусмотренные для НКО. Министерство экономического развития РФ. URL: <https://covid.economy.gov.ru/nko>

⁵ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 г. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2020.

⁶ Добрость духа: как волонтеры помогли в борьбе с пандемией // Известия. URL: <https://iz.ru/1096344/dmitrii-laru-maksim-khodykin/dobrost-dukha-kak-volontery-pomogli-v-borbe-s-pandemiei>

в-третьих, более широким освещением информации об участии населения в акциях взаимопомощи получила в период пандемии, чем в благоприятное для страны и общества время.

Таблица 1.1.5 – **Средняя численность добровольцев СОНКО в 2014–2020 годах**
(в расчете на 10 000 чел. населения)

Территория	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
РФ	166,2	186,1	200,1	276,4	234,6
СЗФО	138,6	117,2	130,5	144,0	136,6
Новгородская область	293,4	209,2	181,0	212,3	678,0
Псковская область	150,1	84,1	188,4	346,4	325,1
Республика Карелия	272,9	304,6	193,7	238,9	214,7
Вологодская область	239,8	158,8	159,7	183,1	139,6
Архангельская область	250,9	166,4	212,5	168,6	134,4
Республика Коми	236,6	346,5	247,7	241,6	126,8
Ленинградская область	63,1	95,6	72,6	95,8	100,2
г. Санкт-Петербург	47,5	45,7	77,4	87,1	83,3
Калининградская область	130,7	99,7	84,8	100,2	79,6
Мурманская область	240,5	364,1	274,9	228,8	48,6

Источник: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2014–2020 годы. URL: <http://www.gks.ru>

Следует также отметить, что всплеск добровольческой активности напрямую зависит от мотивирующей роли государства и местных органов власти во время важнейших событий (Олимпиада, чемпионаты мира, массовые молодёжные акции, фестивали и конкурсы), а также в периоды общенациональных и региональных угроз, вызванных техногенными и природными катаклизмами и т.п.

Уточнение показателей занятости в СОНКО на примере Вологодской области выявляет малочисленность штатных работников. Нестабильность условий функционирования НКО понуждает их руководителей избегать долговременных трудовых отношений с работниками.

Вместе с тем в регионе фиксируется сокращение численности официально трудоустроенных в СОНКО и внешних совместителей. При этом в 2020 г. средняя численность специалистов, привлеченных по договорам гражданско-правового характера, увеличилась. Наблюдается спад средней численности добровольцев (на 10%; табл. 1.1.6).

Таблица 1.1.6 – Средняя численность участников деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций Вологодской области (на конец года)

Показатель	2017 г.	2020 г.	2020 к 2017, в %
Среднесписочная численность штатных работников	4598	2814	-38,8
Средняя численность внешних совместителей	532	345	-35,2
Средняя численность нештатных работников (привлечённых по договорам гражданско-правового характера)	1143	1411	23,4
Средняя численность добровольцев (волонтеров)	17930	16073	-10,4
Численность членов организаций	419541	Н.д.	Н.д.
Источник: составлено авторами по официальным данным Вологдастата. (Основные характеристики социально ориентированных некоммерческих организаций Вологодской области за 2017 и 2020 гг.) URL: http://vologdastat.old.gks.ru/			

Подводя итог вышесказанному, отметим, что проблемы устойчивости деятельности субъектов некоммерческого сектора порождают выстраивание нестабильных трудовых отношений в коллективах, что напрямую влияет на кадровое развитие СОНКО, закрепление в штате квалифицированных сотрудников.

Далее представим анализ финансовых показателей функционирования и развития СОНКО. Финансы некоммерческих организаций – это совокупность отношений по поводу формирования и использования фондов денежных средств для реализации некоммерческих задач социально-общественного характера. Согласно предложенному инструментарию рассмотрим объем привлеченных СОНКО средств и источники формирования финансовых фондов СОНКО в региональном контексте.

Среди некоммерческих организаций регионов СЗФО больше 4 млрд руб. привлекли СОНКО Калининградской области. Относительно 2014 г. по среднероссийским значениям фиксируется несущественный рост поступлений в сектор, однако более чем в половине субъектов округа наблюдается отрицательная динамика. Заметное снижение поступления денежных средств показали г. Санкт-Петербург, Вологодская и Псковская области (табл. 1.1.7). Приведенные данные позволяют утверждать, что динамика доходов СОНКО оказалась чувствительной к такому внешнему фактору, как общий кризис в экономике, несмотря на введение дополнительных мер государственной поддержки сектора, обозначенных выше.

Некоммерческие организации привлекают финансовые ресурсы, используя разные источники обеспечения деятельности. В их структуре основное место занимают безвозмездные пожертвования: в совокупности от бизнеса и населения по всем субъектам РФ за 2020 год СОНКО

Таблица 1.1.7 – **Поступило денежных средств и иного имущества, всего, млрд руб.**
(в сопоставимых ценах 2020 г.)

Территория	2014 г.	2017 г.	2020 г.	2020 к 2014, +/-	2020 к 2014, %
РФ	891,688	956,665	895,350	3,663	0,4
СЗФО	67,742	59,831	63,070	-4,672	-6,9
Калининградская область	1,689	2,005	4,020	2,331	138,0
Республика Карелия	0,890	1,626	2,050	1,160	130,4
Новгородская область	1,280	1,362	2,460	1,180	92,2
Республика Коми	2,734	3,197	3,280	0,546	20,0
Архангельская область	3,723	3,680	3,650	-0,073	-2,0
Мурманская область	3,054	2,554	2,970	-0,084	-2,7
Ленинградская область	4,576	2,885	3,790	-0,786	-17,2
Вологодская область	7,490	5,044	3,390	-4,100	-54,7
Псковская область	4,014	1,295	1,280	-2,734	-68,1
г. Санкт-Петербург	38,226	36,197	2,060	-36,166	-94,6
Источник: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2014–2020 годы». URL: http://www.gks.ru					

получили 299 млрд руб.: 33% к общему количеству поступлений. При этом удельный вес поступлений от физических лиц значительно ниже, чем от юридических (коммерческих организаций). Такой источник финансирования, как доходы от социальной предпринимательской деятельности, составляет 30% в структурном отношении или 265,8 млрд руб. В условиях нестабильности поступления средств извне СОНКО стремятся чаще опираться на оказание платных социальных услуг за счет средств бюджета по госзаказу для обеспечения социальных государственных и муниципальных нужд.

Поэтому особое внимание следует обратить на роль государственного финансирования в поддержке СОНКО и обеспечении их устойчивости. Как доказано экономической наукой, целенаправленные воздействия государства на тот или иной объект, отрасль, сектор экономики влияют на их развитие [Лукин, Ускова, 2018, с. 36]. Данные официальной статистики свидетельствуют, что государственная поддержка из бюджетов федерального, регионального и муниципального уровней составляет только 17%, что существенно меньше рассмотренных источников формирования денежных средств (табл. 1.1.8). Для сравнения: в развитых странах организации некоммерческого сектора получают – от государства 48% доходов, в развивающихся – 22%, тогда как пожертвования граждан, бизнеса составляют лишь 17% в структуре источников финансирования⁷.

⁷ The Boston Consulting Group. М., 2012. URL: <http://www.bcg.com>

**Таблица 1.1.8 – Источники формирования денежных средств
и иного имущества социально ориентированных некоммерческих организаций
за 2020 год (по всем субъектам РФ)**

Источники формирования денежных средств и иного имущества организаций	Млн рублей	В % к общему количеству поступлений
Всего поступило	895345	100,0
В том числе:		
доходы (выручка) от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав (кроме доходов от целевого капитала)	265829	29,7
поступления (включая пожертвования) от российских коммерческих организаций	187190	20,9
поступления (включая пожертвования), гранты от российских физических лиц	111863	12,5
поступления (включая пожертвования), гранты от российских некоммерческих организаций	85907	9,6
поступления из федерального бюджета	71329	8,0
поступления из бюджетов субъектов Российской Федерации	60502	6,7
внерезидентские доходы	29786	3,3
поступления от иностранных государств, международных и иностранных организаций	18897	2,1
гранты от некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества (предоставленные за счет субсидий из федерального бюджета)	8958	1,0
поступления из муниципальных (местных) бюджетов	8942	1,0
поступления из бюджетов государственных внебюджетных фондов	6935	0,8
доход от целевого капитала	2759	0,3
денежные средства и иное имущество, полученное безвозмездно	1643	0,2
поступления от иностранных граждан и лиц без гражданства	991	0,1
денежные средства и иное имущество, полученное по завещанию в порядке наследования	18	0,0
иные поступления	33796	3,8
Источник: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2020 г. URL: http://www.gks.ru		

Исходя из проведенного анализа российского опыта, и в сравнении с другими странами, где некоммерческий сектор более развит, можно говорить о недостаточном внимании государства к НКО, в том числе и незначительном финансировании их деятельности.

Как свидетельствуют результаты исследований, среди факторов, определяющих региональные различия масштабах сектора НКО, наиболее значимым эффектом обладают размер их государственного финансирования и в несколько меньшей мере показатели социального капитала. Объем государственной поддержки СОНКО позитивно связан как с их числом в регионе, так и с их трудовыми и финансовыми ресурсами [Скокова, Рыбникова, 2022]. Однако чрезмерное попечение государства может создать ситуацию зависимости и подконтрольности сектора. В то же время для организаций возникает проблема поиска наиболее устойчивого источника финансирования с целью превращения разовых поступлений в постоянные, а краткосрочных – в долгосрочные.

Таким образом, установлено, что периоды кризисного состояния экономики непосредственно сказываются на устойчивости некоммерческого сектора. В частности, свои коррективы внесла пандемия COVID-19. Некоммерческие организации стали уязвимыми под влиянием введения необходимых ограничительных мер, призванных остановить распространение вируса. Статистика демонстрирует существенное снижение значений показателей поступления денежных средств, а также числа СОНКО, количества в них работников и добровольцев.

1.2. Ограничения и возможности некоммерческих организаций в период распространения новой коронавирусной инфекции

Ограничения и карантинные меры стали вводиться в начале 2020 года, а уже весной Всемирная организация здравоохранения охарактеризовала ситуацию с новой коронавирусной инфекцией как пандемию, которая изменила привычный ритм жизни во многих странах, внесла значительные коррективы в представления людей о своей безопасности в плане сохранения здоровья и самой жизни [Шабунова, 2020; Шматова, 2020]. Распространение COVID-19 радикально изменило социальную и экономическую реальность мировой цивилизации и российского общества. Пандемия серьезно повлияла не только на систему здравоохранения, повседневную жизнь людей, но и организации столкнулись с новыми рисками и ограничениями, воздействующими на их развитие и устойчивое функционирование. Очевидно, что преодоление эпидемиологического кризиса является ключевым условием для возвращения к нормальной жизни. Управленческой командой страны были приняты важные решения, которые во многом способствовали ограничению отрицательного воздействия пан-

демии [Российское общество и государство в условиях пандемии..., 2020]. Одним из таких решений стало введение ограничительных мер, временное прекращение работы организаций и перевод сотрудников на удаленную работу. Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в деятельность как субъектов малого и среднего предпринимательства [Земцов, Царева, 2020; Артамонова, 2019], так и некоммерческих негосударственных организаций, которые также оказались в сложном положении. Некоторые из них не успели перейти на онлайн-формат предоставления товаров и услуг, а те организации, модель деятельности которых была завязана исключительно на очном предоставлении социальных услуг, подверглись высокому риску ликвидации [Donthu, Gustafsson, 2020]. Следовательно, поддержка организаций некоммерческого сектора со стороны и государства, и иных экономических агентов выступает приоритетной задачей для достижения устойчивости их функционирования в кризисных условиях. Такая постановка проблемы аргументируется значимой ролью НКО в экономическом и социальном развитии, что подтверждается исследованиями российских и зарубежных авторов [Casey, 2015].

Говоря об актуальности рассматриваемой проблематики, необходимо отметить, что некоторые из наиболее уязвимых групп населения зависят от НКО во время пандемии больше, чем когда-либо [Corsini, Moultrie, 2021]. Это люди с ограниченными возможностями здоровья, дети, бездомные, пожилые люди и другие группы, нуждающиеся в помощи. Некоммерческие организации в период действия ограничительных мер обеспечивали их продуктами питания, товарами первой необходимости и средствами защиты, осуществляли поддержку учреждений здравоохранения и медицинских работников, оказывали психологическую и юридическую помощь.

Далее перейдем к рассмотрению ограничений развития организаций российского некоммерческого сектора и механизмов их преодоления в период распространения новой коронавирусной инфекции. Отсюда можно сформулировать ряд исследовательских задач: определение категорий НКО, наиболее подверженных воздействию ограничительных мер в данный период; изучение ограничений и барьеров их деятельности; анализ механизмов поддержки НКО.

Проблемы адаптации этих организаций к условиям пандемии COVID-19 отражены в информационно-аналитических материалах крупных исследовательских государственных учреждений и негосударственных структур, что доказывает востребованность предмета исследования со стороны научного сообщества и практиков. Ученые Центра оценки

общественных инициатив Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ проанализировали зарубежный опыт поддержки НКО во время пандемии⁸ и описали российские социальные практики помощи НКО уязвимым группам населения⁹. Сотрудники Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ представили данные о самоорганизации граждан и жизнестойкости некоммерческих организаций¹⁰. Благотворительный фонд развития филантропии «КАФ» (БФ КАФ) провёл две волны социологических исследований, посвященных последствиям пандемии коронавируса для НКО: в первой волне выборка составила 232 НКО из 48 регионов (замеры проводились в марте 2020 г.)¹¹, во второй – 194 НКО из 45 регионов (замеры проводились в июне 2020 г.)¹². В Докладе о состоянии гражданского общества в РФ за 2020 год один из разделов также посвящен работе некоммерческих организаций во время распространения коронавирусной инфекции. Интерес представляет исследование д.э.н. В.Ю. Кульковой, в фокусе внимания которой государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в условиях кризиса 2020 года и которой применялся метод экспертных оценок [Кулькова, 2020].

В нашей работе, во многом опирающейся на перечисленные исследования, которые использованы в качестве информационной базы, применяются методы вторичного анализа результатов социологических опросов, без проведения собственных полевых исследований и экспериментов. Кроме того, используются контент-анализ официальных документов и анализ статистических данных.

Фактически спектр исследований и публикаций по рассматриваемой теме ограничен, поскольку COVID-19 – новый и еще не завершившийся вызов для общества. Научный дискурс пока только утверждает и идет формирование общего набора проблем, требующих научно обоснованных решений. Поэтому обращение к вопросу функционирования организа-

---

⁸ Поддержка НКО во время пандемии: зарубежный опыт / Центр оценки общественных инициатив Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ. URL: <https://politinst.hse.ru>.

⁹ Вклад НКО в борьбу с пандемией: российский контекст / Центр оценки общественных инициатив Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ. URL: <https://politinst.hse.ru>.

¹⁰ Самоорганизация граждан. Жизнестойкость НКО во время пандемии / Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/28/1598473677/HSE_Covid_10_2020_4_1.pdf

¹¹ Новая реальность. Как COVID-19 меняет работу российских НКО (2020). URL: <http://cafrussia.ru/storage/files/file-114.pdf>

¹² НКО и коронавирус: остаться в живых. Исследование Благотворительного фонда «КАФ». URL: <http://cafrussia.ru/storage/files/file-111.pdf>

ций некоммерческого сектора во время распространения новой коронавирусной инфекции является востребованным направлением в научном сообществе.

1. Определение категорий НКО, наиболее подверженных воздействию ограничительных мер в период пандемии COVID-19, и выявление барьеров их деятельности в сложившихся условиях.

В начале 2020 года Общественной палатой РФ были организованы общественные слушания и «горячая линия» по проблеме поддержки НКО в условиях пандемии. На основе обобщения этих двух источников информации была опубликована итоговая резолюция, в которой выделены две категории НКО, наиболее подверженные воздействию пандемии ограничительных мер, введенных во время новой коронавирусной инфекции¹³.

Первую категорию составляют социально ориентированные НКО, оказывающие населению услуги в социальной сфере. Статистические данные показывают рост числа получателей таких услуг в допандемийный период, с 2017 по 2019 г., что свидетельствует о качественном и количественном развитии СОНКО, увеличении спроса на их услуги (табл. 1.2.1).

Таблица 1.2.1 – **Количество потребителей услуг СОНКО на 1000 чел.**

Сфера	2017 г.	2019 г.
Образование	60,1	124,5
Здравоохранение	84,7	106,5
Социальная политика	43,8	59,2
Культура	63,9	114,1
Спорт	33,7	47,4
Получателей услуг, всего	286,2	451,7
Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС «Количество человек, которым оказаны социальные услуги с 2017 года». URL: https:// fedstat.ru/indicator/58621		

Однако в условиях ограничений и самоизоляции в их деятельности возникли проблемы организационно-административного характера. Распределение ответов на вопрос «С какими трудностями Вы сталкиваетесь в адаптации к нынешним условиям?» показывает, что основной проблемой для НКО стало приспособление программ и проектов к онлайн-формату – такое мнение высказали 35% опрошенных. Отсутствие технической инфраструктуры для полноценной удаленной работы отметили 26% респондентов, при этом никогда не приходилось работать в дистан-

¹³ Резолюция Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественных слушаний на тему: «Меры поддержки НКО в условиях пандемии». URL: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/53098>

ционном режиме 19% опрошенных организаций. Выразили беспокойство о том, что благополучатели не готовы к взаимодействию в виртуальном пространстве, 23% опрошенных (табл. 1.2.2).

Таблица 1.2.2 – **Распределение ответов на вопрос «С какими трудностями Вы сталкиваетесь в адаптации к нынешним условиям?» (N=232 НКО, 1 волна, март 2020 года)**

Варианты ответа	%
Наши программы и проекты плохо ложатся в онлайн формат	35
Наша техническая инфраструктура не позволяет полноценно работать удаленно	26
У нас нет никаких трудностей	26
Наши благополучатели не готовы взаимодействовать с нами в онлайн формате	23
Нам никогда не приходилось работать на удаленном режиме	19
Другое	14
Источник данных: результаты первой волны (март 2020 г.) социологического исследования БФ КАФ. URL: http://cafrussia.ru/storage/files/file-114.pdf	

Кроме того, дистанционный формат работы оказал влияние на взаимоотношения с заказчиками и донорами. Так, в случае перевода услуги в онлайн некоммерческие организации сталкиваются с трудностями предоставления отчетности об исполнении договора или государственного контракта. Отсутствие опыта работы в удаленном режиме порождает проблемы управления и организации деятельности, а также дополнительные издержки на приобретение оборудования.

Таким образом, переход на удаленную работу и перевод в онлайн-сервисы социальных услуг оказались затруднительными в организационном плане, а в некоторых случаях стали невозможными. Потребители услуг СОНКО – это прежде всего особые категории граждан (пенсионеры, инвалиды, дети и др.), которые находились на самоизоляции и не имели возможности получить необходимую помощь. Следовательно, деятельность приостановили образовательные организации, сферы культуры, спорта и т.д.

Тем не менее, как фиксируют замеры БФ КАФ, уже к июню 2020 года некоммерческие организации адаптировались к новым условиям работы: 49% респондентов запустили новые программы, преимущественно в области поддержки людей по «горячим линиям», доставки продовольственных и непродовольственных товаров для обеспечения жизнедеятельности, помощи медицинским организациям. Сократили свою программную деятельность только 15% опрошенных некоммерческих организаций¹⁴.

¹⁴ НКО и коронавирус: остаться в живых. Исследование Благотворительного фонда «КАФ». URL: <http://cafrussia.ru/storage/files/file-111.pdf>

Отсюда следует, что способность НКО адаптироваться к условиям пандемии и смена программ привели к противоположному положительному процессу – повышению спроса на услуги.

Вторую категорию наиболее пострадавших составляют благотворительные НКО, испытывающие в период пандемии сокращение объема пожертвований от граждан и организаций в связи с сокращением располагаемых доходов населения [Камдина, 2020] и прибыли бизнеса [Земцов, Царева, 2020]. Информация о структуре источников формирования денежных средств некоммерческих организаций до текущей эпидемии свидетельствует, что основной объем финансирования поступает от физических и юридических лиц (за 2019 г. более 40%). При этом пожертвования от бизнеса снизились с 2017 г. по 2019 г. (с 24 до 18%), тогда как поступления от населения незначительно увеличились (с 13 до 14%)¹⁵.

В отсутствие данных официальной статистики за 2020 год, оценка объема пожертвований возможна исходя из материалов опросов. Большинство некоммерческих организаций (60%), ранее получавших благотворительную помощь, отмечают, что в период пандемии COVID-19 поступления значительно сократились. Объем пожертвований упал более чем на 80% в каждой пятой организации. Наблюдались различия между регионами и столицей: региональные НКО получали меньше средств от населения и компаний, чем московские¹⁶. Поскольку большую долю доходов НКО на осуществление программ, мероприятий, производство услуг занимают именно эти поступления, их сокращение ведет к потере финансовой устойчивости, которая является ключевым элементом эффективности деятельности [Goodell, Goyal, Hasan, 2020].

Сокращение объема пожертвований от населения и бизнеса, приостановление оказания социальных услуг, неисполнение условий ранее заключенных договоров привели к отсутствию средств на выплату заработной платы, оплату страховых взносов и налогов, арендных и коммунальных платежей. Так, по данным БФ КАФ 63% опрошенных организаций не сократили штат сотрудников и их заработную плату. Однако 22% НКО урезали заработную плату, а 7% – уволили часть сотрудников¹⁷.

---

¹⁵ Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2017, 2019 годы на основе формы № 1-СОНКО. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>

¹⁶ НКО и коронавирус: остаться в живых. Исследование Благотворительного фонда «КАФ». URL: <http://cafrussia.ru/storage/files/file-111.pdf>

¹⁷ Там же.

Анализ показал, что российские НКО, как и другие хозяйствующие субъекты, в условиях распространения коронавирусной инфекции попали в трудную ситуацию. В их функционировании выявлены основные ограничения финансового и организационного характера, которые могли повлечь значительное сокращение или полное прекращение их работы. Подчеркнем, что на момент проведения исследования отсутствовала информация Росстата об итогах обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2020 год, поэтому количественные показатели деятельности сектора не представлены в полном объеме. Вместе с тем данные опросов дают основание сформировать и понять ключевые тренды и проблемы развития российского некоммерческого сектора в кризисных условиях.

2. Механизмы поддержки НКО во время распространения новой коронавирусной инфекции.

Обеспечение жизнестойкости НКО во время распространения новой коронавирусной инфекции является сложным процессом, который требует комплексного и системного подхода к его реализации. Здесь применимо формирование организационно-экономического механизма (ОЭМ), позволяющего достигать поставленной цели с учетом тенденций развития и текущего состояния исследуемого сектора экономики [Кремин, 2019]. За основу нашего исследования возьмем определение ОЭМ, данное Ф.Х. Цхурбаевой, И.Т. Фарниевой: «ОЭМ – совокупность организационных и экономических средств воздействия субъекта управления на управляемый объект с целью достижения желательных состояний объекта управления посредством выработки управленческих решений, обеспечивающих соединение статики и динамики» [Цхурбаева, Фарниева, 2009, с. 153]. В нашем случае субъектом выступают органы государственной власти федерального уровня, а объектом – негосударственные некоммерческие организации.

В целях нивелирования выявленных проблем, возникших в некоммерческом секторе в период пандемии, государство утвердило ряд антикризисных мер финансово-экономического, имущественного и организационно-административного характера. Анализ и систематизация данных мер позволили объединить их в единый организационно-экономический механизм государственной поддержки НКО в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (рис. 1.2.1).

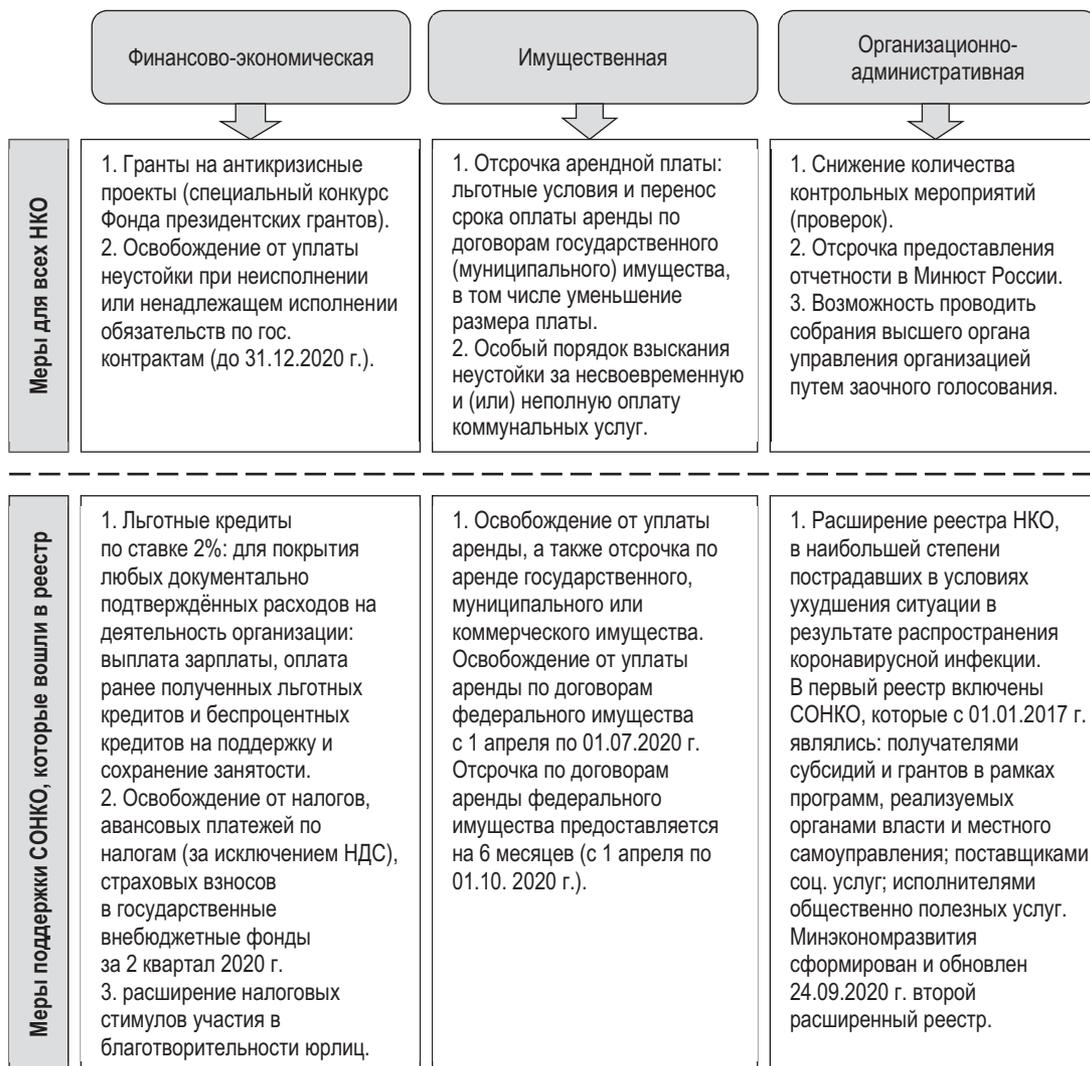

Рисунок 1.2.1 – **Организационно-экономический механизм государственной поддержки НКО в условиях распространением новой коронавирусной инфекции**

Источник: составлено авторами.

Организационно-экономический механизм государственной поддержки некоммерческих организаций в условиях COVID-19 находит отражение в количественных показателях. В частности, самой востребованной среди СОНКО мерой выступило освобождение от уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды. Воспользовались этой мерой 24,2 тыс. организаций на общую сумму 8,8 млрд руб. Пользовались спросом и послабления по уплате авансовых платежей: было распределено 162 млн руб., а обратились за помощью более 1 тыс. СОНКО.

В период пандемии некоммерческий сектор активно подключился к борьбе с проявлениями и последствиями ковида поэтому государством было принято решение о предоставлении субсидий на мероприятия по его профилактике. С одной стороны, некоммерческие организации играют существенную роль: их помощь может сохранить здоровье, а порой и спасти жизнь тех, кому они призваны помогать. С другой стороны, при непосредственном проведении мероприятий решаются экономические проблемы занятости, которые обострились во время пандемии: привлекается дополнительная рабочая сила, создаются рабочие места, выплачивается заработная плата. Общая сумма субсидий на мероприятия составила 931 млн руб., получили их более 4 тыс. организаций. Еще одной существенной мерой государственной поддержки стало проведение специального внеочередного конкурса Фонда президентских грантов (ФПГ), победители которого распределили между собой 2 млрд руб. (табл. 1.2.3).

Таблица 1.2.3 – Количественные показатели государственной поддержки некоммерческого сектора в период распространения новой коронавирусной инфекции, 2020 год

Мера поддержки	Количество СОНКО, получателей государственной поддержки, ед.	Объем распределенных денежных средств, млн руб.
Льготные кредиты на возобновление деятельности организаций	1008	2744,6
Субсидии на мероприятия по профилактике коронавирусной инфекции	4180	930,8
Освобождение от уплаты авансовых платежей	1742	162,0
Освобождение от уплаты страховых взносов	24 200	8000,8
Специальный внеочередной конкурс Фонда президентских грантов	900	2000,0
Всего получателей	32 030	13 838,2
Источник данных: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2020.		

Необходимо выделить формальные моменты специального внеочередного конкурса ФПГ. В основных ежегодных конкурсах проектов утверждаются 16 направлений, по которым предоставляются гранты. В специальном конкурсе проекты поддерживаются по трем направлениям, наиболее значимым в период пандемии. В их число входят: социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан; охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни; поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Положением оговариваются основные группы благополучателей: наиболее подверженные негативному воздействию коро-

навирусной инфекции и непосредственно работающие с заразившимися (пенсионеры, инвалиды, люди из групп риска, многодетные и малоимущие семьи, медики, волонтеры и др.)¹⁸.

Информационная система Фонда президентских грантов позволяет оценить распределение финансирования поддержанных проектов некоммерческих организаций в региональном разрезе. Рассмотрим это на примере трех регионов СЗФО, отличающихся разным уровнем развития некоммерческого сектора [Уханова, 2019]. Информация свидетельствует, что Вологодская область является самым активным регионом из представленных и участвующих в конкурсе: поддержано 18 проектов на сумму 36,9 млн руб. Напротив, Республика Карелия выступает наименее активным участником: поддержано всего 5 проектов на сумму 5 млн руб. (табл. 1.2.4).

Таблица 1.2.4 – Информация о распределении финансирования поддержанных проектов некоммерческих организаций Фондом президентских грантов в рамках специального внеочередного конкурса в период борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции, 2020 год

Грантовое направление	Кол-во поддержанных проектов, ед.	Сумма*, млн руб.
<i>Вологодская область</i>		
Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	5	16,7
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	11	15,6
Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	2	4,6
Всего по грантовым направлениям	18	36,9
<i>Псковская область</i>		
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	3	10,3
Всего по грантовым направлениям	3	10,3
<i>Калининградская область</i>		
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	8	17,3
Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	4	2,0
Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	1	3,0
Всего по грантовым направлениям	13	22,3
<i>Республика Карелия</i>		
Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	3	4,1
Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	2	0,9
Всего по грантовым направлениям	5	5,0
* С учетом софинансирования. Источник данных: официальный сайт Фонда президентских грантов.		

¹⁸ Положение о специальном конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/home/documents>

Как можно увидеть, наблюдается дифференциация регионов по поддержке проектов НКО, оказываемой в рамках специального внеочередного конкурса ФПГ. Причины такой тенденции кроются не в предпочтениях государства, а в инициативности самих некоммерческих организаций, в качестве подготовленных заявок и т.д. Безусловно, финансирование поддержанных на конкурсе проектов должно положительно сказаться на устойчивости и жизнестойкости рассматриваемых организаций во время пандемии.

В ответ на кризис, вызванный новой коронавирусной инфекцией, бизнес предложил поддержку некоммерческим организациям. В частности, откликнулись благотворительные фонды при крупных коммерческих компаниях. В исследование включены два фонда – Владимира Потанина, Елены и Геннадия Тимченко. Следует отметить, что в рейтинге российских благотворительных фондов Forbes за 2019 год они занимают первое и второе место¹⁹. Выбор этих фондов также обусловлен длительностью их функционирования. В целом это особый тип некоммерческих организаций, создаваемых крупными корпорациями для решения социальных задач. Данные структуры финансируются из средств компании, с которой они ассоциированы, или за счет собственных средств создателей, добровольных взносов, а также дивидендов. Деятельность благотворительных фондов связана с предоставлением грантов на реализацию проектов, направленных на решение или смягчение социальных проблем. Как показывает практика, в грантовых конкурсах преимущественно участвуют некоммерческие организации, хотя некоторые фонды предоставляют возможность реализовывать свои проекты инициативным гражданам без образования юридического лица [Косыгина, 2020, с. 61].

Изучив и обобщив информацию официальных сайтов благотворительных фондов о мерах их поддержки НКО, можно сформировать частный организационно-экономический механизм поддержки НКО в период пандемии COVID-19, который перекликается с государственным, так как обеспечивает такие же антикризисные меры: финансово-экономические, организационно-административные и имущественные (рис. 1.2.2).

---

¹⁹ 20 лучших благотворительных фондов богатейших россиян // Рейтинг Forbes. URL: <https://www.forbes.ru>

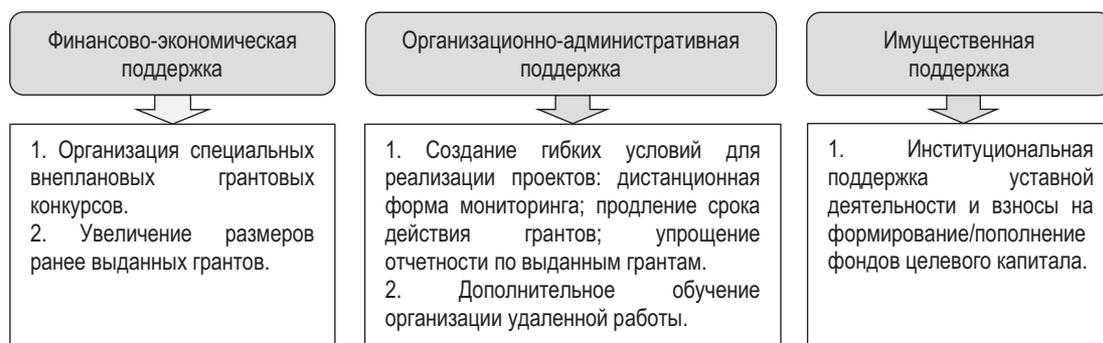

Рисунок 1.2.2 – **Частный организационно-экономический механизм поддержки НКО в период пандемии (на примере деятельности благотворительных фондов)**

Источник: составлено авторами.

Распределение объема денежных средств, направленных данными фондами на борьбу с пандемией, в том числе на поддержку некоммерческих организаций, работающих с уязвимыми группами граждан, показывает, что суммарно направлено более 4 млрд рублей. Благотворительный фонд Е. и Г. Тимченко выделил 2,9 млрд руб. (табл. 1.2.5). А объем расходов фонда В. Потанина в 2020 году увеличился на 82% в связи с антикризисными инициативами²⁰.

Таблица 1.2.5 – **Объем денежных средств, направленных на борьбу с пандемией, в том числе на поддержку НКО, работающих с уязвимыми группами граждан**

Наименование фонда	Объем денежных средств, млрд руб.
Благотворительный фонд В. Потанина	1,36
Благотворительный фонд Е. и Г. Тимченко	2,90

Источник: официальные сайты благотворительного фонда В. Потанина. URL: <https://www.fondpotanin.ru/>; благотворительного фонда Е. и Г. Тимченко. URL: <http://timchenkofoundation.org/>

Детализация направлений финансирования благотворительного фонда В. Потанина по поддержке НКО и инициативных групп граждан в период пандемии показывает, что средства выделялись в первую очередь на сохранение устойчивости организаций: поддержку уставной деятельности, обучение работе в удаленном режиме, поддержку текущих грантополучателей (табл.1.2.6).

²⁰ Официальный сайт благотворительного фонда В. Потанина. URL: <https://www.fondpotanin.ru/>

Таблица 1.2.6 – **Направления финансирования благотворительного фонда В. Потанина по поддержке НКО и инициативных групп граждан в период пандемии**

Краткая характеристика / основное направление поддержки	Название конкурса / программы
Поддержка уставной деятельности, формирование целевого капитала социальных инфраструктурных организаций, которые работают в период пандемии в сферах риска и с наиболее уязвимыми группами людей	«Новое измерение»
Предоставление на конкурсной основе финансирования инициативным группам и НКО на проекты по улучшению условий жизни уязвимых слоев населения (своих благополучателей)	«Школа филантропии»
Адаптация деятельности НКО к работе в удаленном режиме, обучение, информационно-консультативная поддержка	«Общее дело»
Поддержка текущих грантополучателей (увеличение суммы грантов на 10%)	-
Источник: официальный сайт благотворительного фонда В. Потанина. URL: https://www.fondpotanin.ru/	

Таким образом, пандемия COVID-19 потребовала мобилизации ресурсов трех секторов: некоммерческого, бизнеса и государства. Вызов современному обществу в лице коронавирусной инфекции подтолкнул к развитию межсекторного взаимодействия, способности действовать вместе в решении социальных и экономических проблем. Механизмы взаимодействия организаций некоммерческого сектора как с бизнесом, так и с государством, созданные и апробированные в условиях пандемии, с большой долей вероятности найдут применение в дальнейшем и окажут положительное влияние на развитие сектора. В то же время расширение партнерства приводит к мобилизации ресурсов нескольких секторов общества и более эффективному развитию не только НКО, но и экономики страны в целом.

Некоммерческие организации адаптируются к трудным условиям, им приходится преодолевать проблемы, связанные с диверсификацией и ограничением финансирования, барьерами в коммуникации и другими проблемами, которые заслуживают их собственного внимания по мере того, как российское общество и экономика выходят из кризиса, вызванного распространением новой коронавирусной инфекции.

В исследовании систематизированы меры государственной поддержки НКО в единый организационно-экономический механизм. Анализ количественных показателей свидетельствует о востребованности государственных антикризисных мер со стороны организаций некоммерческого сектора. Поддержку на сумму более 13 млрд руб. получили более 32 тыс. НКО. Наряду с государственными мерами преодоления трудностей, вызванных ограничительными мероприятиями, сформирован и частный организационно-экономический механизм поддержки некоммерческих организаций за счет ресурсов бизнеса, рассмотренный нами на примере

деятельности благотворительных фондов. Пандемия COVID-19 усилила межсекторное взаимодействие при решении общих проблем. Опора на консолидацию и партнерство в сложных экономических условиях поможет некоммерческим организациям расширить способы поддержания своей деятельности и выбрать из них наиболее подходящие. Внимание и поддержка государства и бизнеса обеспечат рост доверия к некоммерческому сектору со стороны населения, повысят гражданскую активность и инициативность в решении актуальных задач.

В заключение важно отметить, что пандемия COVID-19 стала катализатором для осознания необходимости перемен, пересмотра стратегий, расстановки приоритетов. У НКО появились шансы для перепроверки правильности выбора действий, разработки новых идей, что позволит ответить на вызовы времени и отсеять то, что невозможно или неэффективно реализовывать в краткосрочной и среднесрочной перспективе²¹.

Перспективным направлением исследований в русле данной проблематики является оценка эффективности действий государства и вводимых им мер поддержки некоммерческого сектора с точки зрения самих организаций. В том числе видится необходимым определение новых форм конструктивного взаимодействия органов власти, бизнеса и некоммерческих организаций в посткризисный период.

1.3. Барьеры в развитии некоммерческого сектора и опыт их преодоления в зарубежных странах

В последние годы в России происходят значительные изменения, касающиеся некоммерческих организаций. Совершенствуется нормативно-правовая база, лежащая в основе их функционирования [Мерсиянова, Беневоленский, 2016; Шабунова, Косыгина, 2019], вводятся в действие механизмы государственной поддержки [Громова, Мерсиянова, 2016; Krasnopolskaya et al., 2015]. В то же время в сравнении со странами Европы развитие отечественного третьего сектора остается на довольно низком уровне [Милованова, 2019; Задорин и др., 2011]. Очевидно, что изучение зарубежного опыта позволит определить наиболее уязвимые места и скорректировать как государственную политику в отношении российского некоммерческого сектора, так и его внутренние стратегии развития.

---

²¹ Жизнестойкость НКО во время пандемии / Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/28/1598473677/HSE_Covid_10_2020_4_1.pdf

В целом некоммерческий сектор в странах Европы функционирует под значительным влиянием исторических особенностей развития общества. Здесь сформировались «государства всеобщего благосостояния» (welfare states), или, по мнению экспертов, скорее «партнерства всеобщего благосостояния» [Enjolras et al., 2018, с. 70], когда органы власти в значительной степени полагаются на некоммерческий сектор в процессе оказания социальных услуг. В рамках настоящего исследования речь пойдет о странах Западной Европы, в которых индустриализация и частичная либерализация общественных отношений привели к увеличению рабочего класса и росту числа организаций, представлявших его интересы. Спонсированные государством меры социальной защиты транслировались и контролировались посредством религиозных организаций и сосредоточивались на сфере услуг, а не на протестном поведении [Enjolras et al., 2018, с. 70]. Для стран Западной Европы характерно развитие некоммерческого сектора на основе принципа субсидиарности, который заключается в том, что проблемы населения преимущественно должны решаться на наиболее низком уровне управления – в семье и местном сообществе (включающем в себя различные объединения граждан). Лишь в случае невозможности решения возникшей проблемы своими силами и с помощью непосредственного окружения возникает необходимость обращения к органам государственной власти. Это обуславливает более активное развитие именно локальных некоммерческих организаций.

Для стран Восточной Европы характерна другая модель, лучше всего поддающаяся объяснению с позиции теории социального происхождения. До 1990-х годов их третий сектор находился под довольно жестким государственным контролем, что привело к более активному развитию неформального (неассоциированного) участия. Не вступая в спор с точкой зрения, согласно которой СССР «насильственным путем экспортировал» этот паттерн в страны Центральной и Восточной Европы [Enjolras et al., 2018, с. 73], согласимся с мнением Л.И. Якобсона, что «... нынешний спрос на эти институты [зарегистрированные НКО] коренится в спросе на институционализированную самоорганизацию, который бесспорно существовал в СССР, хотя и был ограничен, не встречал адекватного предложения» [Якобсон, Санович, 2009, с. 22]. Существовавший общественно-политический строй определил особенности развития восточно-европейского третьего сектора – небольшое число некоммерческих организаций, их экономическую слабость, юридические барьеры функционирования, проблемы выстраивания взаимоотношений с государством и другими участниками общественных процессов.

Некоммерческий сектор в странах Восточной Европы развивается в контексте коммунистического прошлого или, согласно теории социального происхождения, в рамках модели запоздалой демократии. Модель характеризуется неустойчивостью и «подвержена серьезным трансформациям под давлением пересмотра принципов управления социальной сферой», что подразумевает «снижение государственных обязательств и увеличение доли ответственности общества, гражданских объединений и бизнеса» [Тарасенко, 2015, с. 128]. Среди прочего это привело к превалированию в восточноевропейском некоммерческом секторе небольших организаций, зависящих от финансовой поддержки местных органов власти [Leś et al., 2016].

Проблемы в развитии некоммерческого сектора и поиск путей их преодоления являются предметом изучения исследователей и практиков не одно десятилетие. Ученые приходят к выводу о том, что возможности некоммерческих организаций реализуются в ограниченной форме. Так, Stagner и Richman в результате проведенного в 1986 году опроса [Stagner, Richman, 1986] выявили, что 49% респондентов не обращались за решением существующих у них проблем к некоммерческим поставщикам социальных услуг. Причины этого заключались в процедурных сложностях (43% случаев), отношении респондентов к получению помощи со стороны (29%), персонала, задействованного в оказании услуг (17%) и местонахождении (9%). В 31% случаев респонденты указывали «иное» в качестве причины отказа от услуг.

Обобщив результаты исследований по проблемам некоммерческих организаций, Л. Саламон выделил четыре «провала» третьего сектора [Salamon, 1987]:

- филантропические сбои/*philanthropic insufficiency* (проблемы, связанные с аккумулярованием ресурсов для осуществления деятельности);
- филантропический партикуляризм/*philanthropic particularism* (фокусирование некоммерческих организаций на определенных целевых группах);
- филантропический патернализм/*philanthropic paternalism* (те, кто предоставляет ресурсы, например грантодатели, фактически определяют потребности общества, которые нуждаются в удовлетворении);
- филантропическое дилетантство/*philanthropic amateurism* (недостаточный профессионализм НКО).

В данном исследовании явно прослеживается подход, при котором ответственность за эффективность деятельности в большей степени

лежит на некоммерческом секторе и зависит от его внутренних процессов, а не от внешней среды. В этом ключе работа Л. Саламона перекликается с выводами отечественных исследователей И.В. Задорина, Д.Г. Зайцева и И.А. Климова [Задорин и др., 2011, с. 5], определивших четыре уровня взаимодействия общественных организаций: с гражданами, властью, бизнесом и другими НКО. Они считают, что «многие проблемы гражданского общества имеют корни в самих его структурах, в их способности/неспособности выстраивать отношения с другими социально-политическими акторами». Несмотря на то что внимание авторов сфокусировано на внутренних сложностях сектора, в общих чертах обрисованы и барьеры, связанные с условиями окружающей среды, в которых он развивается.

Исследования, детализирующие проблемы, которые препятствуют активному развитию некоммерческого сектора, зачастую сосредоточиваются на отдельных категориях населения и наиболее характерных для них сложностях. Так, К. Edin и L. Lein, изучая отношение матерей-одиночек к помощи, предлагаемой некоммерческими организациями, выявили, что психологические установки в значительной степени влияют на установление между ними взаимодействия [Edin, Lein, 1997]. Кроме этого, как отмечает R.J. Kissane, важную роль играет доступность организаций третьего сектора. С одной стороны, необходимо обеспечить распространение информации об их деятельности, с другой стороны, их фактическое местоположение также не должно становиться препятствием для потенциальных потребителей услуг [Kissane, 2003]. Отдельный интерес в западном научном дискурсе вызывают проблемы гражданского участия молодежи и барьеры в деятельности НКО, занимающихся их решением. В частности, M.J. D'Agostino и A. Visser выявили, что преобладающими видами барьеров являются политические и социальные. Политическая составляющая связана с взаимодействием НКО и государственных служб в отношении вовлечения молодых людей в общественную деятельность. Социальный аспект включает широкий спектр факторов – от фактической доступности услуг некоммерческих поставщиков до ментальных установок участников процесса [D'Agostino, Visser, 2010]. В молодежном контексте особую значимость приобретает также то, что в условиях активного развития информационных технологий меняются формы общения между некоммерческими организациями и их целевой аудиторией, часть которой составляет молодое поколение. Перед НКО встает необходимость использования средств онлайн-коммуникации, которая позволит адекватно отражать деятельность организаций в виртуальной среде [Brandtzæg et al., 2015].

Научные исследования, направленные на изучение барьеров в деятельности третьего сектора, безусловно, опираются на опыт некоммерческих организаций. В этих работах отмечается, что в странах с развитым сектором действует практика оценки существующих проблем самими некоммерческими организациями и это имеет большое значение в процессе фандрайзинга. Среди наиболее распространенных факторов, негативно влияющих на развитие сектора, называются дефицит финансовых ресурсов и поддержки со стороны государства, недостаточно высокий уровень технической экспертизы и применения инструментов оценки [Ógáin et al., 2012; Breckell et al., 2010]. Ответственность за возникновение этих барьеров нередко возлагается на органы власти и финансирующие организации [Ellis, Gregory, 2008; Carman, Fredericks, 2008; Bach-Mortensen, Montgomery, 2018].

Обобщая результаты анализа научной литературы по проблеме барьеров развития некоммерческих организаций, следует отметить, что, стремясь к устойчивости, некоммерческий сектор вынужден преодолевать разнообразные сложности: поддерживать финансовую стабильность, оставаться конкурентоспособным, в то же время быть в состоянии развивать кооперационные связи и, главное, сохранять способность выполнять свои социальные задачи [Sontag-Padilla et al., 2012].

Как было выявлено в ходе проработки теоретических основ исследования, для развития европейского третьего сектора характерны следующие изменения. Во-первых, вследствие увеличения социального неравенства и структурной безработицы растет спрос на его услуги [Maaser, 2009]. Во-вторых, в социальной сфере наблюдается запрос на услуги более высокого качества, чем прежде. От некоммерческих организаций требуют повышения их профессионализма, и эта тенденция, по мнению экспертов, будет усиливаться [Simsa et al., 2016].

Далее, опираясь на вышеприведенные исследования, мы дополняем их выявлением и описанием барьеров в деятельности европейского некоммерческого сектора и формулированием рекомендаций по их преодолению.

Эмпирическую базу исследования составили данные отчетов стран-участниц проекта «Third Sector Impact», который получил финансирование в рамках программы ЕС (FP7) и объединил усилия более чем 30 исследователей, занимающихся изучением третьего сектора в Европе. Материалы включают обзор общего состояния третьего сектора и проблем, характерных для деятельности НКО, функционирующих в сферах социальных, спортивных и культурных услуг.

Для нашего исследования выбраны результаты изучения некоммерческого сектора в Нидерландах, Германии, Австрии, Франции, Польше, Хорватии, представленные в отчетах стран по итогам реализации проекта. Выбор обоснован тем, что в странах Западной Европы третий сектор считается наиболее развитым, в том числе в плане взаимодействия с государством; у тому же опыт Польши и Хорватии позволяет оценить проблемы в развитии этого сектора для стран Восточной Европы, что в перспективе даст возможность провести компаративный анализ с российским опытом. Проблема дефицита стандартизированных данных, приведенных для каждой страны, налагает серьезные ограничения на логику изложения и не позволяет соблюсти структуру последовательного сравнительного анализа.

Несмотря на различия в исторических и юридических аспектах функционирования, некоммерческий сектор в странах Западной и Восточной Европы сталкивается со схожими проблемами развития. Один из самых существенных барьеров связан с финансовым аспектом функционирования НКО. Эти организации привлекают финансовые ресурсы для осуществления своей деятельности из разных источников, однако средства, поступающие от государства (в виде социальных заказов, грантов или поддержки), как правило, составляют значительную долю общего дохода и обеспечивают устойчивость НКО (рис. 1.3.1).

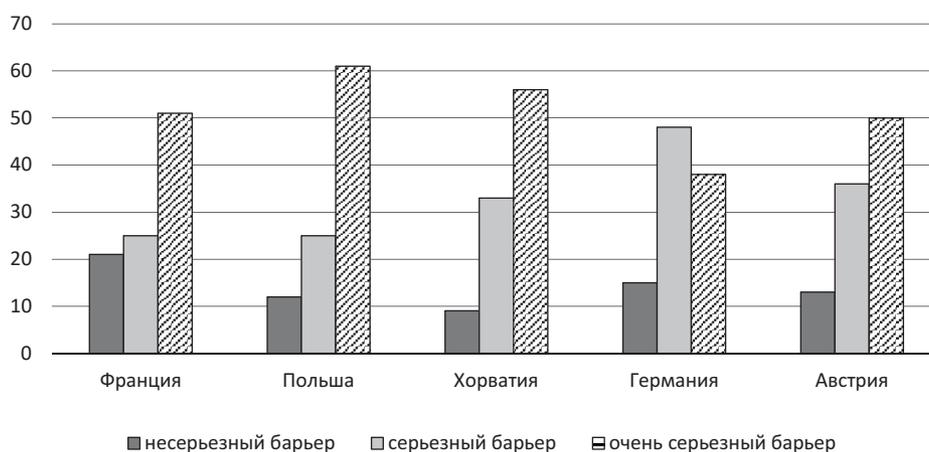

Рисунок 1.3.1 – **Недостаток государственного финансирования**, % от числа опрошенных

Примечание: здесь и далее доля от числа опрошенных в диаграммах указана исходя из рисунков, опубликованных в отчетах ЕС, и может колебаться в пределах 1%.

Источник: составлено по [Zimmer, Pahl, 2016, с. 10].

Сокращение и проектный характер государственного финансирования приводит к необходимости восполнения затрат на осуществление деятельности за счет увеличения объемов пожертвований от частных лиц и организаций. Если в 1990-х годах важнейшим источником средств выступали гранты, то в настоящее время это прибыль от предпринимательской деятельности [Priller et al., 2012]. Изменения в системе финансирования некоммерческого сектора привели к формированию квази-рынка социальных услуг, где НКО осуществляют свою деятельность на контрактной основе. Необходимость выстраивания взаимоотношений с заказчиками услуг и выполнения контрактных условий означает среди прочего усиление контроля со стороны государства и более строгие ограничения в деятельности. Дискретный характер государственных заказов и превалирование проектного краткосрочного финансирования, по мнению польских исследователей, препятствует выстраиванию долговременных взаимовыгодных отношений между государством и некоммерческим сектором и усугубляет острую проблему, связанную с низкой степенью влияния третьего сектора на принятие решений в сфере социальной политики [Leś et al., 2016]. Восточноевропейские организации, участвовавшие в опросе, считают взаимоотношения с другими акторами в некоторой степени барьерами для развития: 48,2% респондентов считают серьезной проблемой контроль со стороны государства, а для 42,9% – потенциальным ограничителем эффективности деятельности видится конкуренция с другими НКО [Vežovan et al., 2016]. Этот факт представляется интересным, поскольку в целом западноевропейские некоммерческие организации воспринимают происходящие изменения, связанные с профессионализацией третьего сектора, более положительно. Несмотря на опасения, на первый план выводятся потенциальные преимущества, способные повлечь за собой рост доверия государства к некоммерческим организациям. Впрочем, такое расхождение в ожиданиях вполне объясняется историческим контекстом формирования и развития третьего сектора и, в частности, обуславливает еще одно отличие, выявленное в ходе реализации исследовательского проекта. Некоммерческие организации Польши и Хорватии, участвовавшие в опросе, отметили в качестве наиболее серьезного барьера в развитии юридические аспекты функционирования. Детализируя, можно отметить, что 57,7% опрошенных в Хорватии некоммерческих организаций включают сюда недостатки налоговой системы («Lack of favorable tax treatment»), а 56,5% – отсутствие четкого юридического статуса («Lack of clear legal status»). Из числа респондентов 88,2% отмечают возрастающую

бюрократизацию процессов, существенно усложняющую деятельность; 80% считают, что серьезным препятствием в их развитии является отсутствие организаций, специализирующихся на поддержке НКО.

Изменения системы финансирования подрывают устойчивость некоммерческого сектора, вынуждая разрабатывать и внедрять новые принципы распределения ресурсов. Так, его организации сталкиваются с инфраструктурными барьерами, поскольку вынуждены сокращать расходы и на обновление технической базы – около 63% немецких НКО отмечают плохое состояние помещений, 70% респондентов используют устаревшую технику [Zimmer et al., 2016]. В Хорватии 62,4% некоммерческих организаций называют невозможность обновить инфраструктуру в качестве заметной проблемы и 59,4% отмечают устаревшие технику и технологии [Vežovan et al., 2016]. С учетом проектного характера финансирования некоммерческие организации вынуждены проводить своевременный аудит ресурсно-технической базы и планировать расходы на ее поддержание.

В целях снижения операционных расходов некоммерческие организации оказываются перед необходимостью сокращать число штатных работников или размер заработной платы. В некоторых случаях формальные сокращения превращаются во временную или частичную занятость. Прекаризация труда в третьем секторе негативно сказывается на экономическом положении работников [Schmeißer, 2013]. По мнению 80% опрошенных НКО Германии, низкая оплата труда является серьезным барьером их развития [Zimmer et al., 2016] (рис. 1.3.2).

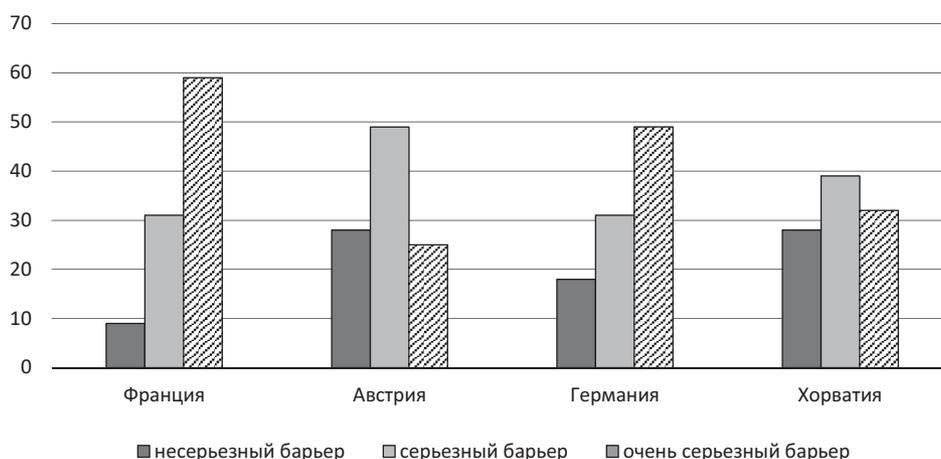

Рисунок 1.3.2 – Низкая оплата труда, % от числа опрошенных

Источник: составлено по [Zimmer, Pahl, 2016, с. 11].

Для поддержания устойчивости организации третьего сектора заимствуют принципы работы коммерческих предприятий, выстраивая маркетинговые стратегии для привлечения финансовых ресурсов. Внедрение бизнес-принципов в деятельность сектора положительно сказывается на его взаимоотношениях с государством, поскольку позволяет скорректировать мнение органов власти о непрофессионализме НКО. В то же время высказываются опасения, что происходящие изменения могут негативным образом повлиять на образ сектора в глазах общества и что в погоне за прибылью некоммерческие организации забудут о своей главной миссии.

Своего рода ядром деятельности некоммерческого сектора являются взаимоотношения с населением. Для граждан он существует, от их поддержки зависит. Традиционно третий сектор стран Западной Европы считается одним из наиболее развитых в мире. Так, в Нидерландах в 2013 году около 49% населения старше 15 лет было задействовано в добровольной деятельности как минимум один раз. В среднем волонтерской работе посвящается четыре часа в неделю [Arends, Flöte, 2015]. В Германии около 40% населения делает пожертвования на регулярной основе [Zimmer et al., 2013], а добровольчество является повсеместной практикой. Особенное внимание привлекают локальные «центры поддержки» («support units»), направленные на решение проблем отдельных групп населения и создаваемые инициативными гражданами или местными органами власти [Zimmer et al., 2016]. В странах Восточной Европы традиционно взаимоотношения третьего сектора и населения являются более сложными, чем на Западе. Исторической особенностью восточноевропейского сектора НКО является его слабость «во всех отношениях: уровень членства в организациях, слабость сервисной функции и деятельности по представительству интересов граждан» [Тарасенко, 2015, с. 88]. Кроме того, на уровень гражданского участия влияет объективный процесс профессионализации некоммерческих организаций, «производящих социальные услуги на принципах проектного менеджмента» [Тарасенко, 2015, с. 124]. Так, 73% опрошенных немецких и 52,9% хорватских организаций отмечают недостаточную осведомленность населения об их деятельности и снижение уровня участия граждан в мероприятиях третьего сектора. Частично это объясняется процессами урбанизации и, как следствие, усилением индивидуализма [More-Hollerweger, Rameder, 2013]. Вместе с тем меняются мотивационные установки волонтеров. Гражданское участие становится более проектно-ориентированным, что осложняет работу некоммерческих организаций, поскольку постоянный состав добровольцев сокращается и НКО

вынуждены привлекать большую часть участников для каждого мероприятия. В Германии подобные проблемы отмечают 80% респондентов, в Хорватии – 45,3% (рис. 1.3.3). Меняются идеологические установки поколений, молодежь не «наследует» практики участия, особенно ассоциированного [Priller et al., 2012]. Объем времени на волонтерскую деятельность сокращается или заменяется пожертвованиями [Brandsen et al., 2016].

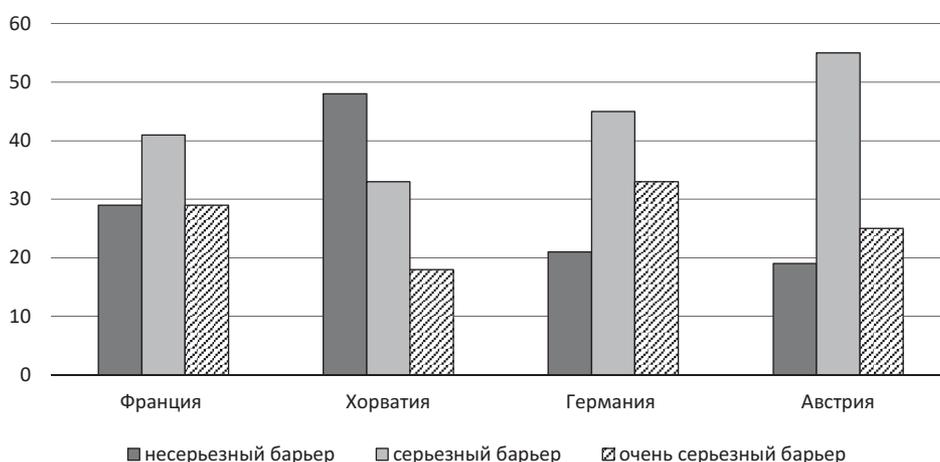

Рисунок 1.3.3 – Сложности с привлечением волонтеров, % от числа опрошенных

Источник: составлено по [Zimmer, Pahl, 2016, с. 6].

Обобщая результаты исследования, можно отметить следующие особенности современного этапа развития европейского некоммерческого сектора. Во-первых, речь идет о его глокализации – усилении роли местных (локальных) сообществ, несмотря на общемировые тенденции к транснационализации. Во Франции 64% организаций третьего сектора насчитывают менее чем по пять сотрудников [Petrella et al., 2016]. В Германии большую часть сектора составляют организации, функционирующие на местном и региональном уровне (63% и 49% от числа опрошенных соответственно) [Priller et al., 2012]. В Нидерландах процесс децентрализации привел к смещению приоритетов в сторону акцента на деятельности локальных организаций и вопросах выстраивания их успешного взаимодействия как с местными органами власти, так и в рамках работы зонтичных НКО. Явление описывается термином «общество участия» («participation society») и отражает тенденцию повышения индивидуальной ответственности в контексте проблем государства всеобщего благосостояния. В то же время высказываются опасения, что население

воспринимает эти изменения как перекладывание ответственности, и дальнейшее развитие этого феномена вызывает сомнения [Brandsen et al., 2016].

Во-вторых, наблюдается экономизация сектора, когда в условиях сокращения государственного финансирования и повышающихся требований со стороны потребителей услуг некоммерческие организации выстраивают стратегию развития подобно бизнес-предприятиям. Так, австрийский некоммерческий сектор на 50% финансируется государством и в условиях сокращения этой поддержки 83,7% опрошенных НКО отмечают недостаток государственного финансирования в качестве серьезного барьера развития. В Хорватии 84,7% респондентов также называют эту проблему наиболее значимым препятствием. Это вынуждает организации третьего сектора искать сотрудников с опытом работы в коммерческих компаниях (90,2% опрошенных придерживаются мнения, что важно иметь в коллективе таких специалистов) [Simsa et al., 2016]. Развиваясь в тренде менеджизма, некоммерческие организации диверсифицируют источники финансирования, усиливая деятельность по фандрайзингу [Brandsen et al., 2016] и маркетизируя свою структуру [Petrella et al., 2016].

В-третьих, несмотря на явную общественную поддержку некоммерческого сектора в странах Западной Европы, в последние годы отмечается некоторое сокращение уровня гражданского участия и смещение практик участия на сельские территории [More-Hollerweger, Rameder, 2013]. Для стран Восточной Европы проблема низкого гражданского участия сохраняется. Кроме того, в целом для европейского третьего сектора характерно изменение структуры гражданского участия. Меняются не только мотивационные установки, но и способы вовлечения населения в волонтерскую деятельность. Например, развиваются новые типы кооперационных связей между НКО и бизнес-предприятиями, когда сотрудники коммерческого учреждения делятся своими навыками и компетенциями в рамках волонтерской работы [Petrella et al., 2016]. Наблюдается рост неассоциированного гражданского участия, вызванный освоением современных технологий и способов коммуникации и позволяющий реализовывать частные инициативы без привлечения некоммерческих организаций [Brandsen et al., 2016, с. 40].

Вопреки высказываемым опасениям, вступление третьего сектора в рыночные отношения имеет и положительные последствия. Так, государство может найти в нем надежного партнера для реализации социальных проектов, а рынок получает в распоряжение его опыт и знания обществен-

ных потребностей [Московская, 2018, с. 103], становясь более «человечным». В то же время очевидно, что проблемы низкого уровня гражданского участия или неразвитого сотрудничества с органами власти и бизнес-структурами нельзя решить только за счет усилий некоммерческих организаций – необходима совместная работа.

Выявленные и описанные барьеры в функционировании европейского третьего сектора позволяют сформулировать некоторые предложения по их преодолению. В основе возможных путей решения, так или иначе, лежит необходимость выстраивания эффективных взаимоотношений с другими участниками социально-экономических отношений. Так, (1) финансовые сложности организаций некоммерческого сектора обуславливают необходимость применения способов фандрайзинга. Облегчить процесс приобретения новых умений можно за счет проведения обучающих мероприятий, организаторами которых могут выступать крупные НКО или коммерческие предприятия (на безвозмездной основе, например, в рамках реализации корпоративных проектов социальной ответственности). (2) Необходимость обновления материально-технической базы в условиях дефицита свободных средств диктует поиск новых моделей взаимодействия со спонсорами. Варианты могут включать как пожертвования в виде конкретного товара/услуги, так и бартерные отношения (товар/услуга в обмен на имиджевую рекламу при реализации некоммерческой организацией социального проекта). (3) Для вовлечения населения в деятельность третьего сектора необходимы также новые способы, требующие участия не только его, но и государства. Важно сформировать и поддерживать в обществе положительный образ волонтера и совершенствовать юридическую базу волонтерской деятельности. (4) Совершенствование юридических основ функционирования организаций третьего сектора возможно лишь в тесной кооперации с органами государственной власти. Необходимы глубокий анализ существующих провалов и разработка конкретных мер по их устранению.

* * *

Таким образом, подводя итоги исследования ассоциированной формы гражданского участия, воплощаемой в деятельности некоммерческих организаций, еще раз остановимся на следующих полученных выводах.

Анализ основных трендов в развитии некоммерческого сектора России выявил, что его организации пока еще не получили общественного статуса и признания со стороны населения. Региональному сообществу

присущи слабая информированность населения о работе НКО, невысокий уровень доверия к ним. Следствием этого являются низкие показатели реального гражданского участия в практиках некоммерческих организаций. Основные препятствия для включенности населения в работу общественных организаций – недостаток времени и чрезмерная занятость. Люди не уделяют внимания труду на общественном поприще, так как в условиях экономических трудностей вынуждены заниматься извлечением доходов от дополнительной занятости, что можно расценивать как негативную тенденцию в преодолении барьеров гражданского участия.

Интерпретации статистических данных позволила определить особенности в тенденциях развития некоммерческого сектора в регионах Северо-Западного федерального округа, в том числе Вологодской области. Выявлена положительная динамика функционирования СОНКО в части оказания социальных услуг населению, обеспечения занятости и самозанятости в качестве добровольцев, роли в развитии социальной инфраструктуры регионов. Следовательно, в современных условиях российский некоммерческий сектор становится активным экономическим и социальным субъектом развития территорий. Однако установлено, что на его устойчивость негативно сказываются периоды кризисного состояния экономики. В частности, во время пандемии COVID-19 в деятельности некоммерческого сектора возникли барьеры организационно и финансового характера.

Выполнена научная систематизация мер государственной поддержки некоммерческих организаций в период активной фазы протекания пандемии коронавирусной инфекции в единый организационный механизм. Проанализированы отдельные количественные показатели поддержки организаций некоммерческого сектора: льготные кредиты, субсидии на мероприятия по профилактике коронавирусной инфекции, освобождение от уплаты авансовых платежей и страховых взносов, результаты специального внеочередного конкурса Фонда президентских грантов по развитию гражданского общества. Анализ количественных показателей свидетельствует о востребованности государственных антикризисных мер со стороны организаций некоммерческого сектора. Установлено, что наряду с государственными мерами по преодолению трудностей, связанных с ограничительными мероприятиями создан, и частный механизм поддержки некоммерческих организаций за счет ресурсов бизнеса, а именно, благотворительных фондов. Отмечено, что пандемия COVID-19 усилила межсекторное взаимодействие при решении общих проблем.

Исследование барьеров развития некоммерческого сектора и опыта их преодоления в зарубежных странах позволяет сделать ряд выводов. Выявлены следующие особенности современного этапа развития европейского некоммерческого сектора: глокализация сектора – усиление роли местных сообществ; экономизация сектора – в современных условиях некоммерческие организации выстраивают стратегию развития подобно бизнес-предприятиям; некоторое снижение уровня гражданской активности и изменение структуры гражданского участия. Некоммерческие организации в Европе испытывают сложности с объемом и характером финансирования, инфраструктурными ограничениями, содержанием штата сотрудников и привлечением волонтеров. Сокращение финансовой поддержки со стороны государства и растущие требования потребителей услуг приводят некоммерческие организации к необходимости поиска дополнительных способов обеспечения устойчивости, требуют повышения профессионализма и усиления работы по формированию надежных связей с общественностью. Очевидно, что для этого третьему сектору требуется поддерживать прозрачность рабочих процессов, а также соблюдать компромисс между маркетизацией деятельности и следованием социальной миссии.

ГЛАВА 2

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

2.1. Российское добровольчество: тенденции и перспективы

В современный период мировую общественность, исследователей и представителей гражданского общества все чаще волнуют вопросы, связанные с алгоритмом достижения целей устойчивого развития, который предполагает равномерность результатов развития национальных социально-экономических систем в экономическом, социальном и экологическом направлениях. В этом ключе внимание акцентируется на определении движущих факторов устойчивого развития, обеспечивающих достижение установленных целевых индикаторов. В качестве одного из таких факторов ООН выделяет степень интеграции добровольчества²² в национальные стратегии реализации Повестки-2030²³. Не случайно правительства стран при подготовке Добровольных национальных обзоров прогресса в области устойчивого развития на период до 2030 года обращаются к различным формам участия гражданского общества, в том числе добровольческой / волонтерской деятельности²⁴, а реализация различных проектов ООН с участием волонтеров в странах мира освещается в аспекте достижения конкретных целей устойчивого развития²⁵.

---

²² Понятия «добровольчество» и «волонтерство» авторами рассматриваются как тождественные.

²³ Подробнее см.: Сводный доклад о работе по плану действий «Интеграция добровольчества в повестку дня на период до 2030 года» в регионе Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций». 28 с. URL: www.unv.org/planofaction

²⁴ См., например: Российская Федерация: Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. М., 2020; Добровольные национальные обзоры. URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/SDGS/Pages/2021VoluntaryNationalReviews.aspx>

²⁵ UN volunteers. URL: <https://www.unv.org/>

Осознание важности вклада волонтеров в устойчивое развитие обусловлено их приближенностью к точечному решению различных проблем местного сообщества благодаря взаимодействию с основными стейкхолдерами – частным сектором, органами власти и населением. В этом случае у граждан появляется осознание сопричастности, заинтересованности и личной ответственности в решении локальных проблем, интегрированных с достижением глобальных трендов устойчивого развития общества²⁶.

Кроме того, необходимость привлечения волонтеров с целью снижения социальных рисков и стабилизации деструктивных социальных процессов актуализировалась в 2019 году в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 [Артамонова, 2021]. Кризисные процессы, вызванные пандемией, привели к быстрому росту числа волонтеров. Например, Национальная служба здравоохранения Великобритании привлекла к помощи 500 тысяч волонтеров за 24 часа²⁷. В России количество волонтеров, по данным портала Добро.ru²⁸, за период с 2019 по 2020 год увеличилось почти на 70 тысяч человек. Для поддержки волонтеров, которые в условиях пандемии взяли на себя заботу о гражданах, оставшихся без помощи и опеки, Правительством РФ утверждены правила специальных выплат за волонтерскую деятельность во время кризиса²⁹. Так, к примеру, в 2020 году Всероссийскому общественному движению добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики» выделено из резервного фонда Правительства РФ более 242 млн рублей³⁰.

Логика настоящего исследования основывается на комплексном подходе к исследованию добровольчества как важнейшего элемента гражданского участия в пространстве повседневности (формального / неформального характера), позволяющем более широко подойти к рассмотрению основных тенденций формирования данного явления и показать его значимость для социально-экономического развития России.

---

²⁶ Подробнее см.: Сводный доклад о работе по плану действий «Интеграция добровольчества в повестку дня на период до 2030 года» в регионе Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций». 28 с. URL: www.unv.org/planofaction

²⁷ Tierney S., Mahtani K.R. Volunteering during the COVID-19 pandemic: What are the potential benefits to people's well-being? Available at: <https://www.cebm.net/covid-19/volunteering-during-the-covid-19-pandemic-what-are-the-potential-benefits-to-peoples-well-being/>

²⁸ Портал общероссийской акции взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ. URL: <https://dobro.ru/analytics>

²⁹ Портал Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/39800/>

³⁰ Портал Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/39370/>

Исследователи отмечают, что на сплоченность сообщества оказывает отрицательное влияние разделение по признакам партийности, имущественного и социального положения. В нашу жизнь вошла рыночная экономика, а с ней – конкурентная борьба, монополизация, теневой бизнес, нетрудовые доходы, проблема занятости, коррупция, игнорирование социальных и этических критериев. Общественной солидарности противостоят частные интересы [Ильин, Морев, Поварова, 2018]. Общество раскалывается на противоборствующие части и «разбегается по отдельным квартирам».

В этой связи возникает вопрос: что может нивелировать негативные последствия рыночной экономики?

Обозначенные проблемы могут решаться не только за счет материальных ресурсов: все большее значение приобретают нематериальные факторы развития. В этом отношении добровольческие движения вносят позитивный вклад в преодоление социального разделения людей. При этом статусные атрибуты уходят на второй план, если человек в своих жизненных установках ставит общественные интересы впереди личных.

Роль добровольческой деятельности заключается в мобилизации общественной активности, направленной на решение значимых социальных задач [Никовская, Скалабан, 2017]. Подобная деятельность характеризуется равнодушием людей к чужим проблемам. Добровольцы стремятся воплотить в жизнь идеалы, помочь незащищенным социальным группам.

Значимость добровольческой деятельности в развитии российского общества признается и со стороны общества, и со стороны государства. Постепенно создаются институциональные условия, позволяющие переосмыслить методы достижения ответственной жизненной позиции через массовое развитие благотворительности и добровольчества. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2016 году Президент В.В. Путин призвал «снять все барьеры для развития волонтерства, оказать всестороннюю помощь социально ориентированным некоммерческим организациям». Глава государства отметил, что «воля и великодушие граждан, которые участвуют в таких проектах, формируют столь необходимую России атмосферу общих дел, создают колоссальный социальный потенциал, и он должен быть обязательно востребован»³¹. Вопрос остался на повестке дня. В результате 2018 год был объявлен Годом добровольца,

---

³¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

а принятый 05.02.2018 закон обязывал все уровни власти оказывать этой активной части населения всестороннее содействие³².

Итоги Года добровольца и планы дальнейшего развития этого движения обсуждались на заседании Государственного совета 27 декабря 2018 года. Участники Совета определили основные векторы развития: во-первых, это совершенствование взаимодействия региональных, местных органов власти и добровольцев; во-вторых, более активное использование ресурсов волонтерского движения в социальной сфере (здравоохранении, образовании, культуре, социальной защите и др.)³³.

В России статистическая база волонтерства находится в стадии формирования, и оценить ресурсы этого труда можно лишь приблизительно в краткосрочной динамике, а привлечение добровольцев к решению общественно значимых задач не представляется возможным без учета текущего положения этого движения в российских реалиях.

Зарубежная и отечественная научная литература содержит ряд теоретических подходов к изучению добровольческой деятельности. М.В. Певная, систематизируя дисциплинарные и методологические основы исследования данного феномена, выделяет тринадцать подходов: философский, экономический, правовой, педагогический, психологический, исторический, социологический, системный, социокультурный, аксиологический, институциональный, деятельностный, общностный [Певная, 2013]. Такое многообразие подходов позволяет говорить о том, что волонтерство – комплексное и междисциплинарное явление. Использовать какую-либо одну концепцию для изучения тенденций развития добровольчества было бы ошибочным.

Наиболее известны работы Л. Саламона [Salamon, 2014], Х. Анхайера, М. Хэддока, В. Соколовски [Salamon, Sokolowski, Haddock, 2013], в которых осуществлены кросс-национальные измерения в части развития волонтерства, позволяющие получить характеристики волонтеров в разных странах. Д. Баркер [Barker, 1993], Ч. Ван, К. Ву [Wang, Wu, 2014] рассматривают мотивационные факторы, которые объясняют, почему люди становятся добровольцами. В качестве социального вида деятельности, направленного на преобразование окружающей среды и проведение свободного времени, волонтерство изучают Д. Вилсон и М. Мьюзик [Wilson, Musick, 1997], Л. Локстоун-Бинни, К. Холмс и другие [Lockstone-Binney et al, 2010].

---

³² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ URL: <https://base.garant.ru/71871620/>

³³ Заседание Государственного совета. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59528>

В России социальные аспекты добровольческой деятельности и ее сущность исследуют О.И. Холина [Холина, 2011], И.В. Мерсиянова [Оценка экономической и социальной эффективности..., 2018], О.А. Оберемко [Оберемко, 2016]. В работах М.В. Певной [Певная, 2016], А.А. Кузьминчук [Певная, Кузьминчук, 2016], Е.А. Исаевой [Исаева, 2016] затрагиваются механизмы управления этим социальным институтом, рассматриваются отдельные виды волонтерства и тенденции его развития в регионах. О некоторых аспектах, отражающих деятельность волонтеров в городском пространстве, говорит П.В. Шевченко [Шевченко, 2013].

В изучении законодательной базы, регулирующей вопросы добровольчества, применяется правовой подход [Жаворонков, 2004; Хаджарова, 2016; Исаева, 2013]. При анализе данных статистики обращение идет к системному [Певная, 2013], социологическому [Кудринская, 2015], институциональному [Кузьминчук, 2015], экономическому [Зинатулин, Карасева, 2011] и деятельностному (трудовому) подходам.

Исследуя волонтерство, необходимо установить границы данного феномена. В работах американских ученых Л. Саламона и его коллег волонтерство определяется «как комплекс мероприятий, реализованный в свободное время вид работы без всякой денежной компенсации» [Salomon, p. 224]. Российский социолог О.И. Холина трактует данное понятие следующим образом: «Добровольчество – это способ выстраивать социальные отношения, развивать и находить применение своим моральным, духовным качествам, получать новые навыки, а также оказывать другим и находить самим себе поддержку, друзей, чувствовать свою необходимость и пользу» [Холина, 2011, с. 71]. И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон характеризуют «добровольчество как разновидность филантропических практик, бескорыстную индивидуальную или коллективную деятельность на благо других людей или общества» [Потенциал и пути развития филантропии, 2010, с. 10].

Понятие «доброволец» зафиксировано в российских правовых источниках и в методологии официальной статистики. Согласно Федеральному закону «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» добровольцы – это «физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг»³⁴. Предусматривается, что добровольцы могут осуществлять свою деятельность как индивидуально, так и в составе организаций.

---

³⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/71871620/>

В соответствии с методологией формирования системы показателей трудовой деятельности при определении волонтерства необходимо руководствоваться определенными характеристиками:

- время работы волонтера должно составлять не менее часа за одно участие;

- отсутствие вознаграждения в денежной или натуральной форме (исключением может быть незначительная денежная поддержка компенсационного характера либо в натуральной форме: питание, транспорт и символические подарки);

- волонтерство – работа, выполняемая без гражданских, юридических или административных обязательств и без принуждения;

- производство «в интересах других лиц» относится к работе, выполняемой: посредством или в интересах организаций, в том числе посредством или в интересах групп самопомощи, взаимопомощи или общинных групп, членом которых является волонтер; в интересах домашних хозяйств (кроме домашнего хозяйства самого волонтера или членов его семьи).

Следует отметить, что из числа добровольцев исключаются занятые общественными работами или работами в местах лишения свободы, на военной или гражданской службе, а также занятые неоплачиваемой работой в рамках образовательных программ, профессионально-технической подготовкой и трудом в течение рабочего времени по найму³⁵.

Важнейшая предпосылка развития добровольчества – наличие сильной и устойчивой мотивации субъектов к осуществлению данной деятельности. Д. Баркер выделяет три основных мотивационных фактора, которые объясняют, почему люди становятся добровольцами: альтруизм, инструментализм и обязательства. В частности, альтруистические мотивы включают в себя: солидарность малоимущих; сострадание нуждающимся; отождествление себя со страдающими людьми; возможность дарить надежду несчастным. Инструментальными мотивами являются: получение нового опыта и навыков; загрузка свободного времени; общение, установление контактов и личное удовлетворение. Наконец, к мотивам обязательства относятся: моральный, религиозный долг; помощь местному сообществу; ощущаемая обязанность добиться перемен [Barker, 1993].

В настоящем параграфе тенденции развития российского добровольчества предлагается рассмотреть в двух аспектах: это правовые основы

---

³⁵ Официальная статистическая методология формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда (утв. приказом Федеральной службы государственной статистики от 31 декабря 2015 г. № 680). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222398/>

и измерение добровольчества с использованием данных выборочного обследования рабочей силы и официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности.

Российская нормативно-правовая база добровольчества федерального уровня

Формирование благоприятного правового поля для развития добровольчества является важной предпосылкой активизации его потенциала как «ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев»³⁶.

Смена экономической формации в России привела к необходимости законодательного закрепления добровольного участия граждан на принципах безвозмездного труда на общее благо. Вместо преобладания идеологической составляющей добровольчества в советское время, которая характеризовалась участием граждан главным образом в субботниках под руководством коммунистической партии, потребовалось иное организационное оформление этого процесса. Новые правовые основы в области добровольчества стали создаваться в 1995 году, с принятием закона «Об общественных объединениях». Закон предусматривал право граждан на добровольное объединение для защиты своих интересов и решения социально значимых задач. Спустя три месяца выходит новый закон – «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», который развивает общие принципы создания специализированных организаций для осуществления ими благотворительной деятельности, создающей организационные основы объединения граждан для добровольческого труда.

Акцентирование внимания в законах на преобладающей роли добровольческих организаций не отражало необходимости участия граждан в иных формах безвозмездной деятельности в общих интересах. Поэтому в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, принятой в 2008 году, определено, что в качестве приоритетного направления следует рассматривать развитие практики благотворительной и добровольческой деятельности граждан, а не только организаций. Конкретные формы поддержки выделены Концепцией содействия

---

³⁶ О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации: распор. Правительства РФ от 30.07.2009 г. № 1054-р «». URL: <http://base.garant.ru/6726429/>

развитию благотворительной деятельности и добровольчества РФ, утвержденной Правительством РФ 30 июля 2009 года. Этим документом введены налоговые стимулы, корпоративная социальная отчетность, расширен перечень организационно-правовых форм благотворительных организаций, определена имущественная поддержка, установлены направления поддержки в формировании целевых капиталов некоммерческих организаций, а также оговорены ключевые аспекты создания системы устойчивого взаимодействия власти, граждан, общественных организаций и бизнеса.

Практика организации крупных международных и всероссийских мероприятий, таких как XXII Олимпийские зимние игры в Сочи 2014 года, Чемпионат мира по футболу 2018 года, ежегодные шествия Бессмертного полка и др., показала высокую эффективность использования добровольного труда. Значима также работа добровольцев в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. К примеру, волонтеры помогали при наводнениях в Краснодарском крае в 2012 году, Хабаровском крае в 2013 году, Кировской области в 2016 году, принимали активное участие в тушении лесных и торфяных пожаров в Иркутской области в 2015 году. С учетом этого положительного опыта была утверждена новая Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчеству в РФ до 2025 года. Необходимо отметить, что документ сопровождается двумя планами – Планом мероприятий по реализации Концепции и Планом популяризации добровольчества, деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и благотворительности. Еще одной особенностью современного этапа совершенствования правового поля волонтерства является концентрация внимания на региональном уровне: в частности, активно внедряется Стандарт поддержки волонтерства в регионах, разработанный Агентством стратегических инициатив (АСИ) (табл. 2.1.1). Согласно отчету АСИ, по состоянию на июнь 2019 года Стандарт введен только на 68%. Полностью внедрили данный документ 8% регионов: Архангельская, Костромская, Тюменская, Ульяновская области, Красноярский и Хабаровский края и Ямало-Ненецкий автономный округ. В 21 регионе добровольчество является предметом регулирования законов о благотворительной деятельности, а в 16 субъектах действуют отдельные нормативно-правовые акты, основной предмет которых – развитие добровольчества³⁷.

---

³⁷ Информационная справка о внедрении Стандарта поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах (по состоянию на 24 июня 2019 г.). URL: <https://asi.ru/news/106724/> (дата обращения: 23.06.2019).

Таблица 2.1.1 – **Основные документы и нормативно-правовые акты, направленные на поддержку и регулирование добровольчества в Российской Федерации**

Документ	Содержание
Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»	Закрепляет право граждан на добровольное объединение для защиты своих интересов и решения социально значимых задач.
Федеральный закон от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (с изменениями на 28.12.2016 г.)	Устанавливает организационные основы государственной поддержки молодежных и детских объединений, закрепляет их права в подготовке докладов Президенту и Правительству РФ, на законодательную инициативу по изменению федеральных законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы детей и молодежи, право на участие в подготовке и обсуждении проектов государственных программ.
Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»	Определяет цели благотворительной деятельности, общие принципы создания специализированных организаций.
Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»	Устанавливает то, что в качестве одного из направлений деятельности некоммерческих организаций может являться организация добровольного труда.
Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662	Определяет в числе приоритетных направлений долгосрочной политики социальной поддержки населения содействие развитию практики благотворительной и добровольческой деятельности граждан и организаций.
Концепция содействию развитию благотворительной деятельности и добровольчества РФ, утверждена распоряжением Правительства РФ от 30.07.2009 г. № 1054-р	Определяет цели, приоритетные направления, задачи, формы поддержки благотворительной деятельности и добровольчества в РФ.
Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»	Устанавливает возможность поддержки государством социально ориентированных некоммерческих организаций, содействующих добровольческой деятельности.
Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)»	Вносит изменения в ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»: наименование закона теперь следующее: «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Закрепляет основные понятия: «добровольческая деятельность», «доброволец», «организаторы добровольческой деятельности», «добровольческая организация». Приравнивает «волонтерство» к «добровольчеству».
Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, одобрена распоряжением Правительства РФ от 27.12. 2018 г. № 2950-р	Определяет основные направления развития волонтерства в целях обеспечения системного подхода к мерам поддержки добровольческих инициатив. Предполагает принятие планов ее реализации.
Стандарт поддержки волонтерства в регионах, разработанный Агентством стратегических инициатив по поручению Президента РФ, 2018 год	Стандарт направлен на преодоление барьеров по 5 направлениям: организационно-правовое обеспечение, информационно-методологическая поддержка, инфраструктура, стимулирование, финансовая поддержка.
Источник: составлено авторами по правовым источникам.	

Таким образом, в России на современном этапе созданы общие правовые основы добровольческой деятельности. Однако остаются неурегулированными некоторые аспекты. В частности, рассогласованность государственной поддержки добровольчества между различными уровнями власти, а также отсутствие стандартов услуг, оказываемых волонтерами, и особого порядка допуска добровольцев к сферам помощи, требующим специальной подготовки.

Анализ состояния добровольческого движения (на основе выборочных исследований Росстата)

Рассматривая тренды развития добровольческой деятельности, обратимся к официальной статистике. В которой для измерения используются данные о трудовой деятельности, занятости и неиспользованной рабочей силе. Наблюдение ведется с 2016 года по рекомендации 19-й Международной конференции статистиков труда, проходившей в октябре 2013 года³⁸. Росстатом фиксируется распределение населения, работающего в качестве волонтеров, по половозрастным группам, месту проживания, статусу участия в рабочей силе, по видам работ, типам экономических единиц и продолжительности отработанного времени. Отметим, что исследование, в котором применялись перечисленные выше параметры, проводилось Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ [Оценка экономической и социальной эффективности..., 2018].

Оценку участия россиян в волонтерском труде предлагаем осуществлять в двух измерениях. Во-первых, в расчете на 1000 жителей, с целью определения уровня добровольческой активности граждан в целом. Во-вторых, необходимо рассмотреть структуру населения, вовлеченного в данную деятельность.

Как показывает анализ, добровольцами в России являются 10 чел. на 1000 жителей. В динамике с 2016 по 2018 год фиксируется незначительное увеличение числа добровольцев. Вместе с тем наблюдаются различия по возрастным группам. Самые неактивные возрастные группы – это лица 30–39-ти, 60 лет и старше. По уровню участия в трудовой деятельности волонтеров выделяется молодежь в воз-

---

³⁸ Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и неиспользования рабочей силы. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf

расте 15–19 лет: 18 чел. в 2016 г. и 22 чел. в 2018 г. (на 1000 жителей; табл. 1.2.2). Среди мотивов включенности молодежи в данную деятельность исследователи отмечают благодарность окружающих, стремление быть полезным и интерес к общению с разными людьми [Ермилова и др., 2018]. Государственная финансовая, информационная, организационная поддержка направлена также на развитие добровольческих студенческих объединений по линии Минобрнауки России (за 2016–2017 гг. выделено 236 млн руб.) и Федерального агентства по делам молодежи (в 2018 г. – 210 млн руб.)³⁹. Однако молодое поколение волонтеров уступает лидирующие позиции когорте 50–59 лет (уровень участия варьируется от 19 до 21%). Что касается участия женщин и мужчин, то удельный вес женщин, которые работали в качестве волонтеров, в 2 раза превышает долю волонтеров среди мужчин. В зависимости от типа населенного пункта уровень участия его жителей в расчете на 1000 чел. различается незначительно. Прежде всего, это связано с тем, что большая часть населения сосредоточена в городах, а не в сельской местности. Вместе с тем распределение работников-волонтеров показывает, что городское население преобладает над сельским: 70% против 30% в 2018 году (табл. 2.1.2). В то же время наблюдается тенденция перемещения волонтерской активности на сельские территории. Предположительно, причиной служит деятельность Фонда президентских грантов, в числе приоритетов которого – поддержка проектов из малых городов и сел России. В 2017 году ФПГ было поддержано 729 проектов, направленных на развитие добровольчества, на сумму 1 481 млн руб. В 2018 году по итогам первого конкурса на предоставление грантов было поддержано 280 проектов, на сумму 566 млн руб.

В целом можно сказать, что на участие в волонтерской деятельности влияют возраст, пол и тип населённого пункта. Обращает на себя внимание тот факт, что показатели активности добровольцев отличаются в расчете на 1000 жителей и в структуре тех групп, которые уже трудятся на добровольном поприще.

---

³⁹ Доклад о развитии добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/PortalNews/Read/4436>

Таблица 2.1.2 – **Распределение населения, работающего в качестве волонтеров, по возрастным группам, полу и типу населенного пункта в 2016–2018 гг.**

Группа	2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	на 1000 населения	в % от числа волонтеров	на 1000 населения	в % от числа волонтеров	на 1000 населения	в % от числа волонтеров
Всего: из них	9,8	100	10,0	100	10,7	100
<i>Возраст</i>						
15–19	17,5	8,2	18,2	8,3	22,3	10,0
20–29	13,1	19,2	12,0	16,1	12,2	14,8
30–39	11,4	18,6	11,6	18,8	12,0	19,0
40–49	14,1	17,2	12,5	16,7	13,1	17,1
50–59	14,3	21,4	13,6	19,5	14,3	19,1
60 и старше	7,3	15,3	10,0	20,7	9,8	19,7
<i>Пол</i>						
Женщины	11,6	63	12,3	66	14,5	65
Мужчины	7,7	36	7,4	34	6,8	35
<i>Территория</i>						
Город	9,9	75,2	9,9	73,4	9,8	70,1
Село	9,4	24,8	10,4	26,6	12,6	29,9
Источник: составлено и рассчитано по: Обследование рабочей силы // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru						

Судя по распределению волонтеров по статусу участия в составе рабочей силы, добровольцами преимущественно выступают лица из числа экономически активного населения и занятые в экономике. Вместе с тем динамика рассматриваемого показателя свидетельствует о том, что постепенно доля тех, кто не входит в состав рабочей силы, но является добровольцами, увеличивается: изменение 2018 г. к 2016 г. составило 4 п.п. (табл. 2.1.3).

Таблица 2.1.3 – **Структура волонтеров по статусу участия в составе рабочей силы 2016–2018 гг., в % от числа волонтеров**

Группа	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Рабочая сила	69,2	66,5	65,7
В т.ч.:			
занятые	65,1	62,8	61,7
безработные	4,1	3,6	4,0
Лица, не входящие в состав рабочей силы	30,8	33,5	34,3
Источник: составлено и рассчитано по: Обследование рабочей силы // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru			

Данный тренд следует расценивать как положительный, так как учащиеся, студенты, пенсионеры, инвалиды – те люди, которые не способны в силу разных обстоятельств осуществлять трудовую деятельность,

приобщаются к добровольному труду. Это помогает нивелировать аномию и неравенство в обществе, пройти социальную адаптацию уязвимым группам населения, обеспечить рост их социальной и гражданской компетентности.

Основным направлением деятельности добровольцев является выполнение социальных работ, таких как: предоставление помощи пожилым людям, детям, инвалидам или жертвам катастроф, приготовление и подача пищи, перевозка людей. В 2018 году подобной деятельностью занималось 34% волонтеров, что меньше, чем в 2016 году, на 5 п.п. Значимое место в структуре волонтерства по видам выполняемых работ занимают также благоустройство и очистка территории (16–24%), оказание помощи животным (6%). Отмечается низкий рейтинг участия в сельскохозяйственных работах, поиске пропавших детей, экологических проектах (по 1%; табл. 2.1.4).

Таблица 2.1.4 – Структура волонтерства по видам выполняемых работ, 2016–2018 гг., в %

Вид работ Всего	2016 г.	2017 г.	2018 г.
	100	100	100
Социальные работы (предоставление любой неоплачиваемой помощи лицам за пределами собственного домохозяйства: пожилым людям, детям, инвалидам или жертвам катастроф; приготовление и подача пищи, перевозка людей и др.)	39,1	35,3	33,9
Благоустройство и очистка территории населенного пункта (уборка мусора, работа по улучшению водоснабжения, благоустройству парков или дорог, озеленение территории)	16,4	23,1	24,4
Оказание помощи животным	7,4	6,3	6,7
Участие в работе общественных органов школ и других образовательных учреждений, общественных, религиозных и других некоммерческих организаций, клубов, союзов	5,4	4,7	6,4
Предоставление любой бесплатной медицинской помощи или юридической консультации, проведение неоплачиваемого занятия, тренировки, консультирование	5,2	6,1	6,4
Сбор средств на благотворительность или другой социальный проект	7,2	9,0	6,3
Организация спортивных, культурных и других мероприятий	5,6	5,6	5,4
Помощь местной школе	3,7	3,3	4,7
Строительные, ремонтные, реставрационные работы	3,6	2,7	2,9
Экологические проекты (расчистка лесов, полей и рек, посадка деревьев)	0,9	1,1	1,1
Поиск пропавших людей	0,8	0,8	0,8
Сельскохозяйственные работы (работа на фермах и в полях)	0,8	0,9	0,7
Другое	4,0	2,6	4,2
Источник: составлено и рассчитано по: Обследование рабочей силы // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru			

Следующим показателем, характеризующим уровень развития добровольчества, является количество рабочих часов в месяц, затраченных на волонтерскую деятельность. Так, в среднем один волонтер трудится от 8 до 9 часов в месяц. Наблюдается тенденция снижения количества отработанных часов при увеличении численности волонтеров в стране (рис. 2.1.1).

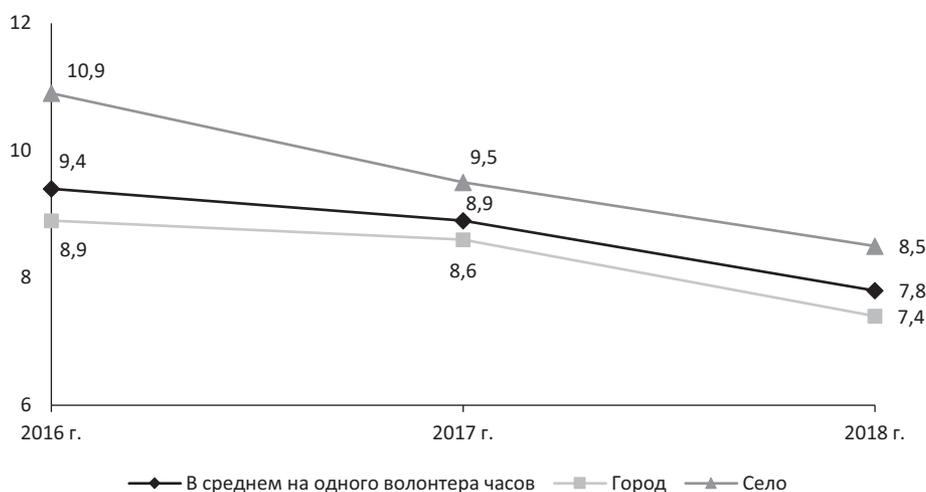

Рисунок 2.1.1 – Количество рабочих часов в месяц, затраченных на волонтерскую деятельность в 2016–2018 гг.

Источник: составлено и рассчитано по: Обследование рабочей силы // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: <http://www.gks.ru>

На наш взгляд, это является негативным аспектом, так как рост числа волонтеров может сопровождаться увеличением их участия в разовых (краткосрочных) акциях, между тем страдает систематическая работа. Несмотря на принимаемые меры, пассивность отдельных групп населения растет, особенно выделяются когорты активного трудоспособного возраста. Люди стали меньше уделять внимания добровольческому труду, так как вынуждены в условиях экономических трудностей заниматься извлечением доходов от дополнительной занятости. Следует отметить, что сельское население тратит больше времени на выполнение добровольной работы, чем городское. Этому способствует сохранение общинного уклада жизнедеятельности в малых населенных пунктах.

Добровольчество как вид гражданского участия может осуществляться в формальной и неформальной форме. Вертикально направленная формализованная деятельность реализуется в рамках конкретных орга-

низаций и объединений, а горизонтально неформальная деятельность – индивидуально или в составе групп [Скалабан, Спенсер, 2012, с. 161]. Данные показывают, что удельный вес индивидуального волонтерства составляет в общей сложности 80%, включая 1% тех, кто действовал посредством групп самопомощи, взаимопомощи, других неформальных объединений. Уровень формального добровольчества варьируется в пределах 20%. Из организаций наибольшая доля приходится на государственные и муниципальные структуры (13–15%), тогда как в составе общественных организаций участвуют в добровольчестве только 5%. Положительной или отрицательной динамики по значениям рассматриваемого показателя в период с 2016 по 2018 год не наблюдается (табл. 2.1.5). Таким образом, исходя из полученных данных, можно констатировать, что дальнейшее развитие добровольческой деятельности должно учитывать преобладающую долю волонтерства вне организаций.

Таблица 2.1.5 – Структура волонтерской деятельности по типам экономических единиц в 2016–2018 гг., в %

Экономическая единица	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего	100	100	100
Посредством или в интересах организаций, из них	18,4	17,8	19,4
общественные и религиозные, другие некоммерческие организации	5,2	4,9	5,2
государственные, муниципальные структуры	13,2	12,9	14,2
Группы самопомощи, взаимопомощи, другие неформальные объединения	1,3	1,0	1,0
По собственной инициативе (в интересах домашних хозяйств)	78,9	79,7	77,9
Другие	1,3	1,0	1,1
Источник: составлено и рассчитано по: Обследование рабочей силы // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru			

В завершение анализа российского добровольчества следует констатировать, что для успешного использования этого нематериального ресурса на благо общества необходимо внедрять организационные модели, которые бы позволили: определять приоритетные направления работы исходя из местных условий, объединять в команды для достижения синергетического эффекта, решать вопросы материально-технического обеспечения.

Удовлетворение вышеперечисленных потребностей возможно двумя способами.

Первый – с помощью некоммерческих организаций. Согласно российскому законодательству такие организации могут выступать в качестве организатора добровольческой деятельности⁴⁰. Они имеют право привлекать на постоянной или временной основе волонтеров и осуществлять руководство их работой. Однако при такой организационной модели некоммерческие организации сталкиваются с определенными барьерами гражданского участия. Подчеркнем, что в предыдущих наших исследованиях эти барьеры были определены на основе мониторинга социального самочувствия населения. Выявлено, что восприятие гражданами деятельности некоммерческих организаций находится на невысоком уровне. Причиной служит низкая информированность граждан о проектах, мероприятиях некоммерческих организаций и, как следствие, сохраняющееся к ним недоверие [Уханова, Косыгина, 2019, с. 36].

Второй способ – без образования специализированных благотворительных и добровольческих организаций с правами юридического лица, но путем расширения полномочий действующих ресурсных центров для некоммерческих организаций в регионах и муниципалитетах. Ресурсные центры уже сегодня предоставляют широкий спектр услуг отдельным гражданам и инициативным группам: это консультирование, информационное сопровождение, организационная и имущественная поддержка, предоставление помещений и оборудования по модели работы коворкинг-центров и другие. Привлечение ресурсных центров позволяет активизировать добровольческое движение с наименьшими затратами, при этом вовлекая участников в сотрудничество с действующими некоммерческими организациями, которые нуждаются в добровольческом труде.

2.2. Добровольчество в России на локальном уровне: опыт г. Вологды Вологодской области

Как уже отмечалось выше, в постоянно изменяющихся условиях российской действительности все более значимыми становятся факторы социально-экономического развития, считавшиеся ранее внеэкономическими. Возрастает внимание к человеческому, социальному капиталу и

---

⁴⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/71871620/>

институтам гражданского общества [Мартьянов, 2018]. В Послании Президента Федеральному Собранию РФ в 2020 году подчеркивается актуальность волонтерской деятельности: «Очень важно, что действительно массовым становится волонтерское движение, которое объединяет школьников, студентов, да и вообще людей разных поколений и возрастов»⁴¹. Фактически руководством страны поставлены задачи создания эффективных инструментов для использования трудовых ресурсов добровольцев в целях повышения качества жизни населения и реализации социальной политики государства на федеральном, региональном и местном уровнях.

Добровольчество становится реальным ресурсом социально-экономического развития регионов и муниципальных образований [Зборовский, Певная, 2019]. Возрастает необходимость изучения современного состояния добровольчества в муниципалитетах, а также выявления проблемных моментов, препятствующих развитию данного института гражданского общества на местах. Потребность в исследовании добровольческой деятельности прежде всего на муниципальном уровне продиктована рядом причин. С одной стороны, привлечение добровольцев к решению общественно значимых задач не представляется возможным без учета текущего положения и состояния. С другой стороны, именно на муниципальном уровне решаются конкретные проблемы, затрагивающие интересы населения. Вместе с тем содействие развитию добровольчества со стороны органов муниципального управления является залогом повышения включенности граждан в добровольческую деятельность на местном уровне и, как следствие, устойчивого социально-экономического развития территорий. Необходима оценка текущего состояния добровольчества, а также присутствует потребность в выявлении барьеров его развития на локальном уровне. В качестве территории в исследовании выбран город Вологда⁴².

Российская нормативная база в области государственной поддержки добровольчества на региональном и муниципальном уровнях

Как мы уже отмечали, стратегическим документом, определяющим основные направления государственной политики в сфере добровольчества на перспективу, является Концепция развития добровольчества

---

⁴¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

⁴² Город Вологда – городской округ, муниципальное образование, административный центр Вологодской области России; численность населения по данным за 2019 год составила 311846 человек // Официальный сайт Правительства Вологодской области. URL: http://vologda-portal.ru/o_gorode

(волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года⁴³, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р. Данный документ обязывает органы местного самоуправления создавать условия, обеспечивающие востребованность деятельности добровольческих организаций и добровольцев, а также формировать и развивать инфраструктуру ее поддержки. Повторим, что документ сопровождается Планом мероприятий по реализации Концепции и Планом популяризации добровольчества, деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и благотворительности.

Особенностью современного этапа совершенствования правового поля волонтерства является концентрация внимания на региональном уровне [Косыгина, 2019], в частности активно внедряется Стандарт поддержки волонтерства в регионах, разработанный Агентством стратегических инициатив (АСИ). В документе предполагается реализация 9 шагов: (1) принятие порядков взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с добровольцами; (2) назначение ответственного лица, курирующего вопросы добровольчества; (3) создание совета в сфере добровольчества и (4) ресурсного центра; (5) выделение направления «добровольчество» в рамках конкурсов субсидий для СОНКО; (6) разработка и утверждение плана информационной поддержки и популяризации; (7) организация «школ волонтеров»; (8) реализация не менее трех комплексных мероприятий в сфере стимулирования волонтерства; (9) проведение мониторинга социально-экономических эффектов поддержки добровольчества. Согласно отчету АСИ по состоянию на декабрь 2019 года Стандарт внедрен в регионах на 92%, выполнены 702 шага из 765-ти – целевого показателя полного внедрения Стандарта. Все шаги Стандарта осуществлены в 56 регионах. В 21 регионе добровольчество является предметом регулирования законов о благотворительной деятельности, а в 16 субъектах действуют отдельные нормативно-правовые акты, основной предмет которых – развитие добровольчества⁴⁴.

Российская правовая база в области государственной поддержки и регулирования добровольчества на региональном и муниципальном уровнях представлена в таблице 2.2.1.

---

⁴³ Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 года № 2950-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804

⁴⁴ Информационная справка о внедрении Стандарта поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах (по состоянию на 9 декабря 2019 года) // офиц. сайт Агентства стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru>

Таблица 2.2.1 – Нормативно-правовые акты, направленные на поддержку и регулирование добровольчества на региональном и муниципальном уровнях (на примере Вологодской области и города Вологды)

Документ	Содержание
Региональный уровень (на примере Вологодской области)	
Закон Вологодской области от 18 октября 2013 г. № 3184-ОЗ «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Вологодской области»	Регулирует отношения, возникающие в связи с оказанием органами государственной власти области поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям в Вологодской области
Закон Вологодской области от 23 апреля 2018 г. № 4327-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов в сфере добровольчества (волонтерства) в Вологодской области»	Регулирует отдельные вопросы в сфере добровольчества (волонтерства) в Вологодской области: полномочия органов государственной власти области в сфере добровольческой (волонтерской) деятельности
Государственная программа «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 гг.»	Предполагает поддержку общественных и молодежных инициатив как основ социально-экономического развития области
Муниципальный уровень (на примере муниципального образования «Город Вологда»)	
Муниципальная программа «Создание условий для развития открытого и активного гражданского общества» (постановление Администрации г. Вологды от 10 октября 2014 г. № 7661 с изм. от 11 февраля 2019 г. № 128)	Предусматривает создание условий для повышения гражданской активности и развития потенциала молодых людей, самоопределения молодежи, вовлечения молодежи в решение вопросов местного значения муниципального образования «Город Вологда»
Об утверждении Порядка определения объема и предоставления субсидий из бюджета г. Вологды социально ориентированным некоммерческим организациям, зарегистрированным на территории муниципального образования «Город Вологда» (с изм. на 08.11.2019)	Определяет правила предоставления Администрацией города субсидий из бюджета города Вологды СОНКО, зарегистрированным на территории муниципального образования «Город Вологда», на реализацию социально значимых проектов

Вместе с тем аналитическая группа АСИ выделяет шесть барьеров в развитии добровольчества, а именно: отсутствие прозрачного механизма взаимодействия органов власти и подведомственных учреждений с добровольцами; отсутствие льготного налогового режима для операций по оплате проезда и питания волонтеров организаторами добровольческой деятельности; ограниченный доступ к помещениям и материально-техническим средствам для организаций добровольческой деятельности; ограничения для участия волонтеров в региональных конкурсах субсидий для СОНКО; невысокий уровень осведомленности населения о практиках гражданского участия⁴⁵.

Таким образом, на современном этапе созданы общие правовые основы добровольческой деятельности на федеральном и региональном уровнях, активно оказывается государственная поддержка. В то же время нормативно-правовая база находится в процессе постоянного изменения.

⁴⁵ Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru>

Остаются неурегулированными некоторые моменты, связанные с рассогласованностью в вопросах государственной поддержки добровольчества между различными уровнями власти. Отсутствуют регламентированные стандарты в области регулирования и поддержки добровольчества в муниципальных образованиях. Дальнейшее совершенствование правового поля является важной предпосылкой активизации добровольческого потенциала как «ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев»⁴⁶.

Практики добровольческой деятельности в городе Вологде

Координацию добровольческой деятельности в г. Вологде осуществляет Волонтерский центр, созданный на базе МЦ «ГОРСОМ 35». В Центре реализуются проекты всероссийских общественных движений «Волонтеры Победы» и «Волонтеры-медики», работает Экологический отряд «Green People», получают развитие такие направления добровольческой деятельности, как культурное и социальное. Культурные волонтеры участвуют в реставрации архитектурных памятников, работают с фондами библиотек и музеев, организуют и проводят экскурсии, помогают реализовывать крупные культурные мероприятия и фестивали на общественных пространствах города. Социальные волонтеры оказывают добровольную помощь инвалидам, пожилым людям, бездомным, сажают деревья⁴⁷.

По словам экспертов, в стране и регионе востребовано волонтерство в сфере культуры: например, организация мобильных бригад и выездов с концертами, спектаклями и представлениями в детские дома, в дома ветеранов, в другие социальные учреждения. Перспективное направление – экскурсионное. Кроме того, помощь волонтеров необходима при проведении библиотечных или музейных акций. Поскольку в Вологодской области есть несколько учреждений среднего профобразования, готовящих людей творческих профессий, возможно, хорошим стимулом к развитию культурного волонтерства мог бы стать оригинальный студенческий проект⁴⁸.

---

⁴⁶ Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития: докл. к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, г. Москва, 9–12 апр. 2019 г. / В.Б. Беневоленский [и др.]; под ред. И.В. Мерсияновой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 69 с.

⁴⁷ Официальный сайт Муниципального бюджетного учреждения «ГОРСОМ35». URL: <https://www.gorcom35.ru>

⁴⁸ Сфера. Журнал о культуре Вологодской области. URL: <http://cultinfo.ru/journal/2018-vesna/volonter-znachit-svobodnyu>

Важным направлением организации добровольческого (волонтерского) движения в Вологодской области и ее административном центре является реализация образовательных программ, посредством которых осуществляется подготовка как добровольцев, так и взаимодействующих с ними сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления. При этом используются различные формы и площадки для организации обучения. В регионе на основе государственной программы «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы»⁴⁹, утвержденной постановлением Правительства Вологодской области от 28 октября 2013 г. № 1102, в рамках областной программы «Развитие добровольчества в Вологодской области» за счет областного бюджета реализуется комплекс образовательных проектов для добровольцев области и областного центра, постоянно проводятся вебинары по развитию добровольчества, экспресс-курс «Школа волонтерских лидеров», областной образовательный слет волонтерского актива Вологодской области⁵⁰.

В 2018 году курс обучения был организован на межрайонных слетах добровольческих отрядов Вологодской области, куда были приглашены волонтеры, имеющие опыт добровольчества не более года в возрасте от 14 до 30 лет. Обучение в формате палаточного лагеря осуществлялось в летний период в течение нескольких дней. В рамках слетов проводились тренинги, мастер-классы, занятия для знакомства новых участников добровольческого движения с направлениями и спецификой работы добровольца. Образовательная программа включала в себя следующие занятия: «Информационное сопровождение деятельности», «Волонтерство в сфере ЧС (чрезвычайных ситуаций)», «Волонтерство в сфере экологии», «Антинаркотическое направление добровольчества», «Волонтерство в сфере здравоохранения», «Социальное проектирование», «Где найти поддержку»⁵¹.

В декабре 2019 года более 200 добровольцев (школьники, студенты, представители работающей молодежи, «серебряных» волонтеров) приняли участие в IV Городском форуме волонтеров в Вологде «Доброслет», организаторами которого выступили Волонтерский центр Вологды МЦ

---

⁴⁹ О государственной программе «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы» (с изменениями на 21 января 2019 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/422454376>

⁵⁰ Мониторинг реализации мер поддержки добровольчества (волонтерства) в субъектах Российской Федерации: докл. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2018.

⁵¹ ВологдаРФ. URL: <http://vologda.ru/news/society/38503>

«ГОР.СОМ 35» и Вологодский государственный университет при поддержке городских властей. Слет открыла «Аллея добровольцев», где представители 30 добровольческих объединений презентовали свою деятельность и проекты. Причем каждый из присутствовавших мог присоединиться к волонтерскому движению и помочь в реализации идей с помощью акции «ДОБРОель». Форум «Доброслет» стал и образовательной площадкой⁵².

Несмотря на положительные результаты, достигнутые в сфере добровольчества в Вологодской области и городе Вологде, наблюдается отставание от других регионов по ряду показателей. По данным Аналитического центра при Правительстве РФ, Стандарт поддержки добровольчества в субъектах РФ внедрен в регионе не в полной мере (для сравнения: на декабрь 2019 года в 56 регионах мероприятия Стандарта были реализованы на 100%). В Вологодской области на настоящий момент не разработан и не утвержден план информационной поддержки и популяризации добровольчества; не осуществляется мониторинг социально-экономических эффектов поддержки добровольчества, не выполнен пункт по развитию ресурсных центров, а также профильных ресурсных центров при поддержке федеральных органов исполнительной власти (Минздрава, Минкульты, Минстроя)⁵³. Безусловно, для преодоления указанных пробелов в развитии добровольчества необходима согласованная работа между органами региональной и муниципальной власти, бизнесом, НКО, общественными активистами, населением. Для результативной деятельности в указанном направлении нужно понимать общую картину на местах. В связи с этим важнейшим источником информации выступает общественное мнение.

Тенденции развития добровольчества в городе Вологде по данным социологических измерений

Для оценки имеющихся социальных ресурсов, необходимых для развития добровольчества как социально одобряемой деятельности, имеет значение выявление его реальной базы, то есть тех слоев и групп в обществе, которые составляют ядро этого вида деятельности. По полученным данным около 77% жителей города Вологды не принимают участия в волонтерской деятельности, по области в целом не занимаются добровольчеством 86% населения. Городские добровольцы работают преиму-

---

⁵² Официальный сайт Администрации города Вологды. URL: http://vologda-portal.ru/novosti/index.php?ID=422510&SECTION_ID=151

⁵³ Мониторинг реализации мер поддержки добровольчества (волонтерства) в субъектах Российской Федерации: докл. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2018.

щественно на разовой основе – так ответили 13% опрошенных. На постоянной основе (3 раза и более) безвозмездно трудятся 7% (по областным данным – 5%). Результаты исследований свидетельствуют о склонности жителей г. Вологды к участию в разовых формах волонтерской активности, носящих характер акций. В то же время к регулярному участию, к проявлениям социальной активности в виде работы, а не мероприятий вологжане стремятся реже (рис. 2.2.1). Возможные причины разового участия в волонтерской деятельности: во-первых, отсутствуют сильные организаторы, которые смогли бы регулярно привлекать людей на мероприятия; во-вторых, разовое участие не накладывает никаких обязательств на самого добровольца.

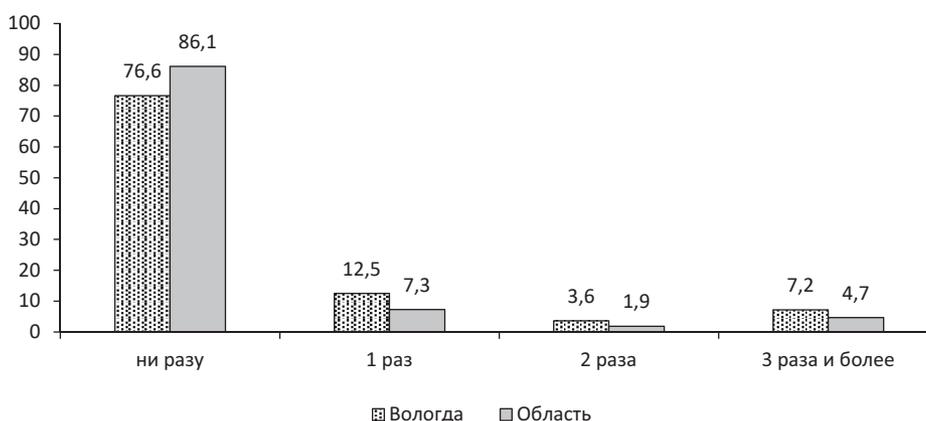

Рисунок 2.2.1 – **Распределение ответов на вопрос «Сколько раз за последние 12 месяцев Вы работали в качестве волонтера?», 2019 год, %**

Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

Анализируя полученные в ходе опроса оценки уровня участия населения в волонтерской деятельности, важно остановиться на следующей проблеме: зачастую население не осознает, что относится к волонтерам, которые имеют соответствующую идентичность, а не просто занимается общественно полезным трудом. Отвечая на вопросы «Являетесь ли Вы волонтером?» или «Осуществляете ли Вы волонтерскую деятельность?», респондент может дать отрицательный ответ, при этом регулярно безвозмездно помогая людям, например оказывая эмоциональную поддержку, материальную помощь, участвуя в работе родительского комитета и т. д. (конкретные практики волонтерской деятельности представлены в табл. 2.2.3). В этих условиях необходимо расширять возможности для укрепле-

ния социальной базы волонтерства путем ликвидации разрыва между теми, кто статистически составляет группу добровольцев, и теми, кто имеет волонтерскую идентичность. На наш взгляд, этого можно достичь посредством развития культуры добровольчества, что осуществится, когда оно войдет в повседневную жизнь регионального сообщества и когда люди будут чаще говорить друг с другом на эти темы.

Как свидетельствуют полученные данные, социально-демографический портрет волонтера города Вологды выглядит следующим образом: в первую очередь это молодой человек до 30 лет с высшим образованием или студент вуза, проживающий в областном центре (табл. 2.2.2). Например, по данным социологического опроса в Пермском крае, установлено, что волонтер – это молодой человек в возрасте 14–23 лет, получающий общее или среднее специальное образование⁵⁴. Видны некоторые отличия в регионах по возрастным и образовательным критериям социальной базы волонтерской деятельности.

Таблица 2.2.2 – **Социально-демографический портрет волонтера в Вологодской области***

Социально-демографическая характеристика		Участвовал 1 раз и более, %
Пол/возраст	Мужчины до 30 лет	✓ 21,5
	Мужчины от 30 до 60 лет	13,7
	Мужчины старше 60 лет	5,9
	Женщины до 30 лет	17,4
	Женщины от 30 до 55 лет	13,8
	Женщины старше 55 лет	14,0
Образование	Неполное среднее, среднее	6,7
	Среднее специальное	14,0
	Высшее, незаконченное высшее	✓ 22,1
Место проживания	Вологда	✓ 23,3
	Районы (районные центры)	12,3
Среднее по области		13,9
* Доля положительных ответов на вопрос «За последние 12 месяцев Вы работали в качестве волонтера?», % от числа опрошенных. Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.		

Вовлеченность населения в реальные практики гражданского участия является важнейшим фактором из ряда благоприятных для развития добровольчества и гражданского общества. Анализ ответов на вопрос о том, что именно приходилось безвозмездно делать за последний год для

⁵⁴ Мониторинг реализации мер поддержки добровольчества (волонтерства) в субъектах Российской Федерации: докл. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2017.

других людей, позволяет увидеть приоритеты в личной добровольческой деятельности населения Вологды и области в целом. Больше половины респондентов в г. Вологде (65%) сообщили, что за последний год им приходилось оказывать по собственной инициативе эмоциональную поддержку и давать житейский совет (табл. 2.2.3). Помогали вещами и деньгами в долг (без процентов) 48 и 31% опрошенных вологжан соответственно. Речь в данном случае не идет о семье и близких родственниках. Еще 27% опрошенных жителей города довелось участвовать в благоустройстве территорий, 22% – помогать продуктами. В наименьшей степени горожане помогали сотрудникам общественных (некоммерческих) организаций (2%) и участвовали в ликвидации чрезвычайных ситуаций (1%). Не приходилось оказывать по собственной инициативе помощь, поддержку кому-либо, совершать поступки на благо других людей, заниматься благотворительностью 13% жителей города (по области – 27%).

Таблица 2.2.3 – Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного Вам приходилось безвозмездно делать за последний год для других людей (не членов семьи и не близких родственников)?», 2019 год, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда	Область
Эмоциональная поддержка, общение, житейский совет	64,5	39,2
Помогать вещами	48,0	30,9
Помогать деньгами (в долг без процентов)	30,6	19,9
Участвовать в субботниках, мероприятиях по благоустройству среды проживания, заниматься посадкой деревьев, ремонтировать лавочки, детские площадки	26,6	26,5
Помогать продуктами	22,4	12,2
Участвовать в собрании жильцов дома, подъезда, улицы, ТОС	22,4	15,8
Помогать деньгами (безвозмездно)	20,4	8,9
Оказывать бытовую помощь на дому, физическую помощь	19,1	11,4
Присматривать за чужими детьми или престарелыми	11,8	12,1
Организовывать досуг	11,5	7,1
Участвовать в работе родительских комитетов	9,9	10,2
Оказывать помощь, сопровождать при передвижении лиц с ограниченными возможностями	7,9	3,6
Помогать с обращением в органы власти (с жалобами, прошениями и т. д.)	7,6	4,7
Участвовать в ремонте подъезда силами жильцов, дежурить на лестничных клетках	4,3	6,6
Участвовать в организации мероприятий (досуговых и культурных, просветительских, оздоровительных, спортивных и др.)	4,3	4,3
Давать профессиональные консультации, читать лекции, давать уроки	3,6	4,3
Собирать пожертвования и иные денежные средства для нуждающихся в помощи	2,6	4,0
Доставлять на дом материальную помощь (продукты, одежду, медикаменты)	2,3	2,2

Работать в коллективных руководящих органах общественных (некоммерческих) организаций	2,0	1,1
Помогать сотрудникам общественных (некоммерческих) организаций (в приеме заявлений, телефонных звонков, в производстве рекламы, проведении опросов и т. д.)	1,6	1,1
Участвовать в ликвидации последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций	1,3	1,3
Раздавать/распределять материальную помощь	1,0	1,1
Ничего из перечисленного делать не приходилось	13,2	27,3
Затрудняюсь ответить	4,3	8,7
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.		

Представленные данные позволяют утверждать, что уровень гражданской активности на условиях безвозмездного участия в г. Вологде значительно выше, чем по региону в целом, причем этот тренд проявляется практически во всех видах деятельности.

При рассмотрении тенденций развития добровольчества особый интерес представляет характеристика форм участия горожан в общественной деятельности. Одна из подобных форм – работа в некоммерческих организациях, в которых трудятся как штатные сотрудники на условиях оплачиваемой занятости, так и волонтеры. По общероссийским данным, НКО привлекают добровольцев в 76% случаев⁵⁵. Однако при сравнении предпочтений по условиям участия в общественно полезной деятельности наблюдается высокий отклик (38% жителей Вологды) в отношении именно «оплачиваемой работы на полный рабочий день (например, в НКО)»; в среднем по региону допускают оплачиваемую работу в общественной сфере 30% опрошенных. Такое распределение ответов объясняется тем, что в условиях экономических трудностей приоритетным для людей является получение доходов от занятости.

Занятие неоплачиваемым трудом допускают 22% горожан, что выше среднеобластного показателя на 5 п.п. Кроме того, они чаще, чем жители области, согласны заниматься индивидуальной благотворительной деятельностью. Следует отметить, что под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан по бескорыстной передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению

⁵⁵ Корпоративное добровольчество: партнерство некоммерческих организаций и бизнеса: сб. метод. мат-лов. URL: <http://nko.economy.gov.ru>

услуг, оказанию иной поддержки⁵⁶. Однако безвозмездная организационная работа и благотворительность в соответствующих организациях находят меньший отклик у населения, из чего следует, что чаще всего люди реализуют добровольческую инициативу в одиночку (рис. 2.2.2).

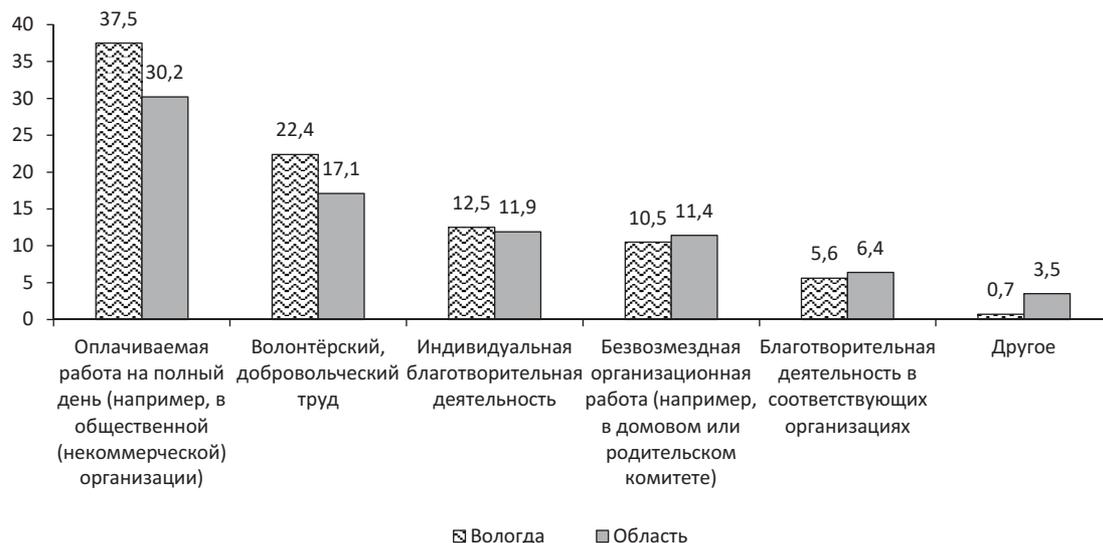

Рисунок 2.2.2 – **Распределение ответов на вопрос «В каких формах Вы допускаете для себя участие в общественной деятельности?», 2019 год, % от числа опрошенных**

Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.

Согласно российскому законодательству общественные (некоммерческие) организации выступают организаторами добровольческой деятельности и каналом мобилизации этого общественного ресурса. Будучи созданными для достижения общественно полезных и социально значимых задач, данные организации позволяют координировать волонтеров на решение вопросов тех сообществ, на территории которых они действуют [Певная, 2015]. Помимо решения проблемы, связанной с недостатком трудовых ресурсов, НКО способствуют продвижению и популяризации идей и лучших практик добровольчества, а также оказывают содействие в объединении усилий для преодоления важных проблем местного, и не только, значения.

⁵⁶ Благотворительная деятельность: ст. 1 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ.

Согласно полученным данным жители города демонстрируют невысокий уровень готовности участия в деятельности общественных организаций: превалирует доля ответов «исключаю работу». Мужчины в меньшей степени, чем женщины, готовы к работе на постоянной безвозмездной основе в какой-либо общественной организации (29 против 35%). Самая многочисленная возрастная группа, которая допускает работу в НКО, это лица от 30 до 55 лет (38%). В деятельности общественных объединений готовы участвовать люди в большинстве своем с высшим или незаконченным высшим образованием (40%). Соответственно, отрицают возможность работы в НКО люди старше 55 лет со средним специальным образованием (табл. 2.2.4).

Таблица 2.2.4 – Распределение ответов на вопрос «Лично Вы допускаете или исключаете для себя работу на постоянной безвозмездной основе в какой-либо общественной (некоммерческой) организации в будущем?» (данные по г. Вологде, 2019 год), %

Категория	Допускаю	Исключаю
Пол		
мужской	28,7	38,8
женский	✓ 35,4	33,7
Возраст		
до 30 лет	34,5	25,9
30–55 лет	✓ 37,7	34,4
старше 55 лет	22,8	44,6
Образование		
среднее и н/среднее	34,6	46,2
среднее специальное	21,2	48,7
высшее и н/высшее	✓ 40,0	25,5
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.		

Таким образом, около 77% жителей города Вологды не принимают участия в волонтерской деятельности, по области в целом – 86% респондентов. Однако в перспективе занятие добровольческим трудом допускает почти четверть горожан, что несколько выше среднеобластных показателей. Результаты исследований свидетельствуют о склонности жителей Вологды к участию в разовых формах волонтерской активности, носящих характер акций. В то же время к регулярному участию, к проявлениям социальной активности в виде работы вологжане стремятся реже. Можно заключить, что, несмотря на некоторые негативные тенденции в их самооценках относительно участия в общественной жизни города, они демонстрируют значительный потенциал для этого.

2.3. Барьеры в развитии добровольчества и механизмы их нивелирования за рубежом и в России⁵⁷

Несмотря на признание вклада добровольчества в развитие национальных социально-экономических систем и решение социально значимых проблем современного общества, как это отмечено в предыдущих параграфах, уровень его распространения в странах остается низким. Так, по данным Отчета «О состоянии добровольчества в мире за 2018 год: связующая нить», в 2016 году доля волонтеров в общей численности населения не превышала 7%⁵⁸. В пятерку лидеров по этому показателю вошли Канада (6,98%), Новая Зеландия (6,46%), Люксембург (6,28%), Швеция (6,14%), Австрия (5,99%), аутсайдерами стали Пакистан (0,39%), Индия (0,69%), Корея (0,73%), Южная Африка (0,85%), РФ (0,98%)⁵⁹.

Вышесказанное обуславливает интенсификацию исследований по определению барьеров гражданского участия в добровольческой деятельности и механизмов их нивелирования. При этом, судя по результатам нашего анализа, внимание, как правило, акцентируется на выявлении барьеров определенного типа на примере одной страны или группы стран. Так, рассмотрены проблемы вовлечения в общественную жизнь в форме волонтерской деятельности пожилых людей [Arai, 2004; McNamara, Gonzales, 2011; Tang et al., 2009], молодежи [Pantea, 2015; Roker et al., 1998], проведен анализ гендерных различий гражданского участия [Helms, McKenzie, 2014; Taniguchi, 2006]; исследованы вопросы развития волонтерства в сфере защиты окружающей среды [O'Brien, 2008], спорта [Krajňáková et al., 2018] и т. д. К наиболее комплексным работам можно отнести, например, отчеты о состоянии волонтерства в государствах – членах Европейского союза⁶⁰.

Снижение барьеров рассматривается с точки зрения управления индивидуальными предпочтениями в аспектах увеличения готовности (индивидуальные мотивации и ценности), предоставляемых возможностей и

---

⁵⁷ Авторы выражают благодарность д.э.н. Базуевой Е.В. за помощь в подготовке статьи, данные из которой легли в основу параграфа.

⁵⁸ Рассчитано авторами на основе Отчета «О состоянии добровольчества в мире за 2018 год: связующая нить». URL: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf и Доклада о добровольчестве (волонтерстве) в Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=169>

⁵⁹ Страны-аутсайдеры приведены в альтернативном порядке от наименьшего показателя к большему.

⁶⁰ Портал Европейской Комиссии. URL: https://ec.europa.eu/citizenship/about-the-europe-for-citizens-programme/studies/index_en.htm

предполагаемой доступности участия в волонтерской деятельности [Tang et al., 2009; Haski-Leventhal et al., 2017; Lee et al., 2013], а также принятия правительством мер по созданию условий, необходимых для увеличения участия населения в волонтерской деятельности⁶¹ [Pantea, 2015]. Однако только в некоторых исследованиях присутствует акцент на формировании культуры, создании ценности волонтерства в обществе. В этом аспекте волонтерство воспринимается как залог просоциального поведения, как фактор, способствующий повышению социальной справедливости и социальной ответственности [Stukas et al., 2016].

Следует отметить, что нам не встретились исследования, в которых создание таких условий предлагалось бы дифференцировать с учетом культурных особенностей страны, предопределяющих выбор и закрепляющих соответствующие нормы поведения в «коллективном действии». В данном случае речь идет о неформальных институтах, имеющих глубокие исторические корни, передающихся путем обучения и имитации от одного поколения к другому, являющихся, как правило, внутренне обязательными для человека стандартами поведения [Норт, 1997, с. 57]. Эти правила социального взаимодействия определяют иерархию ценностей, разделяемых широкими слоями общества, отношение людей к власти, массовые психологические установки, установки на кооперацию и противостояние т. д. [Институциональные ограничения ..., 2009]. В последнее время исследователи все чаще обращают внимание на значимость учета влияния данных культурных ценностей и установок на эффективность и отдельные параметры развития национальных социально-экономических систем [Hofstede, 2011; Аузан и др., 2020].

Как подчеркивается в институциональных исследованиях, изменение культурных установок, в отличие от формальных институтов, происходит медленно. «Теоретики считают, что до 1000 лет может быть устойчивость неформальных институтов. А вот при целенаправленном воздействии значительная подвижка происходит за 25 лет, а практически полное изменение – за 40 лет»⁶². В таком случае возможно введение формальных институтов, противоречащих неформальным правилам, как результат, у экономических субъектов может возникнуть сопротивление к их испол-

---

⁶¹ Laws and Policies Affecting Volunteerism Since 2001. A Research Report. United Nations Volunteers (UNV), 2009. 103 с.; State of the World's Volunteerism Report. Transforming Governance. United Nations Volunteers (UNV), 2015. 132 с.

⁶² Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 20.

нению или могут проявляться различные формы оппортунистического поведения. Применительно к волонтерской деятельности это означает, что навязывание ее интенсификации государством не будет иметь результата, в случае если ценности волонтерства не вписываются в культурную конструкцию страны.

Необходимо отметить, что в настоящее время в отдельных исследованиях акцентируется внимание на различиях ценности волонтерской деятельности в зависимости от культурных установок населения в странах. По мнению P. Lukka и A. Ellis, понимание волонтерства будет определяться различиями в социальном, культурном, историческом и политическом положении людей [Lukka, Paine, 2001].

H. Grönlund и соавторы на примере кросс-национальных сравнений 13 стран доказали, что ценность волонтерства, мотивы и интенсивность участия студентов бакалавриата в волонтерской деятельности имеют статистически значимые различия в зависимости от страны проживания студентов, т. е. определяются национальной культурой в целом и поддержкой некоммерческого сектора в частности [Grönlund et al., 2011].

Развивая результаты предшествующих исследований, A. Aydinli, M. Bender и A. Chasiotis в своей статье [Aydinli et al., 2013] говорят о существовании зависимости между разнообразием национальной культуры в аспекте ее индивидуальной и коллективистской составляющих, определяющих, как подчеркивают авторы, уровень национального богатства страны и степень доверия незнакомым людям, и распространенностью волонтерства как формального вида помощи населению. В развитых странах с большим проявлением индивидуализма люди чаще вовлекаются в волонтерскую деятельность. Однако выявление взаимосвязи между другими культурными характеристиками и уровнем развития волонтерства не стало предметом исследования в этой статье.

В русле этого рассмотрим систематизацию барьеров и перспективные технологии интенсификации диффузии волонтерства среди населения и определим значимые характеристики национальной культуры в данном процессе.

Начнем с определения барьеров, препятствующих развитию волонтерства, и анализа эффективных зарубежных технологий по их нивелированию. Как выявил анализ научной литературы, более активное развитие волонтерства тормозит широкий спектр барьеров, которые можно систематизировать в три группы: барьеры со стороны государства, барьеры со стороны некоммерческого сектора и барьеры со стороны индивида (табл. 2.3.1).

Таблица 2.3.1 – Систематизация барьеров диффузии волонтерской деятельности в обществе

Барьеры	Формы проявления
Со стороны государства	
Институциональные ограничения	Слабая институциональная поддержка некоммерческого сектора в целом и отсутствие механизмов по вовлечению населения в ассоциированное участие (Румыния [Pantea, 2015], США [Kolnick, 2007], Шотландия [O'Brien, 2008], Россия [Певная, Кузьминчук, 2016]), чрезмерная бюрократизация волонтерской деятельности (Германия*).
Со стороны третьего сектора	
Асимметрия информации	Неравномерное распространение информации о возможностях, условиях и результатах участия в волонтерской деятельности (Великобритания [Southby, South, 2016, с. 18], Словения, Литва, Польша [Krajňáková et al., 2018], США [Bang, 2015]).
Высокие организационные риски	Ошибки менеджмента НКО при организации мероприятий в системе вовлечения и удержания волонтеров (США [Tang et al., 2009; Rovers et al., 2016], Словения, Литва, Польша [Krajňáková et al., 2018], Великобритания [Nichols, Grix, 2016]).
Низкий уровень распространения волонтерства в окружении	Низкий уровень доверия населения к волонтерским практикам, высокая зависимость уровня вовлеченности в волонтерство от канала распространения информации (приглашение знакомыми). Обесценивание волонтерства как несерьезного и малозначимого занятия. Особенно выраженным барьер является для молодежи (Испания [Mainar et al., 2015], США [Ishizawa, 2015], Нидерланды [Van Goethem et al., 2014], Израиль [Youssim et al., 2015], Россия [Петрина, 2019]).
Финансовые риски	Высокая вероятность невыполнения обязательств в полном объеме в рамках мероприятий в связи с ограничениями финансирования индивидуальных расходов волонтеров на транспорт, проживание, питание (США [Rovers et al., 2016], Словения, Литва, Польша [Krajňáková et al., 2018], Гана [Dyson et al., 2021]).
Со стороны индивида	
Ограниченность ресурса времени	Лимитированность вовлечения в волонтерскую деятельность в связи с занятостью на основной работе, учебой, выполнением семейных обязанностей и уходом за детьми. Особенно выраженным является для женщин (Великобритания [Southby, South, 2016], США [Taniguchi, 2006; Einolf, 2011; Fyall, Gazley, 2015], Германия [Helms, McKenzie, 2014], Шотландия [O'Brien, 2008], Австралия**, Словения, Литва, Польша [Krajňáková et al., 2018]).
Индивидуальные условия проектов	Условия проектов ограничивают участие для определенных групп населения. Для несовершеннолетних – в связи с ограничениями правового характера; для пожилых людей сложности возникают из-за проблем со здоровьем, для людей с ограниченными возможностями – из-за предвзятого отношения к ним окружающих, воспринимающих их только в качестве получателей помощи или как дополнительную организационную нагрузку (США [McNamara, Gonzales, 2011; Tang et al., 2009; Roker et al., 1998; Fegan, Cook, 2012; Rotolo, Wilson, 2014], Новая Зеландия [Breheny et al., 2020], Словения, Литва, Польша [Krajňáková et al., 2018], Великобритания [Southby, South, 2016], Ирландия [Connolly, O'shea, 2015]).
Низкая мотивация участия в волонтерстве	Действие эффекта замещения в распределении свободного времени, когда предпочтение отдается другим интересам, не связанным с волонтерством (Мексика [Layton, Moreno, 2014], США [Roker et al., 1998], Румыния [Pantea, 2015], Австралия**).
* National report – Germany. Study on Volunteering in the European Union. 54 p.	
** https://www.abs.gov.au/statistics/people/people-and-communities/general-social-survey-summary-results-australia/latest-release	
Источник: составлено авторами.	

Необходимо подчеркнуть, что такое деление является условным, поскольку вовлеченность в волонтерскую деятельность определяется системой взаимосвязанных факторов, которые могут быть не в полной мере осознаваемыми. Зачастую барьеры носят специфический характер, зависящий от сферы реализации волонтерских проектов. К примеру, для волонтерских практик в области спорта большое значение представляют физические характеристики. Кроме того, барьеры диффузии волонтерства имеют национальную специфику, обусловленную как особенностями возникновения и эволюции данного явления в процессе социально-экономического развития страны, так и современными факторами, определяющими его траекторию.

Так, в странах-лидерах по доле волонтеров в общей численности населения развитие волонтерства во многом определялось сильными религиозными традициями, поддерживающими проявление альтруизма, социальной солидарности и взаимопомощи. К примеру, в Канаде под влиянием церкви формировались институты для поддержки бедных, больных, инвалидов (лечебницы, дома для бедных и малообеспеченных). Волонтерство воспринималось как акт доброй воли, показатель доброты и сострадания. Дальнейшие процессы развития социально-экономической системы (индустриализация, урбанизация) и внешние шоки (Великая депрессия, мировые войны) обусловили потребность в волонтерских объединениях для помощи социально уязвимым категориям населения и привели к интенсивному развитию новых форм гражданского участия. Несмотря на активное участие государства в создании институтов здравоохранения, образования, градостроительства и т. п., волонтерство с 1960-х годов становится признаком сильного демократического общества, где развивается целый комплекс разнообразных организаций на местном, региональном и национальном уровнях [Arai, 2004, с. 153–156].

Религиозные традиции оказали заметное влияние и на развитие волонтерства в тех европейских странах, которые лидируют также по уровню гражданского участия в волонтерской деятельности [Enjolras et al., 2018, с. 69]. Кроме того, как подчеркивают Н.К. Anheier и L.M. Salamon, национальная специфика развития третьего сектора и волонтерства во многом определялась особенностями индустриализации социально-экономических систем в аспекте перераспределения власти [Anheier, Salamon, 1999]. В частности, в странах, где в период индустриализации представи-

тели промышленности смогли подстроить национальную политику под свои экономические интересы, сформировалась «либеральная модель» развития гражданского общества, для которой характерно большое количество некоммерческих организаций, получающих основное финансирование за счет частных источников (взносы, благотворительные сборы). Такая модель закрепились в Великобритании и Швейцарии. В странах, где индустриализация привела к увеличению рабочего класса и числа НКО, представляющих его интересы, возникла модель «партнерства благосостояния», которая характеризуется значительным участием государства в финансировании социальной сферы через волонтерские организации, чаще всего религиозные. Модель наиболее ярко выражена в государствах Северо-Западной Европы, особенно в Германии и Нидерландах. В странах, где рост наблюдался в отношении как рабочего класса, так и фермерства, возникла социал-демократическая модель, при которой социальные услуги рассматриваются как «право» всех граждан, а не подарок благотворительных организаций. Услуги оказываются непосредственно государственными учреждениями. В Европе эта модель характерна для скандинавских стран и Австрии, лидирующих по диффузии волонтерства среди населения. В странах, где государство играет доминирующую роль и стремится провести быструю модернизацию с ограничением личной свободы граждан, развитие гражданского общества переходит в сферу неформальной экономики. По мнению исследователей, данная «статическая» модель характерна для России, Турции, Испании, Португалии и стран Центральной и Восточной Европы [Enjolras et al., 2018, с. 70–73].

В качестве современных факторов, определяющих интенсивность диффузии волонтерства, выделим активные миграционные процессы. Они во многом обуславливают не только особенности волонтерской деятельности в принимающих странах, но и выступают сдерживающим фактором гражданского участия мигрантов. Так, в Канаде, Швеции, Австрии, Новой Зеландии и Люксембурге с целью более эффективной инклюзии мигрантов создана сеть некоммерческих организаций, деятельность которых в большей степени поддерживается местным населением. Для стран-аутсайдеров по доле волонтеров в общей численности населения (Южная Африка, Корея, Индия, Пакистан), напротив, характерно противодействие правилам, устанавливаемым международными организациями [The Palgrave ..., 2016, с. 37–39], негативное отношение к мигрантам, во

многим обусловленное историческим прошлым – процессами колонизации, расовой и этнической сегрегации, миссионерской деятельностью по распространению христианства. Кроме того, сдерживающим фактором выступают традиционные ценности, которые во многом противоречат приоритетам развития, определяемым международными организациями, выступающими грантодателями волонтерских проектов [The Palgrave ..., 2016, с. 93; Waqir, 2012, с. 10]. В целом третий сектор в этих странах менее институционализирован и находится в сильной зависимости от государственной власти. К примеру, как отмечают корейские ученые, в связи с тем что гражданская активность часто санкционируется государством, отношение населения к ассоциированному участию в основном негативное [Geumchan, Kyu-soo, 2018].

Россия относится к странам с наименьшей долей волонтеров в общей численности населения. В ней практики вовлечения в волонтерскую деятельность также определялись изменением культурно-ценностных установок в процессе развития общества и трансформацией социально-экономических систем. Взаимопомощь и взаимоподдержка, характерные для культуры России, сделали крестьянскую общину одним из самых устойчивых институтов [Кудринская, 2006, с. 16]. В XIX веке получили развитие такие формы гражданского участия, как помощь нуждающимся (например, «хождения в народ» представителей интеллигенции или городские попечительства о бедных). В советский период культура волонтерства активно структурировалась государством, которое «включало» человека в общественно полезную и социально значимую деятельность. Как подчеркивает И.А. Купцова, формирование такой культуры поддерживалось советским кинематографом и художественными произведениями (системой неформальных институтов⁶³), демонстрирующими огромный потенциал волонтерской деятельности и значительные, нередко несколько нереальные результаты [Купцова, 2018; Якобсон, Санович, 2009, с. 23]. В начале 1990-х годов участие населения в волонтерской деятельности заметно сократилось из-за резкого падения уровня жизни⁶⁴ и кардинальной смены ценностных установок, когда советские принципы стали противоречить системе вводимых формальных институтов [Govaart, 2001; Полтерович,

---

⁶³ Уточнение авторов.

⁶⁴ Подробнее см.: Bodrenkova G. National IAVE representative for Russia and chairperson of the Moscow Charity House. Volunteer Center and advisor on the committee of Public and Religious affairs in the State Duma.

2001], а импортированные подходы к развитию третьего сектора не обеспечили значительной перестройки системы [Якобсон, Санович, 2009, с. 32]. При этом в аспекте нашего исследования важно подчеркнуть, что «многие из прежних ценностей не исчезли, а оказались отодвинутыми на второй план и пребывают в латентном состоянии» и могут «актуализироваться в измененном, преобразованном виде» [Лебедева, Татарко, 2007, с. 114] в случае формирования спроса на них в системе формальных институтов. В целом необходимо отметить, что действующая система в России государственной поддержки волонтерства остается неэффективной на всех уровнях управления, а доминирующие позиции государства коррелируют с ограниченными возможностями развития третьего сектора [Певная, Кузьминчук, 2016, с. 78; Dyson, 2021].

Анализ зарубежных исследований позволил систематизировать основные направления их нивелирования по различным видам институтов, закрепляющих нормы волонтерских практик, создающих условия их эффективного развития в обществе, а также способствующих изменению ментальных конструкций индивидов через систему побудительных мотивов участия в волонтерской деятельности (табл. 2.3.2).

Таблица 2.3.2 – Система специализированных институтов по интенсификации диффузии волонтерства в обществе

Институты*	Виды специализированных институтов	Страны
Институты продвижения волонтерских практик	Выстраивание сотрудничества между органами власти, гражданским обществом и коммерческими структурами Специальные департаменты по развитию волонтерства среди женщин Специальные законы и программы для стимулирования участия молодежи в волонтерской деятельности, особенно в сельской местности Национальные программы по равномерному распространению волонтерства в регионах страны Выстраивание сотрудничества с международными альянсами, работающими в смежных сферах, с целью повышения значимости мнения местных волонтеров у национальных и региональных органов власти	Новая Зеландия, Люксембург, Канада, Швеция, Австрия, Австралия, Перу Непал, Индия, Бангладеш, Перу, Эстония Гондурас, Мозамбик, Того, Гана, Кения Китай, Великобритания Чили
Институт развития гражданского общества (система обратных связей)	Привлечение населения к законотворческой деятельности	Канада, Швеция, Эстония, Исландия, Австрия, Люксембург

Окончание таблицы 2.3.2

Институты*	Виды специализированных институтов	Страны
Институт развития горизонтальных связей посредством сетевых механизмов диффузии норм гражданского участия	Создание и расширение специальных площадок для совместного обсуждения проблем сообщества («invited spaces»)	Непал, Кения, Уганда, Бразилия, Перу, Новая Зеландия, Австрия
Институты повышения репутации волонтерской деятельности среди населения	Учреждение года волонтерской деятельности для людей 17–28 лет, в течение которого они трудятся в одной из социальных организаций страны полный рабочий день, получая небольшое ежемесячное пособие Награждение волонтерских организаций, стимулирование научно-образовательных учреждений для проведения исследований по теме гражданского участия	Австрия Непал, Кения, Уганда, Бразилия, Перу, Новая Зеландия, Австрия
Институт волонтерского образования	Проведение форумов для повышения участия женщин в волонтерской деятельности посредством развития необходимых знаний и навыков	Непал, Индия, Перу, Бангладеш
Институты повышения мотивации участия в волонтерстве	Создание «паспорта волонтера», в котором содержится информация обо всех волонтерских практиках участия человека в течение жизни с перечислением навыков, использованных в данном процессе Освобождение от уплаты НДФЛ на расходы, связанные с волонтерской деятельностью, сохранение пособий по безработице при заключении контракта на волонтерскую деятельность	Австрия, Франция, Австралия Македония
<p>* Сформулированы авторами на основе использования положений институциональной экономической теории. Составлено по: Laws and Policies Affecting Volunteerism Since 2001. A Research Report. United Nations Volunteers (UNV), 2009. 103 p.; State of the World's Volunteerism Report. Transforming Governance. United Nations Volunteers (UNV), 2015. 132 p.; Study on Volunteering in the European Union. National Report – Austria. 28 p. URL: https://www.asi.org.ru; https://ec.europa.eu/citizenship/pdf/national_report_at_en.pdf; https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/46547003.pdf; https://gr-eat.eu/the-volunteer-passport-france-benevolat/; https://www.wevolunteer.org.au/volunteer-passport; [Smith, 1982; Åström et al., 2013; Allhutter, Aichholzer, 2009].</p>		

Полученные данные свидетельствуют, что наиболее развитая сеть специализированных институтов, целью которых является интенсификация диффузии волонтерства в обществе, характерна для стран – лидеров по вовлечению населения в эту форму гражданского участия. Подчеркнем, что указанные институты этих стран стабилизируют закрепление волонтерских практик в системе прямых, обратных и горизонтальных связей, формирующей условия для самоподдерживающейся институциональной системы [Базуева, 2015].

В целом, как показал наш анализ, технологии нивелирования барьеров развития волонтерства не интегрированы в культурную конструкцию страны. Классическим примером являются попытки вовлечь женщин в обсуждение и решение социальных проблем в патриархальных обществах, в т.ч. в форме волонтерства, что противоречит действующей системе неформальных институтов. Представляется, что учет культурных характеристик, интенсифицирующих развитие волонтерства, способствовал бы повышению эффективности предлагаемых механизмов, поскольку был бы согласован с ценностными установками большей части населения страны.

Согласно нашему предположению, национальной культуре должны быть свойственны определенные ценности и поведенческие установки, которые способствуют интенсификации распространения волонтерства среди населения страны.

Результативным признаком в модели, представленной далее, является доля волонтеров в общей численности населения. Считаем, что в отличие от абсолютного значения данного показателя в виде количества волонтеров в стране он позволяет учесть масштабы распространения волонтерства в обществе. Как необходимо заметить, в настоящее время в правительственных отчетах о состоянии волонтерства представлен только абсолютный показатель, поэтому его относительное значение было рассчитано авторами самостоятельно⁶⁵.

Объясняющими переменными выступают культурные характеристики, которые выделены Г. Хофстеде и обозначения которых представлены в таблице 2.3.3. Переменные измеряются в баллах от 1 до 100. Используются вторичные эмпирические данные проекта Hofstede Insights⁶⁶, методика его проведения по всем шести показателям подробно описана в литературе [Hofstede, 2011]. Подчеркнем, что, несмотря на разный период данных, применяемых для построения модели, они сопоставимы, поскольку, как отмечалось нами ранее, характеристики национальной культуры изменяются во времени очень медленно.

---

⁶⁵ Доля волонтеров в общей численности населения страны рассчитана авторами на основе Отчета «О состоянии добровольчества в мире за 2018 год: связующая нить». URL: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf и Доклада о добровольчестве (волонтерстве) в Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=169>

⁶⁶ <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/>

Таблица 2.3.3 – Культурные характеристики концепции Г. Хофстеде

Фактор	Обозначение	Характеристика
Дистанция власти (Power Distance)	PD	Показывает степень, с которой наделенные относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти
Индивидуализм (Individualism)	Ind	Степень, с которой люди в обществе интегрированы в группы; предполагает, что каждый будет заботиться о себе и своих ближайших родственниках; напротив, коллективизм направлен на интеграцию людей с рождения в сильные, сплоченные группы, часто большие семьи (с дядями, тетями, бабушками и дедушками), которые призваны защищать их в обмен на беспрекословную лояльность
Маскулинность (Masculinity)	M	Степень распространенности в обществе мужских социальных ценностей, сопровождающейся высокой конкуренцией, дифференциацией гендерных ролей в обществе, ориентацией на достижения и успех
Избегание неопределенности (Uncertainty Avoidance)	UA	Показывает степень, с которой принадлежащие к одной культуре люди будут бояться неопределенных и незнакомых ситуаций
Долгосрочная ориентация (Long Term Orientation)	LTO	Показывает, насколько обществу свойственны прагматизм и стратегическая ориентация на будущее, в частности упорство, бережливость
Терпимость (Indulgence)	I	Показывает степень, с которой люди в обществе контролируют свои желания в удовлетворении естественных и социальных потребностей, в т. ч. связанных с организацией досуга
Источник: Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. С. 39–45; [Hofstede, 2011].		

Анализ проводился на основе данных по 55 странам, по которым имелись все показатели, следовательно, выборка является сбалансированной. Расчеты осуществлены с использованием программного пакета Gretl. Построенная модель линейной регрессии (значение коэффициента детерминации R-квадрат = 0,46) позволила выявить, что спецификой национальной культуры можно объяснить 46% всех факторов, влияющих на уровень распространения волонтерства в обществе, поскольку, как было показано нами в предшествующем параграфе, эти факторы достаточно разнообразны. Кроме того, установлено, что влияние таких факторных переменных, как дистанция власти, избегание неопределенности и долгосрочная ориентация, на уровень волонтерства в стране не значимо.

На наш взгляд, отсутствие существенной зависимости от критерия долгосрочности связано с тем, что большая часть волонтерских проектов реализуется за счет бюджетных средств, средств международной помощи в рамках решения текущих социально значимых проблем, спектр которых

значительно дифференцирован в зависимости от уровня развития страны. В то же время, финансирование волонтерских проектов международными организациями стирает четкую зависимость от национальной специфики нерешенных социально-экономических проблем, поскольку спонсирующие организации задают вектор их реализации, исходя из собственных представлений и интересов [Lukka, Paine, 2001]. В целом необходимо заметить, что данные проекты существенно отличаются от классических инвестиционных проектов, что, на наш взгляд, выражается в отсутствии значимой взаимосвязи с параметрами временной перспективы, а также в неопределенности внешней среды.

Отсутствие значимой причинной зависимости между уровнем волонтерства и уровнем дистанцированности власти объясняется спецификой вовлечения граждан в волонтерскую деятельность (инициатива может как исходить от граждан, так и задаваться со стороны государства).

Результаты эконометрического моделирования методом пошаговой регрессии представлены в таблице 2.3.4.

Таблица 2.3.4 – Характеристика параметров эконометрической модели

Показатель	Коэффициент	Стандартная ошибка
Const	1,832***	0,6629
Ind	0,034***	0,0084
M	-0,022**	0,0087
I	0,026***	0,0089
Критерий Шварца	199,335	
Коэффициент детерминации	0,417	
***, ** – значимость на 1 и 5%-ном уровне соответственно.		

Установленные факторные зависимости подтверждают гипотезу, состоящую в том, что в национальной культуре только определенные ценности и поведенческие установки влияют на предпочтения индивидов в процессе принятия решения об участии в волонтерской деятельности. Причем значимость их влияния на данный процесс также отличается. Рисунок 2.3.1 демонстрирует подтверждение установленных с помощью модели зависимостей по странам-лидерам и странам-аутсайдерам по доле волонтеров в общей численности населения. Кроме того, значимость влияния культурных характеристик на уровень развития волонтерства подтверждена результатами исследований, выполненных в рамках отдельных стран.

Рисунок 2.3.1 – **Распределение стран по типу культуры в концепции Г. Хофстеде**

Источник: составлено по: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/>

Во-первых, согласно характеристикам, выделенным Г. Хофстеде, высокий уровень индивидуализма предполагает личную ответственность за достигнутый уровень жизни, стремление к самореализации, а также заботу прежде всего о себе, своих ближайших родственниках. Акцент на индивидуальной ответственности, активной гражданской позиции, индивидуальном подходе к каждому человеку формирует условия для проявления заботы о других членах общества в форме участия в волонтерской деятельности. Такие ценностные установки, как подчеркивает И.А. Купцова, мотивируют вовлечение в волонтерство людей среднего возраста [Купцова, 2018].

Возможность наращивания человеческого капитала в виде получения опыта работы и профессионального обучения, развития новых навыков, налаживания контактов, полезных для оплачиваемой работы, улучшения перспектив трудоустройства в большей степени характерна для вовлечения в волонтерскую деятельность студенческой молодежи [Lee et al., 2013; Grönlund et al., 2011; Купцова, 2018]. При этом, согласно результатам исследования Н. Grönlund и соавторов, данные мотивы можно рассматривать в качестве первоначального мотива вовлечения студенческой молодежи в волонтерскую деятельность или эпизодическое участие в ней [Grönlund et al., 2011]. Спрос на волонтерскую деятельность в этом случае мотивиро-

ван большей лояльностью потенциальных работодателей к кандидатам, поскольку они предполагают, что такие сотрудники в профессиональной деятельности будут отказываться от личных интересов в пользу интересов организации. Не случайно высокий уровень эмпатии входит в группу так называемых *soft skills*⁶⁷, приоритетность которых по сравнению с накоплением профессиональных знаний и навыков (*hard skills*) является современным трендом изменения требований работодателей к качеству человеческого капитала сотрудников [Khasanzyanova, 2017; Базуева, 2018, с. 470]. Как показывают результаты некоторых исследований, в странах, в которых утилитарные мотивы участия в волонтерской деятельности являются общепринятой нормой, волонтерство увеличивает заработную плату сотрудников от 6% (Канада) до 18% (Австрия) [Grönlund et al., 2011]. Причем указанные страны, как отмечалось выше, входят в пятерку лидеров по доле волонтеров в общей численности населения. Тем не менее необходимо отметить, что утилитарные мотивы характерны в большей степени для эпизодического волонтерства, тогда как регулярное участие в волонтерской деятельности определяется в основном ценностными (альтруистическими) мотивами [Grönlund et al., 2011].

Во-вторых, обратная взаимосвязь с культурной характеристикой «маскулинность» означает, что развитие волонтерства в большей степени распространено в национальных культурах феминного типа, которым свойственно, говоря языком Г. Хофстеде, «сочувствие слабым» [Hofstede, 2011]. Ценности заботы соответствуют доминирующим в современном обществе образным конструкциям представлений о волонтерской деятельности и являются одним из ее сущностных признаков. Заметим, что укорененность такого представления о волонтерстве обеспечивается передачей опыта распространенных в XIX веке практик вспомоществования нуждающимся и бедным представителями среднего класса (см. подробнее [Lukka, Paine, 2001; Купцова, 2018]). Однако на современном этапе развития общества, по мнению Р. Лукка и А.Е. Пейне, представление о волонтерстве только с позиций помощи нуждающимся выступает ограничивающим фактором вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность и нуждается в ребрендинге [Lukka, Paine, 2001].

---

⁶⁷ Напомним, что к этим требованиям также относят компетенции, связанные со способностью к самообразованию и умению обучаться, возможностью работать в команде, мотивацией к достижениям, высоким уровнем самосознания и адаптивности к изменениям, конструктивной реакцией на критику.

В-третьих, установленная значимая зависимость от уровня терпимости, предполагающего относительно свободное удовлетворение основных потребностей, связанных с наслаждением жизнью и активной организацией досуга, с одной стороны, подтверждает, что волонтерство по инициативе граждан, как отмечено нами ранее, не может развиваться в условиях потребительского стандарта выживаемости, когда людям необходимо концентрировать внимание на решении собственных проблем. С другой стороны, волонтерство, как подчеркивают результаты исследований, многими рассматривается в качестве активной формы организации досуга, что соответствует раскрытому выше содержанию данной культурной характеристики по Г. Хофстеде.

Подчеркнем, что для обществ с высоким уровнем терпимости характерны важность свободы слова и самоподдерживающий порядок, не предполагающий высокой концентрации силовых структур. Эти факторы выступают в качестве необходимых условий формирования гражданского общества, в котором вовлеченность людей в волонтерскую деятельность представляет общепринятую социальную практику [Факторы развития ..., 2008].

С учетом культурных характеристик, способствующих вовлечению населения в волонтерскую деятельность, и проанализированных нами эффективных технологий контурно определим механизм нивелирования барьеров, сдерживающих развитие волонтерства в России.

Согласно методике Г. Хофстеде, для России в большей степени характерно проявление коллективистской культуры (значение параметра «Индивидуализм» – 39), феминных по сравнению с маскулинными черт (значение параметра «Маскулинность» – 36), а также высокая степень ограниченности социальными нормами собственных потребностей, в т. ч. связанных с организацией досуга, склонность к пессимизму и цинизму (значение параметра «Терпимость» – 20)⁶⁸. Что касается первых двух культурных характеристик, то внедрение принципов рыночной экономики в институциональную матрицу (в терминах С.Г. Кирдиной [Кирдина, 2004]) в начале 1990-х гг. привело к постепенному изменению их траектории. Это значит, что при определении основных направлений интенсификации диффузии волонтерства в России с учетом ее культурных параметров можно использовать синтез индивидуально-коллективистских мер, а

---

⁶⁸ Онлайн-сервис Hofstede Insights. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/russia/>

также наряду с принципами экономики заботы⁶⁹ акцентировать внимание на формировании институтов повышения мотивации участия в волонтерской деятельности.

1. Государство может влиять на уровень развития волонтерства в большей степени только через формализованные структуры (НКО). Следовательно, в качестве основных направлений интенсификации распространения волонтерства среди населения можно выделить увеличение количества организаций, расширение спектра видов их деятельности, учитывающих в большей степени специфические интересы потенциальных волонтеров (кастомизация волонтерских практик), а также повышение доступности волонтерских практик [Narushima, 2005, с. 579]. Представляется, что с этой целью необходимо поддерживать деятельность некоммерческих организаций, работающих с разной целевой аудиторией, чтобы участники чувствовали принадлежность к определенной группе населения. Это позволит, с одной стороны, вовлечь в общественную жизнь ту часть населения, которая обладает достаточным потенциалом гражданского участия в форме волонтерской деятельности, но нуждается в создании специальных условий (люди старшего поколения, «тоскующие» по массовым общественно значимым мероприятиям советского типа; молодежь, стремящаяся выстроить сеть социальных связей, которые далее можно использовать для наращивания своего человеческого капитала, и др.). С другой стороны, это отвечает принципам коллективистской культуры, когда представители группы стремятся защитить друг друга, оказывая помощь в разных формах. В этом случае возможен большой охват различных социальных групп населения с предоставлением помощи на основе более индивидуализированного подхода к учету потребностей данной группы. При этом необходимо учитывать, что эффективность вовлечения населения в волонтерскую деятельность зависит от системности ее организации. Как показывает опыт других стран, решить данную задачу возможно при наличии штата ключевых сотрудников [Maas et al., 2021, с. 884]. По сути, они являются связующим звеном между индивидом и обществом, от их навыков и умений зависит прочность и продолжительность интереса каждого человека к волонтерской деятельности. Опираясь на социальные связи потенциальных волонтеров, штатные сотрудники НКО, учитывая индивидуальные мотивы вовлечения, обеспечивая эффективную комму-

---

⁶⁹ Формирование данной системы институтов, обеспечивающих эгалитарный тип взаимодействия между мужчинами и женщинами в семье, подробно рассмотрен в [Базуева, 2015].

никацию, в т. ч. посредством использования онлайн-площадок, и оказывая поддержку в адаптации к участию в волонтерских практиках, обеспечивают перманентное расширение сети волонтеров [Shier et al., 2020, с. 7]. В качестве перспективной технологии работы с потенциальным волонтером может стать Buddy system, которая является аналогом партнерской программы, когда за человеком «закрепляется» приятель и пара работает совместно до достижения определенного результата⁷⁰ [Jones, 2006, с. 257]. Исходя из того что в настоящее время российское государство выступает одним из ключевых грантодателей третьего сектора, необходимо уделять большее внимание вопросам финансовой поддержки НКО в аспекте увеличения гражданского участия в решении социально значимых проблем общества.

2. Постепенная трансформация в России культурных ценностей в сторону индивидуализации обуславливает рост ориентации на индивидуальный успех, активность, амбициозность, планирование будущего [Лебедева, Татарко, 2007, с. 128], что предполагает обязательность формирования институтов повышения мотивации участия в волонтерстве. В связи с этим посредством проведения лонгитюдных исследований необходимо выявить спектр факторов, мотивирующих на гражданское участие в форме волонтерской деятельности и на этой основе разработать стратегию развития волонтерской деятельности в России с учетом выявленных индивидуальных потребностей, а также обеспечить доступ к волонтерским практикам всем категориям населения (включая инвалидов, мигрантов и пр.).

3. С целью нивелирования проявлений пессимизма и цинизма среди населения России по отношению к волонтерам необходимо сформировать систему институтов повышения репутации волонтерской деятельности в различных формах. Кроме того, следует разработать стратегию ребрендинга волонтерства, включающую спектр специализированных мероприятий для работодателей, чтобы повысить их заинтересованность через осознание значимости привлечения сотрудников, имеющих опыт волонтерской деятельности. Безусловно, интенсификация вовлечения граждан в волонтерскую деятельность возможна, как отмечалось нами ранее, только на фоне повышения уровня и качества жизни населения с использованием широкого спектра форм организации досуга.

---

⁷⁰ В России данная технология реализуется, например, в образовательной сфере. URL: <https://privet.urfu.ru/trajectories/special/international/buddy/>

* * *

Подводя итоги изучения добровольчества, трендов его развития, барьеров реализации и механизмов их преодоления, следует остановиться на следующих ключевых аспектах. Постановка целей устойчивого развития национальных социально-экономических систем предполагает поиск новых ресурсов для их достижения. В качестве одного из потенциальных факторов выступает усиление роли гражданского общества в данном процессе, в т. ч. посредством учета волонтерства в национальных стратегиях реализации Повестки-2030. Волонтерство – это комплексное и междисциплинарное явление, поэтому для его осмысления необходимо руководствоваться комплексом теоретико-методологических подходов: правовых, институциональных, системных, социологических, институциональных, экономических и деятельностных.

На сегодняшний день на федеральном уровне создана широкая нормативно-правовая база в области добровольчества, которая переносит вектор правового регулирования в регионы и муниципалитеты. С этой точки зрения региональное звено государственного управления занимает центральное место в вопросе регулирования процессов развития добровольческого движения в стране.

Проведенный нами анализ данных выборочного обследования рабочей силы в рамках официальной статистической методологии формирования индикаторов трудовой деятельности показал положительную динамику в развитии добровольчества в России в части увеличения количества работников-волонтеров в годовой динамике. Выявлена корреляция уровня участия в добровольческой деятельности с гендерной принадлежностью, возрастом, типом населенного пункта. В частности, волонтерами являются преимущественно женщины. Наиболее активно трудится молодежь в возрасте 15–19 лет, наименее – пенсионеры и люди активного трудоспособного возраста. Установлено, что постепенно волонтерская активность перемещается в сельскую местность. Вместе с тем негативным трендом является снижение количества времени, отработанного одним волонтером.

Судя по данным анализа, несмотря на признание вклада волонтерства в решение социально значимых проблем, уровень его распространения в странах остается по-прежнему низким. Систематизация барьеров развития и технологий интенсификации диффузии волонтерства за рубежом и в России позволила определить, что необходимым условием для выстраивания наиболее эффективного механизма повышения уровня гражданского

участия становится учет культурных ценностей национальных социально-экономических систем. Выполненное нами исследование показывает значимость некоторых характеристик национальных культур в процессе вовлечения населения в волонтерскую деятельность и применительно к российскому контексту позволяет определить возможные направления его интенсификации, согласованные с культурной конструкцией страны. На локальном уровне приоритетным направлением является содействие развитию системы добровольчества через создание организационной модели деятельности добровольческого движения, формирование единой информационной базы данных добровольческих организаций и добровольческих акций, так как только организованное добровольчество может обеспечить расширение масштабов добровольческой деятельности и повышение ее результативности.

В целом необходимо подчеркнуть, что механизм преодоления барьеров, препятствующих развитию волонтерства в России, должен строиться на принципах его осознанного продвижения посредством создания комплексной системы институтов, определяющих условия эффективной мобилизации волонтеров на регулярной основе и поддерживающих мотивацию населения участвовать в волонтерских практиках.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

3.1. Качество городской среды и вовлечение граждан в её развитие

В контексте развития гражданского участия в региональном пространстве значимым является выявление проблемных зон и определения сфер городской среды, перспективных с точки зрения привлечения граждан к их преобразованию. В 2020 году 75% россиян проживали в городах⁷¹. Вопросы состояния городской среды, её восприятия жителями являются важной составляющей оценки качества жизни, которое понимается как «комплексная характеристика состояния среды обитания и жизнедеятельности» [Спиридонов и др., 2010, с. 114], степень комфортности этой среды [Бабинцев, 2003, с. 44]. Качество и комфортность среды обуславливают конкурентоспособность муниципальных образований и регионов [Ильина, 2015, с. 69], их устойчивое развитие [Горина и др., 2015], влияют на воспроизводство человеческого потенциала [Новиков, 2020].

Понимание важности качества городской среды нашло отражение и в национальном проекте «Жилье и городская среда»⁷², направленном не только на развитие муниципальных образований, но и на вовлечение жителей в решение городских проблем. Участие граждан позволяет достигать общественно значимые цели: рост удовлетворенности населения качеством жизни и повышение уровня доверия к органам муниципального управления, рост гражданского активизма.

---

⁷¹ Доля городского населения Российской Федерации в общей численности населения: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru>

⁷² Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnyeproekty/natsionalny-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda>

Создание нового, комфортного для человека городского пространства предполагает учет интересов различных групп населения и наличие социального запроса на другое качество среды [Дементьев, 2018]. Решение этой задачи невозможно без действия механизмов партнерства, обращения власти к помощи гражданского общества, вовлечённости граждан в городской менеджмент. Исследователи отмечают, что в начале нового тысячелетия у населения городов проявляется потребность влиять на среду своего обитания, формируя новое жизненное пространство [Бойкова, Ильина, Салазкин, 2011, с. 35]. Участвуя в разработке, принятии и реализации решений, городские сообщества становятся основой сбалансированного развития территории [Insa-Ciriza, 2012].

«Гражданское социальное участие представляет собой механизм многосубъектного взаимодействия в ходе выработки и реализации социально значимых управленческих решений» [Мерзляков, 2007, с. 13]. Первый пик интереса к изучению практик гражданского участия в управлении территориями приходится на 60-е годы XX века. Среди современных теорий социального участия можно выделить прежде всего концепции «Партнерство» и «Устойчивое развитие».

В ходе управления развитием отдельных территорий, создания комфортной среды для жизнедеятельности происходит согласование интересов органов власти, граждан и бизнеса, причём граждане свои интересы могут представлять как индивидуально, так и при помощи общественных объединений. По мнению Милля, участие в управлении государством эффективно лишь тогда, когда индивид готов принимать участие в местных делах [Тычинская, 2012, с. 94]. Чем больше ответственности делегируется заинтересованному в проекте отдельному человеку или группе, тем четче принимается совместное решение по развитию объекта. Именно на этом уровне люди приобретают способность к самоуправлению [СанOFF, 2015].

В последние два десятилетия в научном дискурсе достаточно часто обсуждается среда обитания с точки зрения влияния на качество жизни и её восприятие жителями [Bonnes et al., 2012; Dębek et al., 2016; Keles, 2012; Perlaviciute, 2012]. Гиффорд [Gifford, 2007, с. 260, 287] предположил, что про-социальное (забота об окружающей среде, её восстановление) или анти-социальное поведение (вандализм) коррелирует с впечатлением от среды обитания – с тем, насколько человек считает её благоприятной или опасной. Качество городской среды напрямую связано с поведением жителей,

направленным либо на улучшение окружающей среды, что проявляется в экологической и защитной деятельности, эстетических преобразованиях [Dębek et al., 2016], либо на разрушение [Gifford, 2007]. Оценить качество городской среды возможно с помощью объективных показателей её состояния или субъективного мнения жителей о комфортности и удобстве жизни в городе. Ученые ВолНЦ РАН на регулярной основе изучают мнение населения региона о качестве жизни, привлекательности и комфортности проживания в городах области [Гужавина, 2016; Дементьева, 2017], дают оценку стратегических приоритетов развития городов [Ускова и др., 2021].

В научных кругах отсутствует однозначная интерпретация понятия «качество городской среды», несмотря на неоднократные попытки теоретического обоснования и реконцептуализации. Под качеством городской среды понимают:

- «совокупность материальных благ, которые по тем или иным основаниям должны быть предоставлены жителям» [Ильина, 2015, с. 71];
- «наиболее благоприятные условия жизнедеятельности людей, совокупность бытовых удобств, благоустроенности и экологической безопасности» [Сарченко и др., 2016, с. 182].

В некоторых работах «качество» заменяется понятием «комфортность» и рассматриваются вопросы создания комфортной городской среды [Алешина, 2009]. Качество общественных пространств как структурного элемента городской среды зарубежные исследователи оценивают по ряду показателей: комфорт и идентичность, наличие возможностей для разнообразных видов деятельности, доступность, социальность [How to Turn..., 2000]. Предложенная научным коллективом из г. Санкт-Петербурга классификация характеристик успешного общественного пространства отличается включением критериев «природные характеристики» и «ментальные характеристики». Ученые получили интересные данные по восприятию городской среды о корреляции хороших общественных пространств с их природными характеристиками, а неуспешных – с плохой инфраструктурой [Ненько и др., 2020].

Вопрос о способах измерения качества городской среды остается дискуссионным. В.И. Сарченко, С.А. Хиревич предлагают использовать преимущественно объективистский подход к оценке качества городской территории, так как именно статистические показатели наиболее полно отражают её состояние [Сарченко и др., 2016, с. 183]. Напротив, Е.А. Горина и А.Я. Бурдяк считают, что измерение качества городской среды невозможно

без репрезентативных опросов горожан [Горина и др., 2015]. Зарубежные исследователи предлагают комбинировать фактические показатели с субъективными оценками, выделяя объективные, воспринимаемые и оценочные атрибуты стандартов сравнения [Marans, 2011]. В общем виде под оценкой качества городской среды будем понимать выделение качественных показателей, определение их количественного значения и сравнение с установленными критериями. Большинство систем оценок городской среды включает критерии комфортности, безопасности, «качества базовой инфраструктуры», наличия общественных пространств, доступности услуг [Ильина, 2015, с. 80].

Наиболее распространенным методом оценки качества городской среды городов является рейтингование. На общероссийском уровне шире представлены системы оценок качества городской среды на основе объективных показателей⁷³. Гораздо реже общероссийские рейтинги выстраиваются на основании изучения общественного мнения⁷⁴. В ряде методик предусмотрено определение не только лидеров и аутсайдеров городского развития, но и пороговых значений, которые разделяют множество муниципальных образований на две группы: например, более и менее привлекательные для населения и предполагаемых инвесторов⁷⁵; с благоприятной и неблагоприятной городской средой⁷⁶.

Для исследования нами были выбраны методики, которые отвечают следующим требованиям:

- новейшие результаты (подведены итоги за 2019 или 2020 годы);
- максимальная представленность муниципальных образований с различной численностью населения, в т.ч. малые и средние города;
- возможность сравнения рейтингов, составленных по объективным показателям и субъективным оценкам: совпадение типов городской среды и критериев оценки.

---

⁷³ Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/>; Интегральный рейтинг крупнейших городов России. URL: <http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2019/12/Rejting-gorodov-2019.pdf>; Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. URL: <http://riarating.ru/regions/>; «Лучшие города России» издания «Коммерсантъ. Секрет фирмы». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2441305>; Генеральный рейтинг привлекательности городской среды проживания. URL: <http://российский-союз-инженеров.рф/рейтинг-российских-городов/>

⁷⁴ Рейтинг 200 городов России по качеству жизни. URL: https://www.domofond.ru/statya/polnyu_reyting_gorodov_po_kachestvu_zhizni_v_2019_godu/100546; Оценка качества жизни в городах с населением более 250 тыс. человек. URL: http://www.fa.ru/Documents/98_Life_Quality_2020.pdf

⁷⁵ Генеральный рейтинг привлекательности городской среды проживания. URL: <http://российский-союз-инженеров.рф/рейтинг-российских-городов>

⁷⁶ Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/>

На основании выдвинутых требований для сравнения качества городской среды были проанализированы следующие данные: объективные показатели индекса качества городской среды за 2019 и 2020 годы (для СЗФО), субъективные оценки Рейтинга 200 городов России по качеству жизни (для СЗФО)⁷⁷, социологического опроса населения Вологодской области.

Индекс качества городской среды рассчитывается с учетом климатических условий и размеров территорий городов, численности населения. Внутри каждой размерно-климатической группы городов формируется индивидуальная 10-балльная шкала, устанавливаются максимальные и минимальные значения индикаторов, соответствующие определенному баллу. При неблагоприятной городской среде индекс города находится в диапазоне от 0 до 180 баллов, при благоприятной – от 181 до 360 баллов. Методика подсчета индексов городской среды применяется три года: результаты приводятся за 2018, 2019 и 2020 годы. Сами разработчики предупреждают, что индекс – это не рейтинг, а инструмент для работы каждого города над собственными проблемами⁷⁸. В этой связи мы не сравниваем города между собой, а отмечаем проблемные сферы городского развития.

По объективным показателям индекса качества городской среды в СЗФО выделяется Новгородская область (средний балл 192; табл. 3.1.1), Ленинградская область (максимальный балл 259). Самый низкий уровень индекса качества городской среды отмечен в Республике Карелия (145 баллов).

Архангельская область является аутсайдером в макрорегионе по значениям среднего и максимального показателей индекса, но зато там отмечается самый высокий прирост количества городов с благоприятной средой за 2020 год (8%). Хорошую динамику демонстрируют также Мурманская и Псковские области (по 7%). В Вологодской области прирост городов с благоприятной средой составил 6%, но в целом регион по усредненным значениям индекса занимает шестое место в СЗФО.

---

⁷⁷ Рейтинг 200 городов России по качеству жизни в 2019 году составлен по итогам опроса 90 тысяч респондентов, который проводил портал недвижимости Domofond.ru. Россияне оценили качество жизни в своих городах по 10-балльной шкале (где 1 обозначает категоричное несогласие, а 10 – полное согласие) по 11 критериям: безопасность; чистота; экология; общественный транспорт; дороги/парковки; магазины и рынки; спорт и отдых; инфраструктура для детей; соседи; работа коммунальных служб; соотношение доходов и стоимости жизни.

⁷⁸ Погорельцева О. Объясняя, зачем измерять качество городской среды // STRELKA MAG от 12.11.2019. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/indeks-ne-panaceya-i-ne-spasyot-vsyo-rossiyu-zachem-izmeryat-kachestvo-gorodskoi-sredy>

Таблица 3.1.1 – **Индекс качества городской среды (данные по регионам СЗФО за 2020 год), баллов**

Регион	Кол-во городов	Индекс качества городской среды			Прирост числа городов с благоприятной средой за год, %
		Минимальный балл	Средний балл	Максимальный балл	
Архангельская область	13	147	162	195	+8
Вологодская область	15	148	177	210	+6
Калининградская область	22	154	191	224	+5
Ленинградская область	33	154	192	259	+3
Мурманская область	16	160	193	228	+7
Новгородская область	10	172	195	240	0
Псковская область	14	154	176	200	+7
Республика Карелия	13	145	171	203	0
Республика Коми	10	162	180	201	0

Источник: Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/>

Для более подробного рассмотрения результатов подсчета индексов по отдельным городам нами было выбрано 13 населенных пунктов, данные по которым есть и в проекте «Рейтинг 200 городов России по качеству жизни» (табл. 3.1.2).

Таблица 3.1.2 – **Индекс качества городской среды (данные по муниципальным образованиям СЗФО за 2020 год), баллов**

Город	Кумулятивный индекс	Жилье и прилегающие пространства	Улично-дорожная сеть	Озелененные пространства	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	Общегородское пространство
Санкт-Петербург	249	40	49	41	38	39	42
Великий Новгород	240	48	44	37	36	40	35
Калининград	216	41	32	39	34	35	35
Вологда	210	43	31	44	31	34	27
Череповец	205	45	38	21	28	36	37
Петрозаводск	203	41	32	26	35	30	39
Воркута	201	35	30	46	24	34	32
Псков	195	40	34	30	29	30	32
Мурманск	194	37	32	29	22	37	37
Великие Луки	187	38	32	37	24	24	32
Северодвинск	185	33	35	31	23	30	33
Сыктывкар	180	29	33	19	25	36	38
Архангельск	157	22	29	21	17	30	38

Источник: Индекс качества городской среды. URL: [https:// индекс-городов.рф /#/](https://индекс-городов.рф/#/)

Среди них наиболее благоприятная городская среда определена для Санкт-Петербурга (249 баллов), Великого Новгорода (240 баллов), Калининграда (216 баллов), наименее благоприятная – для Архангельска (157 баллов). Отметим, что населенные пункты с тяжелыми климатическими условиями находятся не в самом низу рейтинга: Воркута – на 7-м месте из 13-ти городов (201 балл), Мурманск – на 9-м (194 балла) и Северодвинск – 11-м (185 баллов).

По критерию «Жилье и прилегающие пространства» высокие баллы получает городская среда Великого Новгорода (48), Череповца (45), Вологды (43). Низко оценивается состояние жилья в Сыктывкаре (29 баллов) и Архангельске (22 балла). Улично-дорожная сеть развита в Санкт-Петербурге (49 баллов) и Великом Новгороде (44 балла); проблемы в этой сфере наблюдаются в городах Вологде (31 балл), Воркуте (30 баллов), Архангельске (29 баллов). Озелененные пространства объективно широко представлены в Воркуте (46 баллов) и Вологде (44 балла). Напротив, не хватает озеленения в таких городах, как Череповец и Архангельск (по 21 баллу), Сыктывкар (19 баллов). Общественно-деловая инфраструктура развита в Санкт-Петербурге (38 баллов), Великом Новгороде (36 баллов), Петрозаводске (35 баллов); проблемы с развитием этой сферы наблюдаются в Архангельске (17 баллов). Согласно объективным оценкам, благоприятное состояние социально-досуговой инфраструктуры фиксируется в Великом Новгороде (40 баллов) и Санкт-Петербурге (39 баллов), неблагоприятное – в г. Великие Луки (24 балла). Хорошая обстановка с имеющимися большое значение для жизни горожан общегородскими пространствами наблюдается в Санкт-Петербурге (42 балла), а проблемной эта сфера является для Вологды (27 баллов).

Разработчики методики поясняют, что они хотели уйти от субъективности в оценках качества городской среды⁷⁹. Вместе с тем было бы интересно посмотреть, как объективные оценки соотносятся с восприятием горожан или их действиями по улучшению городской среды. При сравнительном подходе мы фиксируем в отдельных случаях расхождение оценок. Например, если сравним по объективному показателю «Озеленение пространства» города Санкт-Петербург и Архангельск, то они набирают соответственно 41 балл (благоприятно) и 21 балл (неблагоприятно). Однако

---

⁷⁹ Погорельцева О. Объясняем, зачем измерять качество городской среды // STRELKA MAG от 12.11.2019. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/indeks-ne-panaceya-i-ne-spasyot-vsyu-rossiyu-zachem-izmeryat-kachestvo-gorodskoi-sredy>.

жители обоих городов считают, что есть большие проблемы с озеленением, поэтому создали группы для совместных действий «Деревья Петербурга»⁸⁰ и «Деревья Поморья»⁸¹.

Далее сравним объективные показатели (индексы по методике Минстроя) и субъективные оценки качества городской среды, взятые из «Рейтинга 200 городов России по качеству жизни в 2019 году» (рис. 3.1.1). Во-первых, следует отметить совпадение оценок: высокие «объективный» и «субъективный» рейтинги Санкт-Петербурга и Калининграда, низкие рейтинги Архангельска. Большинство из рассматриваемых 13 муниципальных образований СЗФО имеют средние показатели качества городской среды как по объективным критериям, так и согласно общественному мнению жителей этих городов (Великие Луки, Вологда, Мурманск, Северодвинск, Сыктывкар, Петрозаводск, Псков, Череповец). Мы также видим ряд расхождений в оценках качества городской среды, требующих дальнейших разъяснений. Городская среда Великого Новгорода высоко оценивается по методике Минстроя, но сами жители города считают её недостаточно комфортной (6,5 балла по сравнению с 6,9 балла у Калининграда). По субъективным оценкам горожан Воркута занимает одно из последних

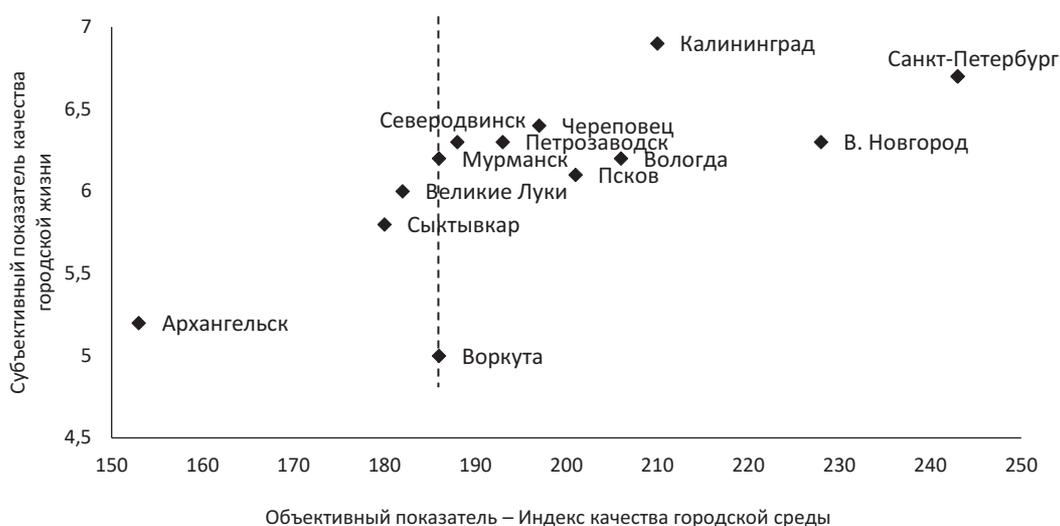

Рисунок 3.1.1 – Соотношение между объективными и субъективными оценками качества городской среды в населенных пунктах СЗФО, 2019 год

Источник: Индекс качества городской среды. URL: [https:// индекс-городов.рф](https://индекс-городов.рф)

⁸⁰ Деревья Петербурга. URL: <https://vk.com/spbtree>

⁸¹ Живой Город Архангельск| Деревья Поморья. URL: <https://vk.com/publicdereviapomorja>

мест в рейтинге (5 баллов; 193-е из 200 мест), при этом по объективным показателям она находится на уровне Мурманска (6,2 балла; 99 место), Северодвинска (6,3 балла; 78 место) и не так далеко от Петрозаводска (6,3 балла; 65 место).

Рассмотрим более подробно отдельно взятый регион СЗФО – Вологодскую область – на предмет сравнения объективных показателей и субъективных оценок. По данным Минстроя, из 15 городов Вологодской области благоприятная городская среда отмечается в 5 населенных пунктах: Вологде (210 баллов), Череповце и Великом Устюге (по 205 баллов), Харовске (191 балл), Соколе (188 баллов, табл. 3.1.2). Низкие оценки качества городской среды (меньше половины от максимального количества баллов), которые можно интерпретировать как неблагоприятную обстановку, характерны для десяти населенных пунктов, из них наиболее низкие баллы набирают города Бабаево (148 баллов), Никольск (148 баллов), Кириллов (155 баллов) и Красавино (159 баллов).

Наиболее неблагоприятная обстановка в городах Вологодской области наблюдается по оценкам социально-досуговой инфраструктуры: в 80% населенных пунктов объективные показатели в этой сфере составляют меньше половины от максимального количества баллов (табл. 3.1.3). Как проблемные выделяются также зоны общественно-деловой инфраструктуры (в 60% городов) и общегородского пространства (53%).

Таблица 3.1.3 – Сведения о муниципальных образованиях с неблагоприятной городской средой в разрезе городских пространств (данные Минстроя по Вологодской области за 2020 год)

Показатель	Кол-во городов с показателем ниже 180 баллов, ед. (% от общего числа)	Названия городов
Жилье	7 (47)	Харовск, Тотьма, Красавино, Кадников, Белозерск, Кириллов, Бабаево
Улично-дорожная сеть	5 (33)	Устюжна, Кадников, Великий Устюг, Никольск, Кириллов
Озеленение	7 (47)	Вытегра, Тотьма, Грязовец, Никольск, Кириллов, Бабаево, Череповец
Общественно-деловая инфраструктура	9 (60)	Харовск, Сокол, Красавино, Грязовец, Белозерск, Никольск, Кириллов, Бабаево, Череповец
Социально-досуговая инфраструктура	12 (80)	Вытегра, Харовск, Устюжна, Тотьма, Сокол, Красавино, Кадников, Грязовец, Белозерск, Никольск, Кириллов, Бабаево
Общегородское пространство	8 (53)	Вытегра, Харовск, Устюжна, Сокол, Кадников, Никольск, Бабаево, Вологда
Источник: Индекс качества городской среды. URL: https:// индекс-городов.рф /#/		

Наиболее благоприятна обстановка в сфере развития улично-дорожной сети: в десяти городах региона объективные показатели выше половины от максимального количества баллов. В ряде городов в общем индексе качества городской среды четыре или пять показателей из шести набирают низкие оценки. Например, в индексе Никольска низкие баллы получили все сферы, кроме жилья, Кириллова – все, кроме общегородского пространства, Бабаево – все, кроме улично-дорожной сети.

Население Вологодской области оценивает как неблагоприятное (плохое и очень плохое) положение с обеспеченностью жильем (55%), жилищно-коммунальным обслуживанием (50%), экологией (43%) и развитием дорожно-транспортной инфраструктуры (42%; табл. 3.1.4). Большинство жителей региона отмечают как удовлетворительное и хорошее развитие культурно-досуговой сферы. По мнению жителей Вологды, основные проблемы города связаны с обеспеченностью жильем (55%) и состоянием дорожно-транспортной инфраструктуры (43%). Жители Череповца не удовлетворены экологией города (61%). Жители районных центров выделили проблемы с обеспеченностью жильем (59%), услугами ЖКХ (57%), состоянием дорог и работой транспорта (45%).

Таблица 3.1.4 – **Оценки населением городской среды муниципальных образований Вологодской области в 2018 году**, в % от числа опрошенных

Оценка	Вологда	Череповец	Районы (районные центры)	Вологда + Череповец	Всего
<i>Опрошено, чел.</i>	<i>304</i>	<i>300</i>	<i>1296</i>	<i>604</i>	<i>1900</i>
<i>Обеспеченность населения жильём</i>					
Очень плохое	14	9	17	11	15
Плохое	41	29	42	35	40
Удовлетворительное	38	47	37	43	39
Хорошее	7	15	4	11	6
<i>Жилищно-коммунальное обслуживание</i>					
Очень плохое	6	6	11	6	10
Плохое	26	29	46	27	40
Удовлетворительное	54	50	37	52	42
Хорошее	14	15	5	15	8
<i>Развитие культурно-досуговой сферы</i>					
Очень плохое	3	5	8	4	7
Плохое	21	19	23	20	22
Удовлетворительное	56	55	56	56	56
Хорошее	20	21	13	20	15
<i>Обеспечение общественной безопасности</i>					
Очень плохое	3	5	7	4	6
Плохое	22	16	22	19	21

Оценка	Вологда	Череповец	Районы (районные центры)	Вологда + Череповец	Всего
Удовлетворительное	58	57	61	58	60
Хорошее	17	22	10	19	13
<i>Экология (чистота воздуха, воды и др.)</i>					
Очень плохое	8	30	10	19	13
Плохое	31	31	29	31	30
Удовлетворительное	50	30	47	40	45
Хорошее	11	8	13	10	12
<i>Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры</i>					
Очень плохое	5	7	12	5	10
Плохое	38	23	33	31	32
Удовлетворительное	48	55	46	52	47
Хорошее	9	15	9	12	10
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ВолНЦ РАН, 2019 год. Прим. качество городской среды оценивали за 2018 год.					

Принятие решений органами местного самоуправления о направлениях городского развития должно опираться как на объективные показатели, так и на субъективные оценки населения. Объективно оценивается и воспринимается как проблема состояние жилого фонда и обеспеченность населения районных центров жильем, вопросы экологии и озеленения в г. Череповце. Хотя по объективным показателям состояние улично-дорожной сети по большей части оценивается как благоприятное, но в данном случае следует прислушаться и к мнению жителей Вологды и районных центров, которые часто воспринимают его как неудовлетворительное. В зону внимания органов местного самоуправления должны быть включены также вопросы ЖКХ в районах (по субъективным оценкам) и развитие общегородских пространств (по объективным показателям).

В выработку предложений о развитии муниципального образования необходимо активно включать местных жителей. Городское население в регионе чаще всего ожидает, что решения по озвученным проблемам будут принимать органы местного самоуправления, при этом сами граждане не рассчитывают, что их привлекут к развитию территорий. По результатам социологических опросов населения Вологодской области мы видим определенный скепсис: только 7–10% респондентов полагают первостепенной задачей привлечение жителей к развитию территорий. Всего 13% жителей Череповца убеждены, что от них зависит его развитие. Но и в целом по региону доля жителей, считающих себя ответственными за развитие городов, находится на уровне 20–24% (табл. 3.1.5).

Таблица 3.1.5 – **Отношение населения к вовлечению в решение проблем по развитию муниципального образования, в % от числа опрошенных**

Формулировка вопроса	Вологда	Череповец	Районы (районные центры)	Всего
<i>Опрошено, чел.</i>	<i>304</i>	<i>300</i>	<i>1296</i>	<i>1900</i>
<i>Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего муниципального образования?</i>				
От органов местного самоуправления	66	55	56	57
От главы муниципального образования	32	35	41	39
От самих жителей	24	13	22	21
От частного бизнеса	16	5	11	7
<i>Каких именно решений Вы ожидаете от органов местного самоуправления в Вашем районе, селе или городе в первую очередь?</i>				
Регулирование роста цен на ЖКХ	66	65	62	63
Решение вопросов занятости населения, предоставления рабочих мест	43	35	51	47
Проведение ремонта дорог	45	39	45	44
Повышение качества и доступности медицинского обслуживания	43	41	43	42
Проведение капитального ремонта жилых домов	40	45	38	40
Повышение качества социального обслуживания	32	34	29	30
Улучшение освещения улиц	21	22	31	28
Строительство новых жилых домов	17	13	29	24
Предоставление муниципального жилья малообеспеченным гражданам	18	13	25	22
Открытие новых детских садов	32	20	19	21
Развитие культурно-досуговой сферы для населения	23	17	13	15
Строительство детских площадок	19	13	12	13
Строительство новых спортивных комплексов	16	13	11	12
Привлечение жителей к развитию территорий	8	10	7	7
Обеспечение доступа к скоростной сети Интернет	2	5	5	4
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ВолНЦ РАН, 2019 год.				

Жители области считают, что для эффективного решения социальной проблемы необходимо самостоятельно добиваться действий от органов власти (44%, табл. 3.1.6). Наиболее распространена такая позиция среди жителей Вологды (54%), реже – среди жителей районов (41%). Действенными способами считается размещение обращения к органам власти и всем неравнодушным в Интернете (37%), обращения к депутатам или в правоохранительные органы (33%). Жители региона не видят потенциал

некоммерческих организаций для решения социальных проблем (только 7% готовы обратиться за решением по этому поводу к НКО).

Таблица 3.1.6 – **Распределение ответов на вопрос «Какой способ Вы считаете наиболее эффективным при необходимости решить социальную проблему, затрагивающую интересы многих граждан (обустройство двора, ремонт дорог и пр.)»?», в % от числа опрошенных**

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы (районные центры)	Всего
<i>Опрошено, чел.</i>	<i>304</i>	<i>300</i>	<i>1296</i>	<i>1900</i>
Добиваться действий от органов власти самостоятельно	54	46	41	44
Разместить обращение к органам власти и всем неравнодушным в Интернете	45	34	36	37
Обращусь прежде всего к депутатам или в правоохранительные органы	49	19	33	33
Обращусь за помощью только к родственникам	26	38	21	25
Обращусь к бизнесменам, предпринимателям	11	6	8	8
Обращусь в общественные (некоммерческие) организации	8	8	7	7
Обращусь в церковь	1	9	4	4
Обращусь к криминальным структурам	2	1	2	2
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ВолНЦ РАН, 2019 год.				

Свою гражданскую активность жители оценивают достаточно низко. Наиболее активны жители Череповца: средний балл составляет 5,6 по 10-ти балльной шкале (при ответе на вопрос: «Насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете?»). Далее по уровню активности идет население районных центров (4,4 балла) и г. Вологды (4,1 балла).

Среди жителей крупных городов региона востребованы следующие направления деятельности общественных объединений в сфере развития городской среды: обустройство территории, защита интересов жителей (Вологда – 63% респондентов, Череповец – 50%), природоохранная деятельность, защита животных (Вологда – для 63% респондентов, Череповец – 54%), организация досуга и культурной деятельности (Вологда – для 49% респондентов, Череповец – 47%; табл. 3.1.7). Население районных центров менее активно в этих направлениях: обустройство территории, защита интересов жителей (44%), природоохранная деятельность, защита животных (32%), организация досуга и культурной деятельности (33%).

Таблица 3.1.7 – **Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления деятельности общественных объединений в настоящее время объективно востребованы лично для Вас?»** (в % от числа опрошенных)

Направление	Вологда	Череповец	Районы (районные центры)	Среднее по опросу
<i>Опрошено, чел.</i>	<i>304</i>	<i>300</i>	<i>1296</i>	<i>1900</i>
<i>Обустройство территории, защита интересов жителей</i>				
1 балл – крайне низкая востребованность	9	9	15	13
2 балла	4	10	14	12
3 балла	24	31	27	27
4 балла	31	23	21	23
5 баллов – очень высокая востребованность	32	27	23	25
<i>Средний балл</i>	<i>3,7</i>	<i>3,5</i>	<i>3,2</i>	<i>3,3</i>
<i>Природоохранная деятельность, защита животных</i>				
1 балл – крайне низкая востребованность	12	8	21	18
2 балла	6	8	16	12
3 балла	19	30	31	29
4 балла	32	28	15	20
5 баллов – очень высокая востребованность	31	26	17	21
<i>Средний балл</i>	<i>3,6</i>	<i>3,6</i>	<i>2,9</i>	<i>3,1</i>
<i>Организация досуга и культурной деятельности</i>				
1 балл – крайне низкая востребованность	12	9	19	16
2 балла	9	6	14	12
3 балла	30	38	34	34
4 балла	27	25	17	20
5 баллов – очень высокая востребованность	22	23	16	18
<i>Средний балл</i>	<i>3,4</i>	<i>3,5</i>	<i>3,0</i>	<i>3,1</i>
Источник: данные социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», ВолНЦ РАН, 2019 год.				

Исследование проблем взаимодействия общества и власти на примере практик формирования комфортной городской среды в муниципальных образованиях Архангельской области свидетельствует о высоком потенциале гражданской активности населения и низком уровне его практического участия [Формирование комфортной..., 2021]. Основные причины А.М. Максимов с коллегами видят в слабой информированности горожан и отсутствии схем взаимодействия власти и общества. При этом оценки

населением региона (Архангельской области) текущего состояния городской среды фиксируется как умеренно неудовлетворённые [Руссова, 2020].

Подводя итоги, следует сказать, что качество городской среды – интегральный показатель, включающий в себя различные сферы: общественную безопасность, жильё, общественно-деловую и социально-досуговую сферы, улично-дорожную сеть и общественный транспорт, экологию, общегородское пространство. По данным Минстроя, из 15 городов Вологодской области в пяти фиксируется благоприятная среда, в десяти – неблагоприятная. Судя по объективным критериям, наиболее проблемными являются сферы социально-досуговой и общественно-деловой инфраструктуры, общегородские пространства. Население региона оценивает как неблагоприятное положение с обеспеченностью жильём, с ЖКХ, с экологией и развитием дорожно-транспортной инфраструктуры. Мы пришли к выводу, что объективные критерии, используемые в методиках, не всегда отражают качество и комфортность проживания в городе его жителей, поэтому при выработке управленческих решений в сфере городского развития необходимо учитывать как объективные показатели, так и субъективные оценки качества городской среды.

Хотя для населения Вологодской области мы отмечаем в целом невысокий уровень гражданского участия в развитии городской среды, но есть примеры вовлечения жителей в решение городских проблем. Так, было организовано общественное движение «Река объединяет», когда жителей г. Вологды не устроил проект берегоукрепления городской набережной. Жители области ищут решения проблемных ситуаций с помощью заявительных сервисов или создания сообществ по интересам в социальных сетях [Смолева, 2021], активно участвуют в обсуждении проектов создания общественных пространств. Однако муниципальным органам самоуправления эту активность надо поддерживать и развивать.

3.2. Институционализация участия граждан в развитии городской среды

В научном сообществе отмечается активизация исследований коллективных действий и общественных движений с точки зрения неинституциональной теории [Скобелина, 2017; Шуклина и др., 2020], проведения сравнений институциональных и внеинституциональных субъектов городских изменений [Антонова, 2020]. Однако исследования механизмов формирования общественных объединений пока в России ещё фрагментарны [Скалабан, 2021, с. 113–114].

В отечественной социологии научный дискурс разворачивается вокруг соотношения понятий «социальные практики» и «социальные институты». Одни ученые полагают, что социальный институт представляет собой устойчивые формы практики, отождествляя по большей части практику с частными институтами (см. [Антонова, 2009, с. 95]). Противоположное мнение состоит в том, что социальные практики являются формами функционирования общественных институтов. За социальными институтами закрепляется статус «содержания», «сущности» [Заславская, 2001, с. 7; Шабанова, 2006, с. 11]. По нашему мнению, рассмотрение социальных институтов и практик в философской традиции бинарного подхода как сущности и формы не позволит выявить в полном объеме институциональных изменений в российском обществе, так как отталкивается от принципа превалирования сущности над формой. С позиций системного подхода «социальные практики – действия» и «социальные институты – диспозиции» являются взаимосвязанными компонентами одной системы, но их связь опосредована контекстуально. С этого ракурса предлагаем рассмотреть формирование и трансформации этих системных элементов.

П. Бергер и Т. Лукман выстраивают процесс формирования практик в четыре стадии: хабиитуализация, типизация (выделение типичных способов взаимодействия агентов), институциализация (выделение ролевой матрицы – институции) и легитимация идей и социальных действий [Бергер и др., 1995, с. 98]. Благодаря взаимным типизациям статус «уникальных действий» субъекта меняется на «социально значимые действия в соответствии со сценариями» [Meyer et al, 2020, с. 900]. Центральную роль в воспроизводстве и изменении социальных порядков играют процессы легитимации. Согласно теории социального конструктивизма новые идеи и правила должны быть доступны и отражать общественное мнение, что возможно при определенных «усилиях групп людей по конструированию разделяемых ими схем понимания мира и самих себя, которые легитимируют и мотивируют коллективное действие» [McAdam, 2004, с. 6].

В изменениях социальных практик могут быть задействованы следующие механизмы:

- акцентирование внимания на определенных социальных действиях с последующей репрезентацией в качестве социальных норм;
- переход практики из маргинальной в нормативную;
- заимствования социальных практик [Волков, 1997, с. 17–18].

Институционализация – это процесс установления новых правил или подтверждения действующих [Pel, Bauler, 2004]. Современные подходы к

институционализации выводят её за рамки привычных действий. Сущность процесса заключается в «проникновение активности ... в институциональные пространства» [Morgan, 2007, с. 275], «создании организационной среды для активистов внутри институциональных пространств» [Katzenstein, 1998, с. 197]. Особенности его протекания заложены в структуре политических возможностей – комплексе факторов, от которых зависит вероятность коллективного действия и способность к достижению поставленных политических целей [Eisinger, 1973, с. 11]. Структура носит открытый или закрытый характер в зависимости от готовности политической системы к взаимодействию с различными группами населения. Достаточно часто высказывается мнение, что институты являются результатом борьбы, а социальные отношения акторов носят асимметричный характер [Тыканова, Хохлова, 2020].

Агентами институциональных изменений выступают общественные движения [Armstrong, 2008], которые соотносят с институционализированными практиками в определённой институциональной среде [Скобелина, 2017]. С противоположной точки зрения общественные движения развиваются в рамках неформальных, не имеющих институционализированного характера систем [Snow, 2004, с. 11].

Н.А. Скобелина в качестве особенностей процесса институционализации общественных движений в России определяет направление указанного процесса «сверху» [Скобелина, 2017, с. 126]. Классическим способом создания движения считается «снизу», когда движения создаются и разрастаются из группы единомышленников, объединённых решением конкретной проблемы.

Важной ступенью обоих процессов является признание законности в системе государственной власти, легитимация в общественном сознании. Процесс институционализации «снизу» проходит ступени от появления социальной потребности до признания законности в системе государственной власти, легитимности в общественном сознании. На начальном этапе отсутствуют жестко закреплённые за отдельными участниками социальные роли и статусы. «Сверху» институционализация начинается с формирования целей со стороны власти, создания порядка действий и организационного ядра общественного объединения. Маркерами этапа состоявшейся институционализации являются формализованные правила и устойчивые статусно-ролевые позиции, наличие планов на длительную перспективу [Скобелина, 2017].

Интересно, что У. Гэмсон [Gamson, 1990] выделяет превращение гражданских активистов в легитимных участников публичной дискуссии и представителей интересов определенной социальной группы как значимый результат наряду с достижением публично заявленных целей. В этом его поддерживают исследователи, которые предлагают сосредоточиться именно на трансформации позиций активистов в горизонтальных и вертикальных сетях [Diani, 1997, с. 133].

Сегодня в России имеется запрос и общества, и государства на гражданское участие в развитии городской среды, поэтому формирование соответствующих практик инициируется различными группами игроков: гражданскими активистами, общественными объединениями, представителями органов власти, бизнес-сообщества. Стратегии игроков, действующих в институциональном поле, обусловлены властными позициями и асимметриями отношений [Желнина, Тыканова, 2021].

Шерри Арнштейн на примере «лестницы гражданского участия» показала разницу между «пустым ритуалом формального участия» и реальным участием граждан в управлении городом [Arnstein, 1969]. Ступени лестницы, соответствующие степени полномочий граждан, сгруппированы по уровням от неучастия через имитацию деятельности (символические меры) до гражданского управления. В последнее входят стадии партнёрства, делегирования полномочий и гражданского контроля.

Исследования гражданского участия в России показывают, что локальные сообщества активизируются в случае возникновения угрозы праву на присвоение городского пространства. Сплочение для отстаивания интересов происходит в «малых» публичных пространствах на уровне дома, группы домов, квартала и гораздо реже на уровне города. «Вырабатываемая практика взаимодействий, особенно если она оказывается результативной, способствует дальнейшему развитию местного сообщества» [Антипьев, 2015, с. 30]. Верно и обратное утверждение, что консолидация жителей приводит к закрытию или пересмотру неугодных проектов. Так, Е. Тыканова и А. Хохлова приводят пример, когда постепенная институционализация инициативной группы стала важным фактором успеха в решении градостроительного конфликта [Тыканова, Хохлова, 2020, с. 187].

Нами были сформулированы исследовательские вопросы:

– кто является основными участниками (игроками), чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы – развитии городской среды;

- какие существуют правила, согласно которым игроки действуют на публичных аренах, формируя социальные практики;
- как выстраиваются эти правила: «снизу» через опривычивание или «сверху» как импорт социальных институтов;
- как направленность процессов «снизу vs сверху» влияет на характер гражданского участия?

В качестве стратегии полевого исследования выбрано множественное case study. Информационной базой исследования послужили материалы цифровых сетей по тематике городского благоустройства, выявляющие проблемы в этой сфере, и размещенные в Интернете публикации СМИ. В базу включались тексты о действиях активистов из неформальных общественных объединений, деятельности различных проектных групп по городскому развитию. Отбор кейсов для изучения процессов институционализации «снизу» осуществлялся по нескольким критериям. Основными участниками, чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы, в данном случае являются граждане, которые предпринимают индивидуальные действия, или неформальные объединения граждан, а также институциональные субъекты, которые обладают ресурсами для развития городской среды. Поэтому отбирались, во-первых, примеры неассоциированных форм гражданского участия, но обязательно в связке с информацией о взаимодействиях с институциональными субъектами (органами власти и местного самоуправления) и населением. Во-вторых, был определен круг проблем городского развития: повышение комфортности домово-придомовой территории; создание или сохранение общественных пространств. В-третьих, информация была представлена с различных точек зрения: официальная позиция властей и позиция активистов. Например, поиск кейсов повышения комфортности придомовой территории осуществлялся с помощью первичного поискового запроса в Google конкурсах «Цветущий город» («Красивый город», «Цветущий палисадник» и т.д.) и последующего поиска интервью с победителями конкурсов. Материалы разбивались на две категории по признаку «взаимодействие активистов и институциональных субъектов»: без конфликта и с конфликтом интересов. В-четвертых, информация об отдельных кейсах максимально представлена по всем этапам институционализации «снизу» [Скобелина, 2017]: появление потребности; формирование общих целей; интернализация норм; распространение институционализированных форм деятельности; признание законности в глазах власти, легитимности в массовом сознании; установление системы санкций и поощрений; создание системы статусов и ролей.

Было отобрано по 10 кейсов (всего 30 кейсов): гражданское участие в развитии городской среды без конфликта интересов (индивидуальные и совместные действия) и гражданское участие в развитии городской среды с конфликтом интересов (совместные действия). В качестве иллюстраций процесса институционализации «снизу» выбраны 11 кейсов: «тексты про гражданское участие в развитии городской среды без конфликта интересов» (рассмотрены случаи в городах Москва, Благовещенск, Екатеринбург, селе Богатое Самарской области) и «тексты про гражданское участие в развитии городской среды с конфликтом интересов» (рассмотрены случаи в городах Екатеринбург, Королёв, Нижний Новгород, Вологда, Санкт-Петербург). Предварительный анализ практик гражданского участия показал высокую активность населения Москвы и Санкт-Петербурга, однако исследовательская база сознательно расширялась за счет поиска различных практик жителей населенных пунктов из других регионов. Таким образом, в поле зрения исследователя попали практики, имевшие место в населенных пунктах с различной численностью населения и различным административным статусом.

Массив текстов подвергнулся ивент- и дискурс-анализу по схеме: топик – предмет обсуждения, тема, общий смысл, основное содержание, контекст, вербальные реакции, комментарии. Основное содержание было структурировано по разделам, соответствующим этапам институционализации.

Дополнительно привлекались данные экспертных интервью. Тематика интервью была достаточно широкая и касалась различных аспектов гражданского участия в разных сферах. Поэтому в качестве дополнительных аргументов мы опирались на данные двух экспертных интервью, где речь шла именно о вовлечении жителей в развитие городской среды: эксперт 1 – руководитель общественного объединения; депутат городской Думы, бывший руководитель общественного совета; эксперт 2 – член общественного совета г. Вологды.

Институционализация гражданского участия «снизу»

На содержание этапов институционализации участия граждан в развитии городской среды по инициативе самих активистов влияет наличие или отсутствие конфликта интересов игроков: общества, власти и бизнес-сообщества.

Институционализация «снизу» без конфликта интересов обычно выражается в улучшении городской среды в рамках тактического урбанизма или затрагивает «малые» публичные пространства. После появления потребности в улучшении отдельных небольших городских объектов, чаще всего «малых» публичных пространств (подъездов, придомовой тер-

ритории и т.п.), у активистов формируются цели: например, реставрировать подъезд в «старом фонде», улучшить внешний облик деревянных домов, привести в порядок придомовую территорию. В ходе реализации поставленных задач многократно повторяемые действия становятся привычными. Если сначала «Они привели в порядок двор», потом «На строительной базе увидели дешёвую плитку, кое-где колотую. Положили – красиво вышло», «В карьере камень купили – сами выложили чашу для фонтана и водопадную горку» (Благовещенск). Или «смогли за три года из выжженной земли сделать сад. За все время здесь было высажено порядка 150 деревьев и кустарников, а также многолетние цветы и травы» (Екатеринбург 1). «Арт-объект мы создали в третьем сезоне фестиваля, а до этого два года восстанавливали старинное здание почтово-телеграфной конторы» (с. Богатое). Для достижения цели активистами вырабатываются правила поведения и взаимодействий с Управляющей компанией, соседями, представителями бизнес-сообщества, на уровне муниципалитета – с органами власти и различными учреждениями. Например, «коммунальщики по просьбе жильцов перестали скидывать на газоны собранный снег вперемежку с химией» (Москва 1), «с приобретением строительных материалов помогла управляющая компания» (Благовещенск), «вела переговоры с организацией, ответственной за ведение работ, и в итоге обратилась с официальным письмом в Мосжилинспекцию. Затем получила поддержку от местной управляющей компании» (Москва 2). Но не всегда они приводят к соглашениям: «Есть еще финансовая проблема – предпринимателей здесь мало, да и помочь захочет не каждый» (с. Богатое). Процесс институционализации проходит через опривычивание действий и выражается в наличии устойчивых образцов поведения, взаимодействий, неформальных правил.

В качестве результатов институционализации «снизу» представляем следующие:

– распространение институционализированных форм деятельности: например, «Вернуть подъезду исторический облик вдохновил пример жильцов дома в Сивцевом Вражке, которые на собственные деньги раскрыли росписи на потолке своего подъезда» (Москва 2);

– установление системы санкций и поощрений: «Садик на Бибиревской участвовал в ландшафтном конкурсе и получил в награду рассаду из Аптекарского огорода» (Москва 1), «В Благовещенске подвели итоги конкурса на лучшее благоустройство двора многоквартирного дома. Организаторы приняли более 30 заявок» (Благовещенск), «подходят соседи, благодарят» (Москва 1);

– создание системы статусов и ролей: *«хозяйка сада»* (Москва 1), *«распоряжается этим газоном»* (Вологда);

– консолидация местного сообщества: *«Местный дворник Илхом привез с родины, из Узбекистана, кусты восточных роз. Сосед Саша с подмосковной дачи – тот самый виноград, саженцы сливы и груши. Еще один сосед – землянику»* (Москва 1), *«Соседей никто не заставлял. Увидев, что работа движется, постепенно присоединялись соседи – кто цветы посадить, кто что-то покрасить. Приходили даже те, кто изначально был против»* (Благовещенск), *«Пришло так много людей, что на всех не хватило инструментов»* (Екатеринбург 1). Хотя встречается и противоположный результат: *«Спустя три сезона ему так и не удалось найти единомышленников»* (с. Богатое).

Как значимый результат выделим реализацию «права на город» в форме присвоения территорий, выход за пределы ограниченного пространства квартиры. Формируются ценностные основания гражданского активизма: *«главная идея состоит в том, что это горожане делают для горожан»* (Екатеринбург 1), *«Фестиваль помогает, в первую очередь, не домам, а людям – изменить образ мыслей, поверить, что можно что-то сдвинуть с мертвой точки»* (с. Богатое). Для распространения неформально закрепленных социальных практик важна не просто трансляция положительного опыта и мотивация (*«Мой совет жильцам исторических домов – вести активную работу в своем подъезде»* (Москва 2)), а передача опыта: *«Если начинаются какие-то работы, нужно сразу обращаться в „Архнадзор“ или другие НКО. Они направят людей в нужные места и помогут добиться того, чтобы в подъезде не убрали старую плитку или не меняли старинные окна»* (Москва 2).

Отметим роль социокультурного контекста на примере различий в поддержке гражданских инициатив жителями городов и малых населенных пунктов. *«В селе меньше активных жителей, чем в городе. Фестиваль для городских жителей – это возможность куда-то сбежать из квартиры, а у нас в селе и так есть, куда сбежать: на речку, на озеро, в огород, в лес. Поэтому на фестиваль в селе приходят только идейные люди, а их немного. К тому же, жители села с пренебрежением относятся к тому, чтобы идти красить дом соседу»* (с. Богатое).

Общественный дискурс в отношении лидеров наполнен тематикой ответственности и активности, исключительности: *«Один самый активный, кто будет брать на себя эту ответственность, бегать, добиваться и принимать решения»* (Москва 2), *«Жителям села был нужен какой-то герой, двигатель, который будет продвигать их интересы»* (с. Богатое).

Итак, при прохождении процесса формирования института участия граждан в формировании комфортной городской среды «снизу» в отсутствие конфликта интересов задействован механизм хабиитуализации, а также реализуются все этапы, представленные на лестнице гражданского участия Арнштейн.

Несколько отличается процесс, если мы рассматриваем его в отношении общественных объединений, так как в этом случае акцент ставится на организационной оформленности, выработке и интернализации норм, правил поведения, а также на признании законности общественного объединения в глазах власти, его легитимности в массовом сознании. Чаще всего объединиться граждан заставляет конфликт интересов, поэтому на первоначальном этапе институционализации гражданского участия появление потребности в общественном движении связано с отстаиванием активистами своей позиции и интересов населения. Например, по данным ВЦИОМ⁸², 74% жителей Екатеринбурга не считали городской сквер у театра драмы подходящим местом для возведения религиозного здания (Екатеринбург 2). Активистами формируются общие цели чаще всего в формате лозунгов и призывов: *«Вы хотите храм, мы хотим сквер – будет война»* (Екатеринбург 2), *«Защитим Рябиновый Сквер!»* (Королев), *«Сохраним и благоустроим сквер...»* (Н. Новгород). В целях расширения движения и сплочения жителей производится организационная оформленность в социальных сетях: оформление движения «Река объединяет», группа ВКонтакте «Сохраним сквер в Приокском районе» и т.п.

На начальных стадиях развития движения в ситуации конфликта интересов структура политических возможностей носит закрытый характер. Власти демонстрируют неготовность к взаимодействию с различными группами населения: *«Прибыл чиновник из администрации губернатора...ТОЛЬКО проверка: действительно ли такое большое количество жителей против стройки или весь сыр-бор устроила жалкая кучка ненормальных граждан»* (Н. Новгород). До вынесения активистами проблемы на федеральный уровень и усиления протестных выступлений власти упорно игнорируют мнение экспертов и горожан, что демонстрируют истории протестов против берегоукрепления в Вологде, сторительства Охта-центра в Санкт-Петербурге. Так как в ситуациях конфликта или асимметрии отношений власть вырабатывает порядок действий, то ответной реакцией противоборствующей стороны также является выработка правил поведения:

---

⁸² Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorod-i-khram-opros-vcziom-v-ekaterinburge>

«Да, все разговоры с полицией и прочими защитниками строительства – под запись. Запись видео включать до начала разговора» (Екатеринбург 2), «Мы рисуем на асфальте только цветы. Никаких политических лозунгов! Не делаем в интервью никаких политических высказываний!» (Вологда).

Для достижения цели общественники вынуждены прибегнуть к тактике активных действий и взаимодействий: *«Писать Куйвашеву на его странице в инстаграмме, пока там ещё не отключены комментарии. Также надо привлечь максимальное количество центральных средств массовой информации, писать и звонить во все ведомства» (Екатеринбург 2), «Выходим вечером на митинг! Встречаемся с представителями администрации!» (Королев), «Можно попробовать провести с ним телефонные переговоры... А пока сегодня поданы письменные заявления от инициативной группы. И письма, и флеш-моб и пр. пр. все будет» (Н. Новгород).*

Не получившие пока институциональной закреплённости формы деятельности распространяются путем информирования, консультирования и вовлечения граждан через подачу петиций, участие в митингах. Активисты транслируют опыт решения проблемных вопросов: *«На официальном сайте «Российская общественная инициатива» необходимо быть зарегистрированным через госуслуги» (Н. Новгород), «Планировали отработать схему, которой смогут пользоваться другие заинтересованные горожане. Но пока попытки тиражировать наш опыт комитет пресекает» (Санкт-Петербург 2).*

Ситуации конфликта интересов разворачиваются между активистами, с одной стороны, и бизнесом, властью – с другой. Но при этом интересы активистов и всего населения могут не совпадать. Достаточно часто активисты дополнительно убеждают население, в чем состоят его интересы. Поэтому и процессы легитимации в массовом сознании носят двойственный характер: *«Жители и те, кто их поддерживал, молодцы» (Королев) против «удивляет полная индифферентность жителей Вологодской области». Со стороны населения также присутствует возложение ответственности за решение проблемы на «ядро» общественного движения»: «...никто не мешает нам с Вами контролировать этот процесс!» (Екатеринбург 2). Однако в отсутствие диалога с властью среди населения возникают пессимистические настроения: «Мы знаем, что замечания не учтут» (Екатеринбург 2).*

В случае конфликта интересов происходит выстраивание социальных ролей со стороны противников. Так, протестная кампания против строительства Охта-центра в Санкт-Петербурге была построена на образе

«чужака-захватчика», что способствовало усилению градозащитного движения за счет консолидации жителей на основе идентичности «петербуржцев». Сторонники строительства транслировали образ оппозиции как «маргиналов», «провокаторов», «городских сумасшедших». Дискурс в отношении фигур лидеров и активистов разворачивается в сторону приносящих характеристик: *«Я ваш сосед. Это тот нудный «крендель», который по вечерам прерывал ваш отдых»* (Н. Новгород), *«Часто активистов считают городскими сумасшедшими», «Появился какой-то идиот и сделал это»* (Санкт-Петербург 2).

Получившие широкую поддержку общественности социальные практики, как правило, признаются властью законными: *«Сегодня прием инициативной группы у Морозова состоялся, на нем также присутствовал министр строительства Нижегородской области»* (Н. Новгород), *«...организовать прямой разговор двух сторон друг с другом. Я готов выступить посредником в этом разговоре»* (из блога мэра, Екатеринбург 2) и даже *«Губернатор Московской области жестко указал Александру Ходыреву на ошибки, допущенные муниципальным руководством»* (Королев).

Происходит временная консолидация сообщества: *«На акции в разное время находятся от нескольких сотен до полутора – двух тысяч человек одновременно»* (Екатеринбург 2), *«Люди, проживающие в одном районе и, ранее, что греха таить, мало обращавшие внимание друг на друга, сейчас начали узнавать соседей на улицах, начали здороваться. И это прекрасно!»* (Н. Новгород), *«Раньше не было площадки, где они могли бы об этом говорить, а теперь есть не только группа «Деревья Петербурга», но и подобные сообщества, сделанные жителями чуть ли не каждого района»* (Санкт-Петербург 2).

Рассматриваемые ситуации требуют приложения усилий со стороны активистов для поддержания и расширения своей группы, в которой формируется новый порядок действий: *«С командой очень сложно, и, я так понимаю, это проблема не только моя. Очень сложно заставить людей что-то делать, потому что не у всех есть столько ресурсов, сколько у меня»* (Санкт-Петербург 2), *«В группы, озабоченные проблемой набережной, записываются только те, кто болеет по этой теме душой»* (Вологда).

Что касается такого показателя состоявшейся институционализации, как наличие планов на длительную перспективу, то они касаются только проблемной ситуации, вокруг которой разворачивалась гражданская активность: *«Чиновники публично отчитались о проделанной работе, но это не значит, что мы должны прекратить задавать вопросы и пытаться*

выстроить с ними конструктивный диалог» (Екатеринбург 2), «Не выходите из группы, пока вопрос не будет окончательно решен» (Н. Новгород).

Анализ практики показал, что немного общественных объединений доходят до этапа создания системы статусов и ролей, т.к. гражданский активизм в России носит ситуационный характер, и даже до этапа легитимации, так как население остается в стороне от регулярных действий активистов. Двойственная ситуация складывается с признанием объединений со стороны властей – от сотрудничества в случаях широкомасштабной поддержки до подмены партнерства власти и граждан «имитацией диалога».

Эксперт 1: «Проведение воркшопов было, чтобы эту волну ещё сбить, погасить. Это, наверно, правильно, люди все-таки высказались, сказали, что и как хотят видеть...»

Что важно для гражданского участия, когда инициатива исходит «снизу», жители готовы брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу территории или объекта: *«Мы хотели все сделать сами, без трат бюджетных средств, и даже были готовы потом ухаживать за этими деревьями или давать на это деньги» (Санкт-Петербург 2).*

Институционализация гражданского участия «сверху»

Когда происходит процесс институционализации «сверху», в качестве потребности помимо повышения качества жизни и создания комфортной городской среды добавляется импорт институтов гражданского общества. Власть начинает формировать цели в виде таких количественных показателей, как «Увеличение к 2024 году до 30% доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды». Создание властью порядка действий закрепляется документами: «Стандарты комплексного развития территорий», «Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды», «Индекс качества городской среды». Для реализации целей за специальными организациями закрепляется представительство интересов муниципальной власти. В качестве примера подобных организаций приведем региональные центры компетенций по вопросам городской среды. На этапе признания легитимности созданных институтов в массовом сознании происходит их осознание как легитимных медиаторов между населением, властью и бизнесом. Распространение институционализированных форм деятельности осуществляется путем привлечения граждан к общественным обсуждениям, инициаторами которых становятся созданные организации. На последнем этапе создается система социального контроля (общественного), в котором задействованы сформированные при поддержке власти структуры (Общероссийский народный фронт, общественные советы).

В ходе анализа материалов информационных порталов выявлены изменения институтов развития городской среды.

Во-первых, увеличилось число участвующих в выработке решений. Это и общественные объединения как результат «инициативы снизу» («Городские проекты», «Красивый город» и т.д.), и созданные при поддержке власти структуры (национальный центр компетенций «Умный город», региональные центры компетенций по вопросам городской среды). Развиваются гибридные структуры (например, общественное объединение «Городские реновации», Институт развития городов Башкортостана, получивший статус регионального центра компетенций по вопросам развития городской среды). На одной территории вопросами развития города одновременно занимаются и сформированные при содействии городских властей организации, и объединения, созданные по инициативе активистов. Различные акторы организуют обсуждения проектов одних и тех же городских пространств, что заставляет горожан делать выбор в отношении того, какая из организаций представляет их интересы, чей проект будет реализован. Так, при проектировании общественных пространств в условиях конфликта интересов муниципальные власти обратились к специалистам из другого региона, отказавшись от работы с местным архитектурным сообществом (проект благоустройства набережной в Вологде, строительство Охта-центра в Санкт-Петербурге). Кроме того, ограниченность числа местных экспертов ставит также вопросы о целесообразности создания многочисленных структур, занимающихся одной проблематикой, и об эффективности их деятельности.

Во-вторых, в условиях конкуренции государство играет активную роль в формировании институтов городского развития, что проявляется в принятии пула документов федерального значения, разработке инструментов гражданского участия в формировании городской среды. Так, Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, разработанный в 2020 году совместно Минстроем с Агентством стратегических инициатив, регламентирует более 20 форматов работы с населением. По мнению Олега Паченкова, масштаб проекта Минстроя «при единообразии подхода неизбежно приведет к преимуществу количества над качеством и формы над содержанием: за положенными в основу отчетности словами и цифрами исчезнет самое главное – то, для чего проект придумывался»⁸³.

---

⁸³ Паченков О. Одинаковые города: чем плох подход российских властей к благоустройству // Подробнее на РБК, 24 ноября 2017 года. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/24/11/2017/5a17d5c59a7947545c001e90>

Создание двойных структур в сфере городского развития часто не обеспечено ресурсами, поэтому возникает вопрос об эффективности их деятельности. Так, в 2019 году проверка ОНФ выявила неэффективность работы региональных центров компетенций (РЦК) в 28 субъектах РФ, причинами которой послужили неуккомплектованность кадрами вследствие недостаточных объемов финансирования, несоответствие количества привлеченных специалистов запланированным объемам работ, перенос фокуса выполняемых РЦК работ с развития городской среды на решение узких задач (например, проблемы ТКО)⁸⁴.

В-третьих, следует отметить невысокий уровень вовлеченности граждан в обсуждение городского развития, отсутствие у них четко сформулированных интересов в этой области.

Эксперт 1: «У нас самые активные люди – это те, когда кто-то чем-то недоволен. А когда требуется хорошее дело поддержать, то все разбегаются. В этом плане активность очень недостаточная. Тот же бульвар Пирогова, предлагаешь: «Люди выйдете, посмотрите, что вас устраивает, вам здесь жить, это ваша будет территория. Никого нет».

Эксперт 2: «Жители начинают выходить только тогда, когда начинается что-то делаться. Когда обсуждается, никого нет».

Исследования потребительских запросов и поведенческих сценариев горожан выявляют расхождения между их представлениями о том, что им нужно на придомовой территории, и тем, чем они пользуются. «Горожане попросту переоценивают свою активность. К примеру, треть опрошенных утверждали, что пользуются во дворе бесплатным Wi-Fi. На деле подключения к сети были единичными летом и отсутствовали зимой. Многие говорили: хотим заниматься спортом. При этом на площадки для воркаута и корты приходили немногие»⁸⁵.

В-четвертых, отсутствует общее видение развития городской среды. В проекте Минстроя оно проходит под слоганами «Все начинается с дворов» и «Современные общественные зоны». Каждый городской проект разрабатывается в контексте общей концепции и ориентируется на запросы жителей, согласование интересов различных групп. На практике активно задействуют граждан только в дизайн-проектах отдельных общественных территорий, потому что чаще всего развитие города трактуется

---

⁸⁴ Мониторинг ОНФ: В 28 регионах центры компетенций работают неэффективно. URL: <https://onf.ru/2019/10/24/monitoring-onf-v-28-regionah-centry-kompetenciy-rabotayut-neeffectivno/>

⁸⁵ Почему надо привлекать жителей к формированию городской среды // Российская газета. 2020. 14 окт. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238978643>

муниципальной властью именно как развитие публичных пространств, а порядок действий и показатели в этом случае формализованы на уровне государства.

«У нас не существует ни стратегии, ни планирования новых объектов» (Санкт-Петербург 2).

Проекты, выполняемые в рамках программы комфортной городской среды, вызывают как позитивные, так и недовольные отклики, связанные с их однообразием: *«Если вы следите за тем, как реализуется программа комфортной среды, подумайте десять раз, прежде чем просить включить сквер в эту программу. Там не фонари поставят, а всё повырubaют и поперекапывают и замостят брусчаткой. Воткнут клумбы, детские площадки, скамейки... В общем, сквер не будет зелёной зоной»* (Н. Новгород).

В-пятых, не прослеживается явно такой результат совместных действий, как консолидация местного сообщества и присвоение территорий.

Эксперт 1: «И Администрация города пошла на такой дорогой проект, несмотря на то что бюджет у нас такой не очень хороший. Пытаются сделать для граждан удобно, комфортно, красиво, продуманно. А наши граждане успевают в то же время что-то где-то сломать, нет какого-то хозяйского отношения. Всем наплевать, людям наплевать. Может, там среда такая, может, культуры какой-то не хватает, чтобы беречь всё».

К какому выводу мы приходим? Широкомасштабно на практике реализуются только две первые ступени гражданского участия: информирование и консультирование. Основными трендами участия граждан в развитии городской среды являются выделение целевых аудиторий и проектирование общественных пространств согласно их интересам с использованием различных инструментов. Другие ступени гражданского участия – партнерство, делегирование полномочий – не осуществляются в полной мере. По мнению пионеров соучаствующего проектирования в России – создателей «Проектной группы 8» Н. Снигиревой и Д. Смирнова, процесс вовлечения граждан приобретает «поточковый» формальный характер [Снигирева, Смирнов, 2021, с. 62].

Бесспорно, производство и изменение городского пространства является «ареной сосуществования институциональных и внеинституциональных практик» [Шуклина и др., 2020, с. 103; Антонова, 2020, с. 448]. Нами показано, что процессы типизации, институционализации и легитимации возводят в ранг «привычных» новые формы взаимодействия и модифицируют социальные роли и статусы, при этом направление институциональных изменений зависит от социокультурного контекста. Сделанные нами

выводы о механизмах трансформации согласуются с мнениями других исследователей. Например, Т. Burns и Т. Diez утверждают, что в локальных сообществах распространение отдельных местных инициатив приводит на совокупном уровне к трансформации установленных институциональных механизмов и практик [Burns et al, 2001].

В процессах формирования практики гражданского участия, инициированных активистами или государством, выделяется сходство и различие. Оба процесса («снизу» и «сверху») включают стадии «признания законности общественных движений в системе государственной власти», «признание легитимности в массовом сознании», «распространение институционализированных форм деятельности», но различаются порядком их прохождения. Эти процессы различаются также по характеру институциональных изменений, действий и отношений, структуре политических возможностей и прохождению ступеней гражданского участия (табл. 3.2.1).

Таблица 3.2.1 – Характеристика процессов институционализации гражданского участия в развитии городской среды в России

Показатели сравнения	Институционализация «снизу» без конфликта интересов	Институционализация «снизу» при конфликте интересов	Институционализация «сверху»
Характер институциональных изменений	Инкрементный, спонтанный	Инкрементный, спонтанный	Более дискретный, целенаправленный
Характер отношений	Асимметричный	Асимметричный	Симметричный
Характер действий	Мелкомасштабные, самостоятельные	Как мелкомасштабные, так и крупномасштабные, самостоятельные	Как мелкомасштабные, так и крупномасштабные, институциональная опора
Вид институциональных изменений	Изменения в части неформальных норм	Трансформация социальных институтов (формальных и неформальных норм)	Воспроизводство социальных институтов
Структура политических возможностей	Открытая	Закрытая. Возможно, с переходом в открытую в условиях поддержки действий активистов со стороны широких масс	Закрытая – для независимых общественных объединений; открытая – для созданных властью
Ступени гражданского участия	Реализация всех ступеней участия до «партнерства» и «принятия ответственности»	Жители готовы брать на себя ответственность. Ступень партнерства может быть реализована в случаях широкомасштабной поддержки до подмены партнерства власти и граждан «имитацией диалога»	Широкомасштабно на практике реализуются только две первые ступени гражданского участия: информирование и консультирование. Другие ступени – партнерство, делегирование полномочий – не осуществляются в полной мере
Источник: составлено Е.О. Смолевой.			

Институционализация «снизу» без конфликта интересов сопровождается мелкомасштабными, самостоятельными действиями. Характер действий активистов при наличии конфликта интересов остается самостоятельным, однако масштаб их может быть более крупным. При институционализации «сверху» действия граждан имеют институциональную опору.

Институционализации «снизу» без конфликта интересов представляет изменения в части неформальных норм. При наличии конфликта интересов содержание процесса формирования практик заключается в трансформации социальных институтов (формальных и неформальных норм). Формирование социальных практик «сверху» по своей сущности является воспроизводством социальных институтов, однако именно в сфере городского развития процесс идёт по типу «импорта институтов», о чем косвенно говорит его скорость. Надежда Снегирева отмечает: «Такие изменения в России за два-три года – это крайне быстро. На конференции EDRA (Environmental Design Research Association) мы общались с представителями многих стран, и все они говорили: “То, что произошло у вас в стране за такое короткое время, в наших странах заняло десятилетия”. А Генри СанOFF говорит, что есть страны, где в таком формате это не случится никогда»⁸⁶. По результатам эмпирического исследования вовлечения граждан в вопросы развития городской среды в Санкт-Петербурге сделаны выводы о достаточно высоком развитии двух уровней вовлечения граждан в развитие городской среды: информирования и консультирования [Видясов и др., 2021].

3.3. Особенности практик гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды в условиях конфликта интересов (кейс г. Вологды)

Одним из самых мощных конфликтогенных факторов в современном городе является реализация интересов отдельных социальных групп в ущерб интересам городского сообщества в целом [Горнова, 2016, с. 23]. Зачастую это происходит из-за отсутствия должного взаимодействия между тремя субъектами градостроительного развития: населением, властью и бизнес-группами. При изучении практик гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды в условиях конфликта интересов стейкхолдеров в качестве площадки для исследования выбран город

---

⁸⁶ Соучаствующее проектирование: определение, история, практика // Институт развития городов Башкортостана. URL: <https://irgrb.ru/participation>

Вологда, в котором реализуются федеральные проекты «Формирование комфортной городской среды» и «Благоустройство набережной реки Вологды». Анализ материалов по тематике исследования, представленных в СМИ и социальных сетях, дополнен выводами, сделанными на основании данных включенного наблюдения и неструктурированных интервью с участниками рассматриваемых кейсов. При изучении отдельного кейса мы выделили участников взаимодействия (общественные объединения или отдельные граждане представляли индивидуально свои интересы), характер взаимодействия (открытый диалог, псевдокоммуникация, конфликт), инструменты гражданского участия, результаты и сделали резюме относительно основной тональности общественного мнения по решаемой проблеме.

На проект благоустройства (берегоукрепления) Набережной VI Армии выделено более 265 млн рублей в рамках федеральной целевой программы «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах». Реализуемый проект демонстрирует расхождение интересов местного сообщества и власти. Позиция власти далека от соучаствующего проектирования. Администрация города предлагает выбор из двух альтернатив: или сплошное бетонирование берегов и полное уничтожение зеленого ландшафта реки, или всё останется, как раньше: «мусор, ивняк и бомжи».

Инструменты. Активистами были задействованы практически все виды инструментов соучастного проектирования и общественного контроля. Среди форм общественного участия выделяются проведение фокус-групп, организация проектных семинаров, воркшопов, проведение дизайн-игр, анкетирование и другие [Рекомендации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды].

Так как на начальных стадиях проекта Администрация города не проводила опросов общественного мнения по поводу благоустройства городской зоны, то активистами общественных объединений с помощью волонтеров были проведены интервью и опросы горожан (733 участника опроса), составлена «карта благоустройства набережной». С результатами этого исследования активисты выступили 28 августа 2019 года на градозащитном митинге в поддержку «НЕбетонной набережной».

В связи с тем что проект затрагивает ансамбль исторического центра города и связан с необходимостью наличия специальных знаний о технологиях берегоукрепления, общественные объединения не раз обращались

за консультациями к экспертному сообществу: гидрологам, архитекторам, историкам⁸⁷. Экспертные письма о недопустимости бетонирования отправлялись Губернатору Вологодской области О.А. Кувшинникову, Мэру г. Вологды Сергею Воропанову и в Ростуризм. При помощи экспертов было подготовлено заявление на выявление набережной как архитектурно-градостроительного ансамбля, зарегистрированное Комитетом по охране объектов культурного наследия Вологодской области.

Участники общественных объединений работали над систематическим обнаружением нарушений в реализации проекта, тем самым обращая внимание на проведение работ неквалифицированным подрядчиком – дорожной фирмой ООО «Магистраль». Заявления об отклонении от проектной документации направлялись властям города.

С просьбой повлиять на ход реализации проекта участница Проектной группы 8 архитектор Надежда Снигирева обратилась к Президенту РФ В.В. Путину в рамках встречи по вопросам реализации нацпроекта «Жилье и городская среда»: *«К сожалению, не во всех городах прислушиваются к жителям, видят в этом ценность. Например, мой родной город Вологда реализует сегодня очень резонансный проект обустройства набережной, когда в историческом центре города реку просто заливают бетоном, спиливают деревья. И жители против, и эксперты, и градозащитники, но нас не слышат»*⁸⁸. После выступления на встрече общественные объединения обратились к гражданам города с инициативой подписать петицию в адрес Президента Российской Федерации Владимира Путина и Губернатора Вологодской области Олега Кувшинникова.

Были организованы градозащитные акции (например, «Искусственный пикник»), согласованные митинги «За зелёную набережную». По данным наблюдения, в акции «Искусственный пикник» приняло участие не более 50 человек, в основном молодежь. Однако для прохожих был организован импровизированный стенд с наглядной информацией о проблемной ситуации и возможных способах её решения. В частности, можно было

---

⁸⁷ В качестве экспертов привлекались Н.В. Лызлов, вице-президент Союза московских архитекторов, профессор Международной академии архитектуры (МААМ); Н. Токарев, директор Архитектурной школы МАРШ, член правления Союза московских архитекторов, профессор Международной академии архитектуры; Р. Рахматуллин, координатор движения Архнадзор, журналист, культуролог; А.Г. Демидов, Председатель Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры; Л. Варламова, архитектор, член комиссии по вопросам развития городских территорий Общественного совета при Минстрое РФ, эксперт Минстроя РФ по приоритетному проекту «Формирование комфортной городской среды».

⁸⁸ Архитектор Надежда Снигирева рассказала Путину о том, что городскую набережную в Вологде заливают в бетон // Новости Вологды и области. Сайт newsvo.ru. URL: <https://newsvo.ru/news/118678>

увидеть проекты набережных в других российских городах. Одновременно были наглядно продемонстрированы реалии псевдокомфортной и псевдобезопасной «новой» каменно-бетонной набережной: *«Берег умер. Многие десятилетия жители и гости города приходили на это место отдыхать и любоваться историческими пейзажами. Теперь здесь – неживая серость, которую стыдно показать туристу, на которую опасно привести ребенка, где ещё сильнее виден мусор и с которой так и не ушли пьяные компании»*⁸⁹.

Для координации действий были созданы комитет защиты набережной «Река объединяет», сайт Вологдарека.рф, на котором можно посмотреть хронологию усилий вологжан по спасению набережной.

Вологодские архитекторы самостоятельно разработали проект благоустройства берегов реки, который учитывал результаты опросов горожан.

Активисты отметили, что в случае отказа в требованиях проблема будет решаться в Федеральном агентстве водных ресурсов, которое финансирует проект, и в судебном порядке.

Городские власти задействовали инструменты «мягкой силы», чтобы решить конфликтную ситуацию в свою пользу и снизить активность общественных объединений, выступающих за сохранение «зеленой набережной». Так, Администрация города выделила для проведения митинга неудобную по расположению и размерам площадку, на которой одновременно должны были проходить развлекательные мероприятия.

«Администрация (города) решила поставить в этот день на площади батуты. Это громкая музыка. Она мешала выступавшим».

«Нас было уже меньше, отчасти по причине неудобной дислокации митинга, отчасти потому, что люди начинают переставать верить в счастливый исход. Поговорили, в принципе, сами с собой, ведь никто из противоположного лагеря не явился, и средства массовой информации тоже отсутствовали».

Работа над проектом благоустройства городской территории длительное время носила неконсолидированный характер. До вынесения активистами проблемы на федеральный уровень власти упорно игнорировали мнение экспертов и горожан. После ряда публикаций в центральных СМИ («Литературной газете», журнале «Стрелка магазин» и др.) и вынесения вопроса в повестку специального заседания Научно-методического совета Министерства культуры РФ, Союза архитекторов, где реализуемый проект вызвал критику специалистов, городские власти с опозданием, но начали

---

⁸⁹ Искусственный пикник – культурная акция на бескультурные действия. URL: <https://vk.com/event182931609>

опрос общественного мнения, привлечение граждан к работе над проектом благоустройства. В течение 10 дней было проведено 5 проектных мастерских, в которых приняло участие 340 человек (например, первая открытая проектная мастерская «Какой должна стать набережная Вологды?» для жителей города, итогом которой стало формирование технического задания по реконструкции набережной; вторая мастерская – для архитекторов, дизайнеров, экологов, гидрологов, ландшафтных архитекторов – «Экспертный взгляд на набережную» по созданию альбома конкретных решений). Предложения аккумулировались также с помощью круглосуточной «горячей линии», специальных боксов проекта #Вологдаобсудим в 34 точках в разных районах Вологды и на сайте Вологдаобсудим.рф. С одной стороны, население откликнулось на предоставленную возможность:

«Я думаю, что интернет-портал Вологдаобсудим.рф – это перспективная площадка, с помощью которой жители смогут донести свое мнение до власти и быть услышанными. Мне самой очень интересно принять участие в проектировании будущей набережной нашего города. В интернете, в соцсетях, мне кажется, сейчас мало достоверной информации по вопросу берегоукрепления и благоустройства набережной, прослеживаются разночтения. Поэтому я хочу сама все услышать из первых уст. Возможно, смогу внести какое-то предложение, которое впоследствии рассмотрит Администрация Вологды»⁹⁰.

«Мы хотим внести свои предложение в благоустройство, поэтому активно высказываем свое мнение. Хочется, чтобы набережная стала комфортной зоной для отдыха вологжан разного возраста. Чтобы это было не только красиво, но и удобно. Поэтому как представитель группы активных вологжан буду участвовать во втором воркшопе»⁹¹.

С другой стороны, горожане уже не могли понять, кто и какие проекты благоустройства предлагает:

«Пошла с целью узнать из первых уст текущую ситуацию, потому что уж больно много появилось групп, постов и различных активностей в этой связи. Активностей-то много, а толку ...»⁹²

---

⁹⁰ Проекты благоустройства набережной, сформированные на воркшопе в Вологде, вынесут на общее голосование // Вологда.рф. Новости 1 августа 2019 г. URL: <https://xn--80adde7arb.xn--p1ai/news/society/34003/>

⁹¹ Второй воркшоп по обсуждению благоустройства набережной пройдет в Вологде 10 августа // Официальный сайт Администрации города Вологды. Новости. URL: https://vologda-portal.ru/novosti/index.php?ID=418997&SECTION_ID=151

⁹² Мастерская I: Какой должна стать набережная? URL: <https://vk.com/id189135379>

Администрация г. Вологды для разработки своего проекта обратилась к специалистам из другого города, отказавшись от работы с местным архитектурным сообществом. Подобные неконсолидированные действия вызывали недопонимание и растерянность среди жителей города. Так, в отсутствие подробного информирования население не понимало, за какой проект благоустройства его просят проголосовать. В этих условиях были проведены общественные слушания.

Обязательными инструментами, обеспечивающими учет мнения заинтересованных лиц в ходе градостроительной деятельности, являются институты публичных слушаний и общественных обсуждений⁹³. Общественные слушания по проекту благоустройств набережной, в которых приняло участие более 800 жителей города, состоялись спустя несколько месяцев с начала реализации проекта. На них были представлены фактически два проекта: со стороны власти и со стороны общественных объединений. Администрация как организатор предполагала показать только один проект – группы «Ярус», но за час до мероприятия удалось договориться о том, что проектное предложение движения «Река объединяет» тоже будет представлено.

Кейс стал примером того, что процесс формирования групп, объединенных общими интересами и межличностными связями, способных заявить о себе и потребовать ответа властных структур на действительно актуальные вопросы, идет в виртуальном пространстве. Но следует понимать, что сама возможность такого социального запроса требует наличия активного сообщества, способного этот запрос сформулировать.

«В данной ситуации основное средство информации – интернет. Но и он помогает слабо, т.к. в группы, озабоченные проблемой набережной, записываются только те, кто болеет по этой теме душой».

Численность групп в социальных сетях не превышала 7 тысяч человек: «Хранители Вологды» – 4265 участников; Настоящая Вологда – 1893 и Вологда.река – 464 участника. В митингах приняли участие около 1000 и 400 горожан, петиция собрала 8000 подписей.

«Куча школьников и студентов, которым прикольно вписаться на любой митинг, человек 100, которые просто пришли погулять на площади. Если собирать митинг вместе с меньшей проходимостью, так бы и тусовались человек в 30–50».

---

⁹³ Градостроительный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

«При этом удивляет полная индифферентность жителей Вологодской области. Комментариев ноль».

«С кем говорила лично, процентов 90 против бетона, но у одних очень важные личные дела перевешивают значимость проблемы с набережной, другие дальше своих ранчо гулять не ходят, поэтому набережная – это для них не актуально, третьи и душой горят, и на набережной плачут, но работают в таких местах, где могут просто уволить за участие в любом митинге (а работу в Вологде найти не так-то просто)».

Отношение к действиям активистов также носило альтернативный характер: от «спасибо, что не опускаете руки» до «я считаю, что мы хотим нормальную набережную, как в Питере, как в Ярике и других городах! почему вы маленьким количеством людей поднимаете какую-то надуманную шумиху????? Сейчас просто решат, что, пока люди между собой не договорятся, вообще ничего делать не будут и денег выделять не будут».

Итак, проект по благоустройству городской территории развивался по конфликтному сценарию с применением псевдокоммуникативных практик. Действия власти классифицировались представителями общественных объединений как «несиловое» подавление градостроительного конфликта и городских активистов. Взамен диалога «власть, как некий корпоративный субъект, все чаще противопоставляется «народу», а мотивы ее носителей не связываются с гражданскими интересами» [Бабинцев, Шаповал, 2018, с. 13].

Кейс подтверждает, что в российских регионах в отсутствии сильной гражданской позиции населения власть демонстрирует стандарты поведения, которые не предусматривают возможность и необходимость публичного диалога с обществом. К числу этих стандартов относятся:

- «ориентация на формальную рациональность, предусматривающая регулярное изобретение безотносительных к содержательной стороне дела формальных правил и административное принуждение контрагентов соблюдать данные правила;

- имитация деятельности, связанная с подменой ее содержания декларациями, демонстрациями и декорациями;

- массовое производство и распространение фальсеоинтеракций, представляющих собой особую форму социального взаимодействия, “в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации” [Каширина 2013: 14];

– внедрение во внутриорганизационную среду группомыслия, выражающегося в поощрении внутригруппового конформизма в сочетании с подавлением рефлексии и критики» [Бабинцев, Шаповал, 2018, С. 14].

Позиция общественных объединений, которые твердо придерживались, с одной стороны, выработанной концепции благоустройства речных берегов, а с другой стороны, сохранились открытость для диалога с властью, сместила ситуацию в сторону более эффективной коммуникации. Промежуточными результатами стали: выработка четкой дорожной карты совместных действий заинтересованных сторон по урегулированию конфликта; проведение единого совместного воркшопа с администрацией и активистами; формирование задачи по созданию единого проекта благоустройства или нескольких его вариантов и установка на четкое выполнение согласованного сторонами плана.

Благодаря действиям активистов градозащитных и общественных движений горожане получили площадку для выражения своего видения общественного пространства, было разработано общественное задание на проектирование набережной; представлено мнение профессионального сообщества. К тому же Вологда стала примером для других городов (в частности Рыбинска), как не надо поступать с общественными пространствами, и показала пример консолидированных действий общественных объединений.

* * *

Как видится, институты гражданского общества могут стать инициаторами консолидации интересов, усилий и финансовых ресурсов всех заинтересованных участников городского сообщества для разработки и реализации проектов благоустройства и формирования комфортной городской среды, использования новых подходов к формированию непрерывной комфортной городской среды путем реализации комплексных проектов благоустройства локальных территорий (кварталов, микрорайонов).

Как показало наше исследование, активность горожан легче направлять в те проекты, которые в наибольшей степени привлекают их внимание с точки зрения оценок качества городской среды. Для жителей крупных городов региона востребованы следующие направления деятельности общественных объединений в сфере развития городской среды: обустройство территории, защита интересов жителей, природоохранная деятельность, защита животных, организация досуга и культурной деятельности. Население районных центров менее активно в этих направлениях.

На сегодняшний день формирование социальных практик гражданского участия в развитии городской среды реализуется в двух направлениях: «снизу» через опривычивание или «сверху» как импорт социальных институтов. Государство, осознавая важность проблемы качества жизни, комфортной и безопасной городской среды, формализует и контролирует действия стейкхолдеров, что препятствует активизации населения. В качестве барьеров выступают также ситуации проведения публичных слушаний и общественных обсуждений на заключительном этапе градостроительного проектирования, когда все решения по развитию территории, как правило, уже приняты и согласованы, а значит, не могут быть принципиально изменены. Результаты проведения публичных слушаний и общественных обсуждений носят рекомендательный характер для местной власти и проектировщиков.

При отсутствии заинтересованности сторон в диалоге институты гражданского общества носят фантомный характер [Бабинцев, Шаповал, 2018]. Это обусловлено как позицией власти, так и природой этих институтов. Предполагается, что общественные объединения должны представлять интересы гражданского населения и активно вступать в диалог с властью, отстаивая их. Но создаваемые при поддержке власти (обычно грантовой) «пассивно-потребительские организации» [Бабинцев, Шаповал, 2018] максимально зависимы от государства и муниципальной власти. В силу указанных обстоятельств значительная часть формально действующих институтов гражданского общества на региональном уровне способны скорее имитировать публичные коммуникации с властью, чем реально осуществлять их.

Выпадение в процессе институционализации «сверху» ступеней «партнерство», «делегирование полномочий» также наводит на мысль о формальном и имитационном характере практик гражданского участия в городском развитии. Необходимо консолидировать усилия власти, которая декларирует заинтересованность в вовлечении граждан, и активистов, коллективные действия которых позволяют реализовать все ступени гражданского участия, отказавшись от положения, что институциональная и внеинституциональная арены противопоставляются друг другу.

В целом для повышения гражданского активизма в рамках взаимодействия общественности с властью, как видится, необходимость в работающие на постоянной основе медиаторы, оценивающие ситуацию, формирующие запросы граждан, обращающиеся к власти; необходимо и формирование норм обратной связи от органов власти на запросы граждан,

переданные в любом формате. Одним из механизмов преодоления барьеров гражданского участия может стать распространение положительного опыта вовлечения населения в городское благоустройство. Безусловно, накопленный активистами опыт способствует созданию гражданских инфраструктур, однако слабое вовлечение широких масс в социальные практики, отсутствие поддержки инициативных граждан со стороны населения могут в дальнейшем оказать демотивирующее влияние на процессы гражданского участия.

ГЛАВА 4

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

4.1. Интернет-технологии как фактор развития гражданского участия регионального сообщества

В конце XX – начале XXI века наблюдается интенсивный переход к информационному обществу, которое характеризуется высоким уровнем развития информационной и коммуникационной инфраструктуры и ее интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти. В связи с этим в России возрастает роль информационной сферы как системообразующего фактора жизни общества, влияющего на состояние политической, экономической, военной и других составляющих национальной безопасности страны⁹⁴.

В таких условиях все больше актуализируется необходимость реализации потенциала информационной инфраструктуры в развитии гражданского участия, т.к. одним из основных механизмов взаимодействия граждан признается общение, обмен информацией. Особый интерес представляют интернет-технологии, которые создают среду с широкими возможностями коммуникации и объединения внутри нее, тем самым позволяя вовлечь большое количество лиц в практики гражданского участия.

Вопросы взаимосвязи гражданского участия и интернет-пространства активно обсуждаются зарубежными и российскими исследователями. Пристальное внимание уделяется проблемам использования цифровых платформ участия региональными органами власти [Falco, Kleinhans, 2018], роли социального капитала в развитии онлайн-участия; факторам формирования цифровой демократии [Naranjo-Zolotov, 2019].

---

⁹⁴ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 15.08.2019 г.)

Не менее актуальными вопросы, связанные с общественным потенциалом Интернета, представляются и в отечественной науке. В российских научных кругах возрастает интерес к проблемам общественно-политической активности, процессов мобилизации и организации политических движений посредством интернет-коммуникации [Ефимов, 2015]. Российские ученые, изучая общественно-политическую роль интернета, пытаются определить место интернет-технологий в жизни гражданского общества на фоне традиционных медийных форм.

В настоящем исследовании используется подход, в рамках которого под гражданским участием трактуется деятельность граждан, инициативных групп и общественных организаций, направленная на улучшение среды обитания, социальную помощь, благоустройство территорий, решение социально значимых задач.

Целью настоящего параграфа является рассмотрение интернет-технологий (имеются в виду информационные ресурсы в компьютерной сети Интернет: социальные сети, сайты, блоги, форумы, чаты, электронные библиотеки и т.д.) как фактора, влияющего на гражданское участие. Рабочей гипотезой выступает тезис о том, что люди, активно пользующиеся Интернетом, в отличие от тех, кто не пользуется, в большей степени готовы к вовлеченности в практики гражданского участия.

Эмпирическое исследование осуществлено на основе данных мониторинга общественного мнения, регулярно, с 1996 г., проводимого на территории Вологодской области Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН). Для проведения сравнительного анализа выбраны данные по двум группам респондентов – тех, кто пользуется, и кто не пользуется Интернетом. Обработка данных выполнена в программе SPSS.

Согласно результатам социологических измерений, проводимых ВолНЦ РАН, среди регионального сообщества наблюдается тенденция роста значения интернета как источника получения информации о различных сторонах жизни общества (с 2010 по 2018 г. показатель увеличился в два раза – с 24 до 48%⁹⁵), что соответствует общероссийской ситуации [Волков, Гончаров, 2017]. При этом происходит устойчивое увеличение доли тех, кто пользуется Интернетом регулярно (с 2013 по 2018 г. –

---

⁹⁵ Ответ на вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию?» // Данные социологических опросов ВолНЦ РАН 2013 и 2018 гг.

с 39 до 45% – на 6 п.п.; табл. 4.1.1). В целом по России также наблюдается высокий уровень показателя активности пользования Интернетом: по данным ВЦИОМ, в 2018 г. 65% респондентов ответили, что пользуются им практически ежедневно⁹⁶.

Таблица 4.1.1 – **Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь Интернетом?», в % от числа опрошенных**

Переменная	2013 г.	2019 г.
Практически ежедневно	38,7	44,9
Несколько раз в неделю	15,5	15,0
Эпизодически	5,9	5,5
Не пользуюсь Интернетом	4,4	30,5
Затрудняюсь ответить	23,5	3,3
Источник: результаты социологического мониторинга ВолНЦ РАН, за 2013 и 2019 гг.		

По нашим наблюдениям, в 2018 г. основными направлениями использования Интернета среди жителей региона является общение и получение информации о новостных событиях (эти варианты ответов выбрали 37 и 29% респондентов соответственно; рис. 4.1.1). Наблюдается положительная динамика значимости указанных направлений по сравнению с предыдущим периодом (за шесть лет доля жителей региона, использующих интернет-технологии с целью общения, возросла на 6 п.п.; с целью обзора новостей в мире и стране – на 11 п.п.). В то же время произошло сокращение удельного веса тех, кто пользуется Интернетом в целях работы или учебы (с 2013 по 2018 г. – на 8 п.п.). В целом по стране наблюдается несколько иная картина. По данным ВЦИОМ⁹⁷, самый популярный ответ – «использую Интернет в целях работы или учебы»; при этом доля россиян, использующих интернет в этих целях, увеличилась (на 9 п.п.: с 37% в 2014 г. до 44% в 2018 г.), а в целях общения, напротив, уменьшилась (на 4 п.п.: с 31 до 28% соответственно по годам). Кроме того, наблюдается рост такого направления использования интернет-ресурсов, как «поиск информации и расширение кругозора» (с 2014 по 2018 г. – на 8 п.п.: с 28 до 36%).

⁹⁶ Просторы Интернета: для работы или развлечений?: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3767. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения: 15.09.2019 г.).

⁹⁷ Там же.

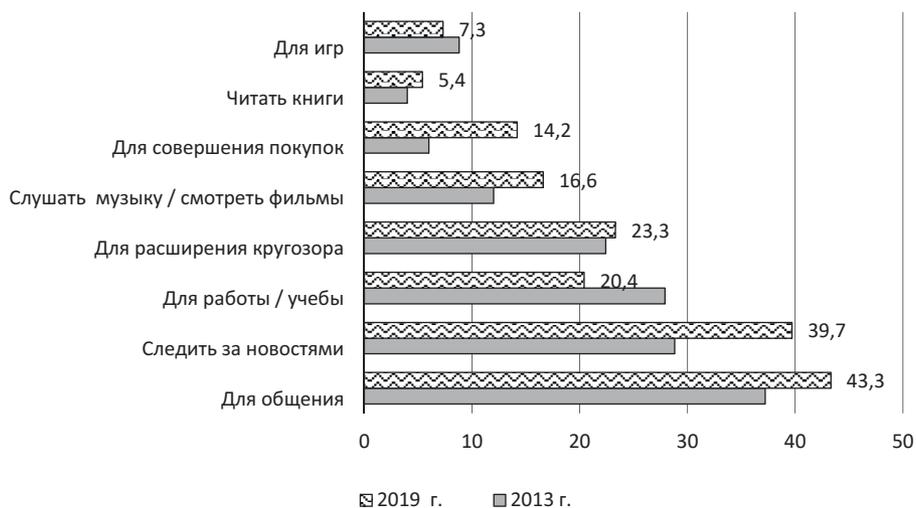

Рисунок 4.1.1 – **Направления использования интернет-технологий среди регионального сообщества***

*Ответ на вопрос «Для каких целей Вы чаще всего пользуетесь Интернетом?» (в % от числа опрошенных).

Источник: результаты социологического мониторинга ВолНЦ РАН, 2013 и 2018 гг.

Рассмотрим социально-демографические характеристики интернет-пользователей. Согласно полученным результатам, в 2018 г. в среднем по области доля респондентов, пользующихся Интернетом, составила 67% (табл. 4.1.2). Наиболее активными его пользователями являются такие социально-демографические группы, как молодежь (95%), люди с высшим образованием (85%), более обеспеченные категории населения (86%), а также жители городов (Вологды и Череповца; 78 и 75% соответственно). По нашим наблюдениям наибольший разрыв в освоении Интернета наблюдается среди старшего поколения: всего 35% респондентов в возрасте «55+» ответили, что пользуются Интернетом. Следовательно, возраст является основным критерием, оказывающим влияние на степень вовлеченности в интернет-пространство.

В целом следует констатировать, что активное использование Интернета характерно в первую очередь для более высокоресурсных групп. Этот факт несет на себе негативный оттенок, поскольку свидетельствует о неравных возможностях доступа к новым информационно-коммуникативным технологиям. Зарубежные исследователи доказывают, что, поскольку в связи с тем, что пользователи интернет-ресурсов – самая обеспеченная ресурсами во всех сферах часть общества, Интернет не выступает агентом развития гражданского общества и демократии, а вместо этого еще

более укрепляет положение элитарных групп [Hill, Hughes, 1998; Margolis, Resnick, 2000; Norrs, 2001].

Таблица 4.1.2 – **Социально-демографический портрет интернет-пользователя***,
в % от числа опрошенных

Социально-демографическая характеристика		Доля респондентов, пользующихся интернетом
Пол	Мужской	67,7
	Женский	67,1
Возраст	До 30 лет	95,1
	30-55 лет	82,2
	Старше 55 лет	35,1
Образовани	Среднее и н/среднего	54,0
	Среднее специальное	64,5
	Высшее	85,2
Доход	Наименее обеспеченные	58,6
	Среднеобеспеченные	64,2
	Наиболее обеспеченные	85,7
Территория	Вологда	77,7
	Череповец	74,5
	Районы области	57,3
Среднее по опросу		67,3
*Доля положительных ответов на вопрос «Пользуетесь ли Вы интернетом?»		
Источник: результаты социологического мониторинга ВолНЦ РАН, 2019 г.		

По результатам социологического измерения ВолНЦ РАН потенциал гражданского участия значительно выше среди тех, кто пользуется Интернетом. В 2018 году доля положительных ответов на вопрос «Лично Вы допускаете или исключаете для себя работу на постоянной и безвозмездной основе в какой-либо общественной организации?» составляла 28% среди жителей региона, которые пользуются Интернетом, и 15% среди тех, кто не пользуется (рис. 4.1.2). Доля противоположных ответов – 37 и 53% соответственно. С учетом полученного ранее вывода о том, что наиболее активными пользователями Интернета являются молодые люди до 30 лет, можно предположить: именно эта социальная группа составляет ядро потенциальных участников в решении социально значимых проблем региона. Следует согласиться со словами М.В. Гузик, Д.А. Федосеевой, что молодежь, особенно студенческая, как наиболее активная социально-демографическая группа, в силу переходности социального статуса, незавершенности процессов формирования социальной зрелости в наибольшей степени нуждается в целенаправленном конструировании своего будущего [Гузик, Федосеева, 2016, с. 60].

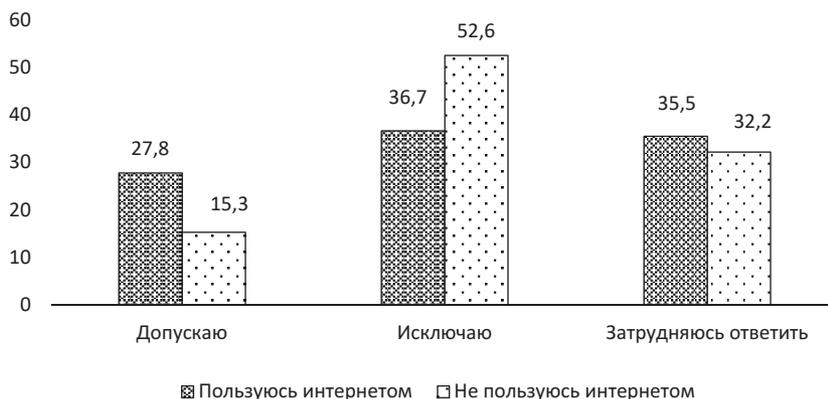

Рисунок 4.1.2 – Потенциал гражданского участия в зависимости от интернет-активности*

* Ответ на вопрос «Лично Вы допускаете или исключаете для себя работу на постоянной и безвозмездной основе в какой-либо общественной организации?» (в % от числа тех, кто пользуется и не пользуется Интернетом)

Источник: результаты социологического мониторинга ВолНЦ РАН, 2018 г.

В целом в регионе готовность населения к решению общественных проблем и отстаиванию своих прав не отличается высоким уровнем. Это продемонстрировали ответы респондентов на вопрос «Могли бы Вы стать общественником, который пытается организовать других людей, решить общие проблемы?», самым популярным среди которых стал ответ «Не мог(ла) бы ни в какой ситуации» (рис. 4.1.3). В то же время из получен-

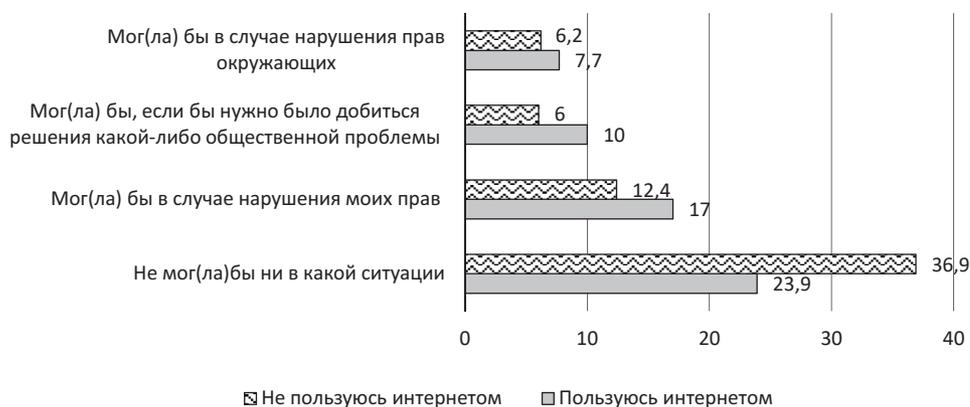

Рисунок 4.1.3 – Готовность регионального сообщества к решению общественных проблем в зависимости от интернет-активности*

* Ответ на вопрос «Могли бы Вы стать общественником, который пытается организовать других людей, решить общие проблемы?» (в % от числа тех, кто пользуется и не пользуется, Интернетом)

Источник: результаты социологического мониторинга ВолНЦ РАН, 2018 г.

ных данных видно, что общественная пассивность выше среди тех, кто не пользуется Интернетом (36,9% против 24% среди пользующихся различными интернет-ресурсами). В связи с этим есть основания не согласиться с позицией С. Boggs, полагающего, что с развитием сетевых технологий следует ожидать роста потенциала разобщенности и отчуждения граждан от общественной жизни [Boggs, 1997].

Как показывают данные опроса, готовность жителей Вологодской области к участию в развитии местных территорий отличается в зависимости от их интернет-активности. Так, на вопрос «Что Вы готовы сделать для развития родного города (села)?» респонденты, которые пользуются Интернетом, чаще всего давали ответ «Все, что в моих силах» (34%), а те, кто не пользуется, – «Ничего» (44%; рис. 4.1.4). Отметим, что активные интернет-пользователи в большей степени готовы включаться в гражданское участие по таким направлениям, как благоустройство (27%) и наведение порядка (26%).

Рисунок 4.1.4 – Готовность населения региона к включенности в различные направления гражданского участия в зависимости от интернет-активности*

* Ответ на вопрос «Что Вы готовы сделать для развития родного города (села)?» (в % от числа тех, кто пользуется и не пользуется Интернетом).

Источник: результаты социологического мониторинга ВолНЦ РАН, 2018 г.

Анализ влияния интернет-технологий на готовность регионального сообщества к гражданскому участию показал, что Интернет является зна-

чимым фактором в этой сфере. Очевидна необходимость расширения возможностей использования интернет-технологий, особенно для пожилых людей, лиц с наименьшим уровнем образования и доходов, а также проживающих в сельской местности.

Онлайн-участие в сфере городского развития

Использование традиционных форм взаимодействия между государством и обществом, излишне бюрократизированных, ограниченных, приводило к уменьшению шансов на реализацию гражданских инициатив. Появление новых информационно-коммуникационных средств расширяет возможности граждан оказывать влияние на власть, предоставляя дополнительные ресурсы в виде каналов коммуникации, и способствует росту сплоченности гражданских активистов и населения за счет включения в сетевое пространство. При этом отмечается рост числа коллективных действий, которые «охватывают все более разнообразные сферы социума, а развитие цифровых информационно-коммуникативных систем облегчает взаимодействие акторов» [Гужавина, 2020, с. 192]. В этой связи усиливается актуальность проблематики использования возможностей интернет-коммуникации для развития гражданского активизма, повышения результативности гражданского участия, качественных изменений публичной политики.

Проблематика интернет-участия граждан в решении социальных вопросов актуальна в научном сообществе. Современные тенденции влияния интернет-практик на публичную политику, в том числе и проблемные в виде создания фейков, слактивизма, затронуты в многочисленных работах [Бронников, 2017; Володенков, 2016; Морозов, 2012; Садилова, 2015]. В научный дискурс вводятся понятия «онлайн-участие» [Teocharis, 2015], «сетевой гражданский активизм» [Бронников, 2020]. В концепции цифрового участия обосновывается полноценность форм гражданского онлайн-активизма, ведущих к наращиванию социального взаимодействия в офлайне [Пырма, 2020]. Более того, высказывается мнение, что интернет-участие является современной и ничуть не менее эффективной заменой офлайн-активизму [Bennet, 2012; Fox, 2014]. Предприняты попытки построения индексных моделей гражданского интернет-участия для региональных сравнений. Так, представлена формализованная модель для расчета индекса вовлеченности пользователей в обсуждение постов протестного сообщества в региональном аспекте с использованием таких инструментов участия, как постинг, лайки, комментарии, репосты [Фролов и др., 2019].

Хотя гражданское участие нередко рассматривается как горизонтальное взаимодействие акторов, направленное на решение социальных проблем, но мы считаем, что картина была бы неполной без освещения онлайн-практик вертикального взаимодействия общества и власти, тем более в ряде случаев (например, подписание петиций) обращение граждан к власти не будет эффективным без горизонтального коммуницирования. Для анализа нами выбрана сфера создания комфортной городской среды, так как возникающие в ней проблемы непосредственно влияют на качество жизни населения; вместе с тем эта сфера предоставляет широкие возможности для активного участия граждан в решении социальных вопросов. В качестве метода исследования использован сравнительный анализ интернет-практик гражданского участия в регионах Северо-Западного федерального округа.

Информационной базой исследования послужили материалы электронных платформ гражданского участия, посвященные решению проблем формирования комфортной среды проживания. Выбранные для анализа веб-сайты представляют собой площадки для решения общественно значимых вопросов, реализующие принципы вовлечения в обсуждение всех стейкхолдеров, а не являются электронными ресурсами для оказания услуг населению. И.А. Бронников выделяет восемь категорий актуальных гражданских интернет-инициатив: сервисы жалоб, сбора средств, координации, обсуждений, подача онлайн-петиций, краудсорсинг, гражданская журналистика, электронные референдумы [Бронников, 2017]. Однако для подробного рассмотрения мы выделили сервисы «жалоб» и обсуждений, подачу онлайн-петиций по причине конкуренции сервисов, организованных акторами, входящими в систему управления, и гражданскими активистами. Дополнительным признаком было размещение на ресурсах информации по регионам Северо-Западного федерального округа, поэтому в зону внимания попали платформы iGrajdantin.ru, Change.org, Подача петиций Президенту РФ (<https://петиция-президенту.рф>), Волонтеры (<https://dobro.ru/>).

Для анализа социальных сетей в качестве ресурса гражданского участия нами были выбраны группы, размещенные в социальной сети Вконтакте по причине её большего распространения среди российских пользователей, чем Facebook, Одноклассники или Twitter⁹⁸. Для корректности анализируемых данных сетевые сообщества были посвящены одинаковой

---

⁹⁸ Телевидение стоит на месте, соцсети растут // Левада-центр. 29.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/29/televidenie-stoit-na-meste-sotsseti-rastut/>

тематике («Красивый город») и оценивались по таким показателям, как количество участников, активность коммуникаторов: группа действующая/не действующая на момент проведения исследования; наполняемость материалом (количество постов в неделю); наличие тем для обсуждений. Активность коммуникаторов и реципиентов оценивалась по методике расчета индекса вовлеченности пользователей в обсуждение постов [Фролов и др., 2019]. Дополнительным источником информации послужили посты и комментарии, опубликованные в официальных сообществах общественных организаций в социальных сетях.

Насколько активно и эффективно применяются интернет-площадки в практике регионального и муниципального управления? Например, самыми популярными сервисами для подачи онлайн-петиций являются глобальная платформа для гражданских кампаний «Change.org» (<https://www.change.org/>) и сайт петиций Президенту России Владимиру Путину (<https://петиция-президенту.рф>). Подобные сервисы должны отвечать как интересам власти, т.к. легитимность принимаемых властью решений обеспечивается за счет привлечения широкой общественности к их обсуждениям, так и граждан, рассчитывающих на оперативное получение обратной связи. Но, видимо, получение обратной связи и является камнем преткновения при использовании подобных сервисов. Так, на Change.org жителями Вологодской области с 2015 года размещены три петиции по проблемам региона; обратная связь получена по одной петиции, направленной на пересмотр решения руководства ОАО «Российские железные дороги» по отмене в области электричек⁹⁹.

Подтверждение этому мы можем увидеть, анализируя работу заявительных сервисов о проблемах городского хозяйства в регионах. В 2012 г. был запущен некоммерческий гражданский проект iGrajdanim. Сегодня ресурс охватывает 814 населенных пунктов России, на сайте зарегистрировано 17 600 пользователей, которые разместили 14 300 обращений. Конверсия размещенных проблем в решенные достигает 70%¹⁰⁰. Статистика по СЗФО свидетельствует, что наиболее активно размещают на платформе iGrajdanim.ru заявления о проблеме жители Санкт-Петербурга: на сентябрь 2020 г. зарегистрировано более полутора тысяч заявок (табл. 4.1.3). Но жители других регионов СЗФО не так активно используют указанный сервис: за всё время с 2012 года общее количество заявок по Вологодской

---

⁹⁹ Оставшиеся петиции, как не набравшие нужного количества голосов, не переслали адресатам.

¹⁰⁰ Информация с сайта проекта iGrajdanim. URL: <https://igrajdanim.ru/>

области составляло 34 шт., Архангельской области – 28, Псковской области – 25 шт. К основным проблемам, которые волнуют население регионов, относятся: нарушение закона (41% заявок, поданных жителями Вологодской области, касаются нарушений закона); городское хозяйство (занимает 18-26% от числа поданных заявок по регионам); транспорт (21-22%) и дороги (18-26%). Адресаты заявлений – органы местного самоуправления (администрации городов), местные управления Роспотребнадзора, жилищные и строительные комитеты. Наибольший процент выполненных заявок у отделений Роспотребнадзора (95-100%); данные показатели по заявкам, адресованным местным администрациям, значительно ниже: от 43% по мэрии г. Череповца до 94% по заявкам, адресованным Администрации Петрозаводского городского округа. О слабом отклике властей на онлайн-обращения граждан, поданные через инициированные активистами каналы, говорит и наличие просроченных заявок: 8 из 54 поданных по Новгородской области, 41 из 196 – по Ленинградской области, 276 из 1562 – по Санкт-Петербургу¹⁰¹.

Таблица 4.1.3 – Сведения о заявлениях населения, размещенных на платформе iGrajdantin.ru (на примере СЗФО)

Регион, город	Всего заявок	Статус заявки			Категории проблем	Адресат заявки	% выполненных заявок
		Выполнено	В работе	Открыто			
Архангельская область	278	20	0	8	Дороги (18%), транспорт (18%), городское хозяйство (18%)	Администрация г. Архангельск	71
						Администрация г. Северодвинск	83
						Администрация г. Котлас	100
Вологодская область	34	22	1	11	Нарушение закона (41%), городское хозяйство (14%)	Администрация г. Вологда	77
						Мэрия г. Череповец	43
						Правительство Вологодской области	50
Псковская область	25	18	0	7	Нарушение закона (24%), городская сфера (20%)	Управление Роспотребнадзора по Псковской области	94
						Гос. комитет Псковской области по жилищному надзору	100

¹⁰¹ Здесь приводятся данные из аналитических материалов, размещенных на платформе iGrajdantin.ru. URL: <https://igrajdantin.ru>.

Окончание таблицы 4.1.3

Регион, город	Всего заявок	Статус заявки			Категории проблем	Адресат заявки	% выполненных заявок
		Выполнено	В работе	Открыто			
Новгородская область	54	41	4	9	Нарушение закона (35%), дороги (26%)	Управление Роспотребнадзора по Новгородской области	94
						Администрация г. Великий Новгород	75
						Правительство Новгородской области	78
Республика Карелия	49	37	0	12	Нарушение закона (16%), социальная сфера (14%)	Администрация Петрозаводского городского округа	94
						Правительство Респ. Карелия	75
						Гос. комитет Респ. Карелия по ЖКХ	66
Республика Коми	51	40	3	9	Дороги (22%), городское хозяйство (18%), нарушение закона (16%), социальная сфера (16%)	Администрация МО городской округ Сыктывкар	81
Ленинградская область	196	153	7	46	Городское хозяйство (26%), нарушение закона (19%), дороги (17%)	Администрация Тихвинского р-на	100
						Администрация г. Всеволожска	85
						Администрация Тосненского р-на	73
Санкт-Петербург	1562	1202	58	302	Городское хозяйство (24%), транспорт (21%), нарушение закона (18%)	Администрация г. С.-Петербург	79
						Гос. жилищная инспекция г. С.-Петербург	91
						Гос. административно-техническая инспекция г. С.-Петербург	52
						Администрация Выборгского р-на г. С.-Петербург	84
Калининградская область	34	22	1	11	Нарушение закона (29%), городское хозяйство (12%), дороги (9%), социальная сфера (9%)	Администрация городского округа Калининград	79
Мурманская область	25	12	1	12	Дороги (32%), городское хозяйство (24%)	Администрация г. Апатиты	67
						Правительство Мурманской области	33
Источник: составлено авторами по данным проекта iGrajdanin (https://igrajdanin.ru/).							

Статистика аналогичного проекта Администрации Вологодского района «Заяви о проблеме» (<https://zayavioprobleme.ru/>) показывает цифры, которые на порядок больше. С начала 2020 г. поступило 799 обращений от 230 жителей района, успешно решено 779 проблем. Конверсия размещенных проблем в решенные достигает 97%. Граждане более активно используют сервисы регионального уровня и инициированные органами региональной и муниципальной власти, что обеспечивает большую скорость и вероятность решения проблем. В условиях роста конкуренции за аудиторию в Интернете между гражданскими и государственными акторами вторые подкрепляют свое положение институционально при помощи нормативно-правовой базы. Нормативно-правовое регулирование обеспечивает обратную связь между учреждениями власти и гражданами, что усиливает позиции релевантных государственных площадок.

Следует отметить и такую особенность рассматриваемых онлайн-сервисов, как использование их гражданами с целью жалоб на проблемы, хотя они одновременно могут выдвигать свои инициативные проекты. Возьмем для примера сервис для подачи обращений «Российская общественная инициатива». Ресурс создан для обсуждения предложений граждан России по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Насколько эффективен этот механизм гражданского участия? К настоящему времени на сайте www.roi.ru граждане подали более 39 тысяч инициатив. Из 27 инициатив, по которым властью приняты решения, 14 набрали свыше 100 тысяч голосов «за»¹⁰². На том же сайте «Заяви о проблеме» числится только 9 предложенных идей о благоустройстве.

Таким образом, в сфере вертикального взаимодействия мы отмечаем конкуренцию акторов (активистов и органов власти) и реактивный характер запросов, размещенных на созданных властными структурами ресурсах, т.е. явно выраженные патерналистские установки населения.

Теперь обратимся к анализу инициативного горизонтального коммуницирования между гражданами. Для социальной мобилизации, кооперации и социальной поддержки используются краудсорсинговые и краудфандинговые платформы, ресурсы социальных сетей. Однако краудсорсинговые и краудфандинговые платформы, сервисы для координа-

---

¹⁰² Активно пользуются ресурсом молодежь и мужчины: 27% пользователей www.roi.ru – граждане в возрасте до 24 лет; 46% составляют люди 25-34 лет; 11% – от 35 до 44 лет; старше 45 лет – 17%. Среди пользователей 77% мужчин. Источник: Российская общественная инициатива: отчет Фонда информационной демократии. URL: <https://www.f-id.ru/description/projects/rossijskaya-obshestvennaya-initciativa/>

ции гражданской деятельности ещё менее востребованы гражданами, чем инициированные активистами онлайн-каналы для взаимодействия с органами власти. Так, сервисы платформы iGrajdaniin «Вместе» и «Инициативное бюджетирование» не активны (на ресурсе размещены 3 проекта в первом случае и ни одного во втором). Хотя для создания этих инструментов по программе президентских грантов было выделено 8,2 млн руб. в 2018-2019 гг. Другой вид ресурсов – интернет-сервисы для организации волонтерской деятельности – среди регионов СЗФО наиболее активно используется в Республике Карелия, в которой на июнь 2020 года доступна информация для волонтеров по 24 проектам; тогда как в Вологодской области – 7 проектов, Новгородской – 4, Ленинградской – 6, Республике Коми – 17, Санкт-Петербурге – 16, Псковской области – 12 проектов¹⁰³.

В отличие от платформ, предполагающих значительную роль участия власти в процессе обсуждения проблем, социальные сети являются площадкой, существующей за счет пользовательского контента и с возможностями кооперации различных групп для совместных действий, прямой связи с экспертами в решении социальных проблем. Каждый сетевой пользователь – равноправный и независимый инициатор коммуникации, информационный источник, транслятор собственного мнения, участник дискуссий и обсуждений, а также реципиент информации [Володенков, 2016].

Сообщества в социальных сетях, посвященные проблемам создания комфортной городской среды, различаются по количеству участников, их активности в сетях, результативности деятельности. Количество участников группы и их активность зависят не только от тематики сетевого сообщества, но и усилий, прилагаемых коммуникаторами. Так, общественное движение инициативных граждан за улучшение качества городской среды «Красивый город» представлено такими разными группами, как «Красивый Петербург» (около 63 тыс. участников) и «Красивый Псков» (170 участников; табл. 4.1.4). Пик активности в большинстве групп приходится на 2016 год, когда создавались региональные движения. Общественные движения ставили себе задачи сформировать запросы граждан на комфортную среду, для чего были задействованы различные платформы (кроме социальных сетей информация дублировалась на специально созданных сайтах). Однако поддержание интерактивного характера коммуникаций требует усилий со стороны коммуникатора и реципиентов. Из 8 групп, представленных в таблице 2, в настоящее время действуют лишь половина, еще

---

¹⁰³ Волонтеры. URL: <https://dobro.ru/>

одна группа размещает на своей странице только рекламные посты. Деятельность прекратилась и на других платформах, действующими остались два сайта: «Красивый Петербург» и «Красивый Калининград». Недлительный период жизни трех групп («Красивый Псков», «Красивый Череповец», «Красивый Новгород») от 3-х месяцев до полугода подтверждает тот факт, что в гражданском участии среди гражданского участия преобладают краткосрочные практики акционного характера.

Таблица 4.1.4 – **Сведения о региональных группах общественного движения «Красивый город», размещенных в социальной сети Вконтакте**

Наименование сообщества	Кол-во участников	Активность коммуникаторов		Дополнения
		Характеристика группы	Кол-во постов	
Красивый Петербург	62800	Действующая	7–8 еженедельно	Более 14 тысяч сообщений в обсуждениях. Высокая активность коммуникаторов и реципиентов.
Красивый Череповец	709	Последние посты от 2017 года	Один пост в несколько месяцев	Выкладывалась информация о решенных проблемах.
Красивый Новгород	478	Последние посты от 2016 года	5 постов в неделю	Более половины постов об опыте других городов, в обсуждениях за время работы группы 6 сообщений
Красивая Вологда	310	Действующая	Несколько постов в месяц	Информация в постах по городским проблемам. В обсуждениях 14 сообщений. В голосованиях на странице группы принимает участие в среднем более 300 участников. Прямые обращения к мэру и Администрации города о проблемах.
Красивый Псков	170	Регулярные посты от 2016 года, далее 1 пост в год	5 постов в неделю	Группа активно существовала с октября по декабрь 2016 года.
Красивый Калининград	526	Действующая	7–8 постов в неделю	18 сообщений в обсуждениях. Представлена информация о мероприятиях, направленных на улучшение качества жизни жителей города.
Красивая Ленобласть	3145	Действующая	5–6 постов в неделю	Часть материалов об общих вопросах областной жизни. Обсуждения не открыты.
Красивая Коми	113	Псевдодействующая	Один-два поста в месяц	Пик активности на 2013 год. В настоящее время размещается только реклама.
Источник: составлено авторами по данным, размещенным в социальной сети Вконтакте (Красивый Петербург - https://vk.com/peterburg_krasiv , Красивый Череповец - https://vk.com/cherepovets_krasiv , Красивый Новгород - https://vk.com/novgorod_krasiv , Красивая Вологда - https://vk.com/vologda_krasiv , Красивый Псков - https://vk.com/pskov_krasiv , Красивый Калининград - https://vk.com/kaliningrad_krasiv , Красивая Ленобласть - https://vk.com/lo_krasiv , Красивая Коми - https://vk.com/komi_krasiva).				

Можно предположить ряд причин недолгого периода активности групп. Во-первых, в ряде их коммуникатор представлен в единственном числе, поэтому он должен обладать высокой мотивацией к гражданскому участию (как, например, в группе «Красивая Вологда»). Во-вторых, на размещенные проблемные посты должны быть представлены реакция со стороны властей или итоги обращения в органы власти и местного самоуправления, результаты акций. Иначе мы имеем ситуацию, когда призывы к действиям остаются без ответа со стороны населения. Так, обращение в социальных сетях «*27 апреля планируется городская акция (рабочее название ЧИСТЫЙ ГОРОД). Есть уникальный шанс не на словах, а на деле доказать, что в Пскове ЛЮДИ ещё остались. Инструменты и техника предоставляются. Что скажете? Активное комментирование приветствуется*» получило ноль комментариев и ноль репостов, а комментарий к посту-обращению к городским властям выражал сомнения в смысле подобной деятельности: «*Хочу перепостить, но не очень понимаю, как это приведет к цели*» (комментарий в группе «Красивая Коми»).

По высокой активности коммуникаторов и реципиентов мы можем выделить две группы: «Красивый Петербург» и «Красивый Калининград». Возможно, вклад этих общественных движений есть в том, что в рейтинге городов по качеству жизни, который составлен по данным опроса жителей городов по 11 показателям¹⁰⁴, самые высокие позиции у Калининграда (10 место) и Санкт-Петербурга (26-е). Остальные города Северо-Запада, участвовавшие в опросе, заняли места во второй половине первой сотни из двухсот городов: Череповец – 61-е, Петрозаводск – 65, Великий Новгород – 77, Вологда – 98, Мурманск – 99, Псков – 106-е. Два города Северо-Запада являются аутсайдерами рейтинга: Воркута (193 место) и Архангельск (188-е).

В таблице 4.1.5 приведен подсчет индекса общей активности участников групп по проблемам комфортной городской среды как суммы среднего количества лайков, репостов и комментариев. Можно выделить две группы с наиболее активной аудиторией и результативными акциями: «Красивый Петербург» и «Мы против свалки на Шиесе»¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ Полный рейтинг городов по качеству жизни в 2019 году // Домофонд. URL: https://www.domofond.ru/statya/polnyy_reyting_gorodov_po_kachestvu_zhizni_v_2019_godu/100546

¹⁰⁵ Борьба против строительства мусорного полигона на Шиесе не относится в полной мере к созданию комфортной городской среды, а скорее к экологическим практикам. Однако мы выбрали данную группу для сравнительного анализа, чтобы показать, что настоящий гражданский активизм результативен.

Таблица 4.1.5 – Оценка активности в социальной сети Вконтакте пользователей групп по проблемам комфортной городской среды

Наименование группы	Кол-во участников	Реакция на посты, размещенные в группе и посвященные проблемам создания комфортной городской среды			
		Среднее кол-во лайков	Среднее кол-во репостов	Среднее кол-во комментариев	Общая активность
Вологда-река	490	33	7	4	44
Открытая карта (СПб)	8359	5	0,7	1	6,7
Красивый Петербург	62792	143	19	15	177
Живой город	5877	9	2	1,8	13,8
Мы против свалки на Шиесе	14361	450	91	68	609
Движение Вместе	6121	34	10	4	48
За сквер на Ленинградской–Окружном шоссе	29	9	0,2	3	12,2
Комфортная городская среда Карелии	711	0,3	0,3	0,3	1
Комфортная городская среда Череповца	185	4	0,1	0,6	4,7
Комфортная городская среда Архангельской области	105	Отсутствуют посты по проблемам создания комфортной городской среды			0
Псков – город людей	134	0	0	0	0

Так, после долгих протестов местных жителей, к которым в социальных сетях и затем вживую присоединилось население из других регионов, проект по строительству мусорного полигона на Шиесе закрылся. При том, что движение против свалки на Шиесе натолкнулось на резкую негативную реакцию со стороны местных властей и было официально приравнено прокуратурой к экстремизму. В данном случае в условиях давления со стороны властей позиции гражданских активистов укрепились. В другом случае, когда также возникла угроза снизить качество жизни населения многоквартирных домов на Окружном шоссе (г. Вологда), население не нашло потенциал объединиться для отстаивания своих интересов. Хотя на стене группы «Движение ВМЕСТЕ» были размещены призывы к активным действиям (*«Отправляйте письмо, вот прямо от всех членов семьи! Распространяйте ролик. Приходите на встречу жителей в среду в 19 часов вблизи дома Окружное шоссе 17А.*

Вступайте в группу — vk.com/skver_na_okruzhnom и приглашайте родных, соседей, друзей и знакомых»), но из многоквартирных домов в группу вступило всего 29 участников, а комментарий под размещенным постом отражает реальную оценку ситуации: *«Не уверена, что что-то получится. Там ничтожно мало людей на собрание пришло. Не раскачать...»*¹⁰⁶. В обоих случаях мы можем отметить высокую активность коммуникаторов по созданию контента, информированию населения и призывам к активным действиям для отстаивания своих интересов, однако активность реципиентов сильно различается, что в свою очередь влияет на результативность акции. Поэтому, с одной стороны, анализ онлайн-практик подтверждает зависимость от активности и ответственности инициатора коммуникаций. С другой стороны, мы видим, что активность сетевого сообщества может играть основную роль в результативности гражданских действий.

Вовлечение в гражданское участие происходит за счет специфики онлайн-ресурсов в виде увеличения возможности получения и распространения информации, снижения структурных, нормативных и пространственно-временных ограничений, предоставления свободы для выражения собственного мнения. Вовлечение направлено на коллективную мобилизацию, координацию действий, социальную поддержку и усиливается при давлении со стороны власти. В свою очередь, гражданское участие выражается в возможности оказать влияние и давление на власть для удовлетворения запросов граждан. Отчуждение от гражданского участия проявляется в имитации деятельности в виде формальных и фейковых практик, слактивизма, преобладания реактивных практик над проактивными. Один из источников отчуждения – контроль гражданского участия со стороны правительственных учреждений путем создания конкурентоспособных ресурсов.

Таким образом, изучая интернет-активизм, мы неизбежно приходим к выводу, что данные формы гражданского участия значительно актуализируют позиции граждан. На примере регионального опыта можно утверждать, что такого рода интернет-участие повышает осведомленность людей, мобилизует их к участию в социально-политических офлайн-событиях, позволяет повысить качество жизни и комфортность среды проживания.

---

¹⁰⁶ Движение ВМЕСТЕ – Общественное правозащитное движение Вологодской области. URL: <https://vk.com/dvizhenievmete>

4.2. Роль интернет-пространства в формировании протестных настроений населения региона

Развитие цифровых технологий способствует проникновению Интернета во все сферы жизни, в том числе и в общественно-политическую деятельность. Современные информационные технологии являются новым способом политической коммуникации, расширяют возможности доступа граждан к информации и общению, значительно упрощают, ускоряют и облегчают взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами политического процесса: властью, обществом, социальными институтами.

Интерактивность, открытость, равенство и скорость передачи информации, отличающие интернет-коммуникации, провоцируют рост интереса к мобилизационным технологиям вовлечения граждан в коллективные действия, в том числе протестные [Ильичева, 2013]. Интернет и его производные сервисы предоставляют возможности поиска единомышленников и их объединения для обсуждения общих проблем, а также платформы для выдвижения требований властям по поводу решения этих проблем. При неудовлетворении требований Интернет позволяет быстро и массово вовлекать фактически не ограниченное (в том числе территориальными или социальными рамками) количество людей в протестную активность. Исследователи справедливо отмечают, что Интернет представляется инструментом, способным улучшить политическую коммуникацию и вовлекать активных граждан в массовые протестные действия [Гудошникова, 2015]. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что современные протесты могут быть рассмотрены как форма коллективных действий, организуемых с помощью инновационных способов мобилизации и актуализации протестного потенциала. Информационно-коммуникационные технологии при этом выступают главным инструментом в мобилизации и влияют на эффективность координации деятельности протестных выступлений [Соколов, 2019]. Известно, что особенностью современного периода в России является развитие не только реальных протестных выступлений, но и латентных форм протестной активности, которые также испытывают непосредственное воздействие новых информационных технологий.

Проблемам влияния интернет-технологий на политические процессы и роли Интернета и социальных медиа в политической мобилизации и протестных движениях посвящены многочисленные работы зарубежных и российских исследователей.

Среди современных зарубежных авторов можно назвать Р. Дэвиса [Дэвис, 2002], С. Колемана [Coleman, 2005], Б. Барбера [Barber, 2001], которые видели в новых технологиях ключ к росту прямой демократии и наделению граждан реальной властью. В работах А. Этциони [Etzioni, 1993], Г. Рейнгольд [Rheingold, 1991], С. Варда [Ward, 2003] уделяется внимание техническим возможностям Интернета, которые способствуют формированию социального капитала. П. Норрис [Norris, 2000], Р. Полат [Polat, 2005], Л. Вебер [Weber, 2003] рассматривали проблемы влияния Интернета на политическое участие.

Среди российских учёных, занимающихся изучением вопросов соотношения информационных технологий и гражданской активности, политического участия, в том числе и его неконвенциональных форм, можно назвать М. Грачева [Грачев, 2004], И. Мелюхина [Мелюхин, 1999], И. Кравченко [Кравченко, 2003], С. Туронка [Туронок, 2001], О. Реута [Реут, 2013], А. Девяткова [Девятков, 2012], А. Киселева [Киселев, 2007], С. Коновченко [Коновченко, 2003], О. Яницкого [Яницкий, 2012] и др.

В целом большинство исследований по данной проблематике основывается на изучении особенностей отдельных стран и межстрановом сравнении роли Интернета в протестах, более того, акцент делается на активных формах протестных выступлений. При этом мало внимания уделяется исследованию возможной взаимосвязи между латентными формами протеста, протестными настроениями населения и развитием интернет-технологий. Отсутствуют работы, посвященные определению роли интернет-коммуникаций в формировании потенциальной склонности людей к протестному участию на уровне регионов, что стало аргументом для проведения данного исследования.

В настоящем параграфе предпринята попытка проанализировать степень проникновения Интернета в информационно-коммуникационное пространство Вологодской области, а также установить наличие связи между протестными настроениями жителей региона и использованием Интернет-ресурсов, в том числе для участия в общественной жизни.

Анализируя влияние интернет-технологий на формирование и изменение протестных настроений населения, прежде всего следует оценить состояние и тенденции протестного потенциала Вологодской области в рассматриваемый период.

Для оценки протестного потенциала региона была использована методика, разработанная Всероссийским центром изучения обществен-

ного мнения¹⁰⁷. Информационно-эмпирической базой исследования стали результаты мониторинга общественного мнения, проводимого ВолНЦ РАН на территории Вологодской области¹⁰⁸. Согласно методике ВЦИОМ, были рассчитаны два индекса: индекс общественного протестного потенциала и индекс личного протестного потенциала. Индекс общественного протестного потенциала показывает, насколько вероятными жители области считают массовые акции протеста. Чем выше значение индекса, тем больше респонденты уверены в возможности прохождения массовых выступлений протеста в их населенном пункте¹⁰⁹. Индекс личного протестного потенциала показывает готовность жителей региона к участию в массовых акциях протеста. Чем выше значение индекса, тем больше респондентов декларируют готовность принять участие в протестах¹¹⁰.

Судя по нашим расчетам, данные показатели остаются на стабильно низких отметках: индекс общественного протестного потенциала в Вологодской области соответствует 35 пунктам, в России – 30 пунктам, индекс личного протестного потенциала – 34-м и 31 пункту соответственно. Это свидетельствует о преобладании отрицательных ответов на вопрос о возможности реальных протестных выступлений, а значит, о низком уровне протестного потенциала на территории страны и региона (табл. 4.2.1). В Вологодской области некоторый рост значений рассматриваемых индексов произошел в период с 2019 по 2020 г. на фоне пандемии COVID-19 (на 3 п., с 32 до 35 п. и с 31 до 34 п. соответственно).

---

¹⁰⁷ Протестный потенциал. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial>

¹⁰⁸ Мониторинг общественного мнения проводится ВолНЦ РАН 6 раз в год в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 3%.

¹⁰⁹ **Индекс общественного протестного потенциала** строится на основе вопроса «Как Вы считаете, могут ли в Вашем населённом пункте состояться массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни?». Ответу «Да и скорее да, чем нет» присваивается коэффициент 0,9, ответу «Нет и скорее нет, чем да» – 0,1, ответу «Не определились» – 0,5. Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 10 до 90.

¹¹⁰ **Индекс личного протестного потенциала** строится на основе вопроса «Если в Вашем городе / сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?». Ответу «Да и скорее да, чем нет» присваивается коэффициент 0,9, ответу «Нет и скорее нет, чем да» – 0,1, ответу «Не определились» – 0,5. Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 10 до 90.

Таблица 4.2.1 – **Индексы протестных настроений жителей Вологодской области, пунктов**

Варианты ответа	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Изменение (+/-) 2020 к 2019
Как Вы считаете, могут ли в Вашем населённом пункте состояться массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни? (в % от числа опрошенных)							
Да	21,3	19,6	22,2	22,5	21,1	23,0	+2
Нет	58,7	57,8	57,9	60,4	61,4	59,5	-1
Затрудняюсь ответить	20,0	22,6	19,9	17,1	15,5	17,5	+2
Индекс общественного протестного потенциала (в пунктах)	35,0	34,7	35,7	34,8	32,4	35,4	+3
Вы лично примете участие в массовых выступлениях? (в % от числа опрошенных)							
Да	19,0	20,6	18,6	18,2	17,5	21,5	+4
Нет	59,2	55,5	60,3	65,0	65,8	61,8	-4
Затрудняюсь ответить	21,8	23,9	21,1	16,8	14,7	16,7	+2
Индекс личного протестного потенциала (в пунктах)	33,9	36,0	33,3	31,3	30,7	34,1	+3
Источник: составлено авторами по: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.							

В распределении по социально-демографическим группам наиболее высокую склонность к участию в акциях протеста проявляют жители региона в возрасте до 55 лет (35%), имеющие высшее образование (36%), представители низкодоходной группы (35%), жители городов Вологды (39%) и Череповца (33%). В период с 2019 по 2020 г. в данных категориях наблюдался и наиболее заметный рост протестных настроений: в возрастной группе от 30 до 55 лет – на 3 п.: с 33 до 36 и с 32 до 35; в категории жителей области, имеющих высшее образование – на 5 п.: с 34 до 39 и с 31 до 36; среди тех, кто по самооценкам отличается низким уровнем материального достатка – на 3 и 4 п.: с 29 до 32 и с 31 до 35 (табл. 4.2.2). Подобные изменения могут быть связаны с нестабильной социально-экономической ситуацией в регионе, общей тревожностью в условиях пандемии COVID-19, которая негативно отразилась на динамике общественного мнения. Определённый дестабилизирующий эффект на настроения людей оказали и происходившие на фоне коронакризиса в стране и мире общественно-политические события, а именно протестные акции и массовые беспорядки в России и других государствах (Белоруссия, Армения). Подобные процессы негативно сказывались на социальном восприятии и самочувствии людей, вселяя определенные опасения по поводу возможности акций протеста и в других регионах страны [Дементьева, 2020].

Таблица 4.2.2 – **Индексы протестных настроений в разрезе социально-демографических групп населения Вологодской области, пунктов**

Социально-демографические группы		Индекс общественного протестного потенциала			Индекс личного протестного потенциала		
		2019	2020	Изменение (+/-) 2020 к 2019	2019	2020	Изменение (+/-) 2020 к 2019
Пол	Мужчины	34,4	35,8	+2	31,6	32,8	+1
	Женщины	34,8	35,1	0	31,5	31,8	0
Возраст	До 30 лет	37,0	37,7	+1	34,0	35,0	+1
	От 30 до 55 лет	32,8	36,2	+3	32,3	34,5	+3
	Старше 55 лет	32,5	33,7	+1	27,8	28,4	0
Образование	Среднее и н/среднее	33,5	33,1	-1	30,6	29,5	-1
	Среднее специальное	32,4	34,3	+2	31,3	32,1	+1
	Высшее и н/высшее	33,9	39,3	+5	30,6	35,5	+5
Доходные группы	20% наименее обеспеченных	28,9	31,5	+3	30,6	34,8	+4
	60% средне-обеспеченных	35,0	35,8	+1	30,5	30,8	0
	20% наиболее обеспеченных	38,3	35,1	-3	31,9	29,9	-2
Территории	Вологда	47,7	48,8	+1	37,8	38,5	+1
	Череповец	38,3	37,4	-1	33,3	33,2	0
	Районы	24,9	26,6	+2	27,0	28,4	+1

Источник: составлено авторами по: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

В целом протестный потенциал жителей Вологодской области находится на низком уровне. Несмотря на внешне спокойную и стабильную ситуацию, в региональном социуме накапливается социальное недовольство, которое при определенных условиях может перерасти в активные протестные выступления.

Обобщив выводы многочисленных исследований, посвященных взаимодействию web-технологий и протестной активности населения, можно выделить ряд показателей, которые следует использовать для выявления и оценки воздействия Интернета на распространение протестных настроений среди населения:

- охват сетью Интернет как можно более широкой аудитории пользователей;
- уровень доверия онлайн-каналам;
- использование Интернета в качестве источника информации.

Рассмотрим, как проявляются эти показатели в региональном сообществе, используя статистическую и социологическую информацию.

По данным официальной статистики, в Вологодской области, как и в России в целом, в период с 2015 по 2019 г. наблюдается тренд на существенное увеличение использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (табл. 4.2.3). Так, доля домохозяйств региона, имеющих доступ к сети Интернет, выросла на 7 п.п., с 63 до 70% (в России – на 5 п.п.), широкополосный доступ – на 8 п.п., с 62 до 70% (в России – на 7 п.п.). Наиболее существенный скачок наблюдается в сегменте использования мобильных устройств (мобильных телефонов, смартфонов и др.): аудитория таких интернет-пользователей увеличилась на 32 п.п., с 27 до 59% соответственно (в России – на 25 п.п.).

Таблица 4.2.3 – **Домашние хозяйства РФ и Вологодской области, имеющие доступ к сети Интернет**, в % от общего числа домашних хозяйств

Показатель		2015	2016	2017	2018	2019	Изменение (+/-) 2019 к 2015
Доступ к сети Интернет	Россия	72,1	74,8	76,3	76,6	76,9	+4,8
	Вологодская область	62,9	66,1	70,4	70,4	70,3	+7,4
из него широкополосный доступ	Россия	66,8	70,7	72,6	73,2	73,6	+6,8
	Вологодская область	61,7	64,6	67,3	69,3	69,9	+8,2
Доступ к сети Интернет с использованием мобильных устройств (мобильные телефоны или смартфоны, устройства для чтения электронных книг, КПК)	Россия	41,4	48,9	56,0	61,9	65,9	+24,5
	Вологодская область	27,0	35,3	47,3	54,5	58,7	+31,7
Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: https://vologdastat.gks.ru							

Судя по результатам социологического мониторинга ВолНЦ РАН, в Вологодской области в период с 2015 по 2020 г. доля интернет-пользователей выросла на 5 п.п., с 67 до 72% (табл. 4.2.4). При этом существенно увеличилась частота использования сети: доля тех, кто выходит в Интернет практически ежедневно, увеличилась на 11 п.п., с 41 до 52%. Основными местами использования сети Интернет являются дом и работа, причем удельный вес пользователей домашнего Интернета возрос на 10 п.п., с 57 до 67% соответственно.

Таблица 4.2.4 – **Использование жителями Вологодской области сети Интернет**

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Изменение (+/-) 2020 к 2015
Пользуетесь ли Вы лично (дома, на работе, в любых других местах) Интернетом?							
Да, пользуюсь	66,5	66,1	66,0	67,4	66,0	72,1	+5,6
Дома	56,9	50,0	55,3	58,3	59,5	66,6	+9,7
На работе	25,0	22,8	24,5	22,3	28,1	27,9	+2,9
В других местах	12,7	10,6	17,7	17,0	21,2	20,5	-0,7
Как часто Вы пользуетесь Интернетом?							
Практически ежедневно	41,2	45,0	44,6	44,9	46,8	52,4	+11,2
Несколько раз в неделю	16,1	14,2	13,8	15,0	12,6	13,2	-2,9
Несколько раз в месяц	6,2	5,3	7,1	5,5	5,5	4,2	-2,0
Эпизодически, но не менее 1 раза в полгода	1,0	0,9	1,2	0,7	0,5	0,4	-0,6
Не пользуюсь	31,1	32,6	27,1	30,5	33,7	27,9	-5,8
Источник: составлено авторами по: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.							

Интернет занимает второе место в рейтинге источников получения информации о политической и экономической жизни: в качестве информационного ресурса его использует каждый второй житель региона (50%; табл. 4.2.5). В 2020 г. по сравнению с 2015 г. востребованность Интернета возросла (на 7 п.п., с 43 до 50%), в то время как популярность других СМИ, особенно печатных, существенно снизилась. На фоне роста популярности возрос и уровень доверия Глобальной сети (37% в 2020 г. против 31% в 2015 г.), что особенно заметно в условиях падения доверия другим средствам массовой информации.

Таблица 4.2.5 – **Интернет как источник информации, в % от числа опрошенных**

Варианты ответа	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Из каких источников Вы получаете информацию о политической и экономической жизни..?</i>						
Телевидение	86,8	78,9	79,7	82,7	79,0	82,9
Интернет	43,2	41,6	43,9	48,4	46,8	50,3
Газеты	38,9	37,6	36,0	34,8	33,7	28,1
Радио	24,3	22,7	24,0	22,6	20,4	17,0
Журналы	11,7	9,6	8,2	9,0	8,4	6,2
<i>Какому источнику информации о политической и экономической жизни страны Вы доверяете? (вариант ответа «полностью и в основном доверяю»)</i>						
Телевидение	52,7	56,7	53,4	57,1	49,9	46,2
Интернет	31,2	34,7	37,5	36,9	32,3	36,9
Газеты	36,9	45,6	43,6	46,4	40,1	35,4
Радио	31,6	37,3	35,7	39,3	34,1	26,0
Журналы	23,7	27,3	28,5	28,7	25,6	20,9
Никаким	22,2	16,9	20,5	20,5	19,7	18,7
Источник: составлено авторами по: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.						

Итак, в регионе фиксируется достаточно высокий уровень интернет-вовлеченности населения. Динамика этих показателей соответствует общероссийским тенденциям, при этом темпы роста интернетизации заметно выше, чем в среднем по стране.

Как было указано выше, широкое распространение электронных средств массовой коммуникации влияет на формирование и изменение социальных настроений. Данные мониторинга общественного мнения позволяют охарактеризовать категорию жителей области, проявляющих протестные настроения, с точки зрения их отношения к Интернету как источнику информации, проанализировать цели, частоту использования интернет-ресурсов, а также оценить склонность к участию в общественно-политической жизни с помощью Интернета. Подобное исследование позволяет сделать заключение о том, является ли Интернет предиктором протестного потенциала территории, какую роль играют новые технологии в формировании и изменении протестных настроений, выступает ли Интернет средством привлечения населения к участию в протестных мероприятиях.

По результатам проведенного нами исследования, около 50% жителей области, проявляющих протестные настроения, регулярно пользуются Интернетом (табл. 4.2.6). Однако удельный вес тех, кто совсем им не пользуется, значителен: 26% среди допускающих вероятность массовых протестов и 28% среди высказывающих готовность принять в них участие. В 2019-2020 гг. существенных изменений в регулярности использования Интернета в обеих группах не наблюдается. В группах «протестующих» этот показатель соответствует среднеобластным данным (52%).

Таблица 4.2.6 – **Как часто Вы пользуетесь Интернетом?**, в % от числа опрошенных

Варианты ответа	Как Вы считаете, могут ли в Вашем населённом пункте состояться массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни?		Вы лично примете участие в массовых выступлениях?		Среднее по области	
	Могут состояться		Приму участие		2019	2020
	2019	2020	2019	2020		
Практически ежедневно	53,3	52,0	50,2	46,9	46,8	52,4
Несколько раз в неделю	15,0	15,9	14,8	17,7	12,6	13,2
Несколько раз в месяц	4,2	3,6	5,1	4,9	5,5	4,2
Эпизодически, но не менее 1 раза в полгода	0,0	0,3	0,7	0,8	0,5	0,4
Не пользуюсь Интернетом	27,5	25,8	29,0	27,6	33,7	27,9
Затрудняюсь ответить	0,0	2,3	0,3	2,1	0,8	1,8

Источник: составлено авторами по: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Большинство тех, кто декларирует возможность «общественного» и «личного» протеста, не принимали участия в общественно-политической жизни с помощью Интернета в последние 12 месяцев (74 и 72%; табл. 4.2.7). При этом отмечающие вероятность массовых акций протеста чаще обсуждали конкретные общественные проблемы в форумах, чатах, конференциях (8%) и размещали или распространяли информационные материалы, касающиеся какой-либо индивидуальной или общественной проблемы на персональной странице в Интернете, в блоге, на странице в социальных сетях (9%), тогда как те, кто намерен лично участвовать в протестных выступлениях, чаще подписывали петиции (в том числе онлайн), открытые письма, обращения по социально значимым проблемам (10%), комментировали новости на сайтах средств массовой информации (10%).

Таблица 4.2.7 – **Участвовали ли Вы в течение последних 12 месяцев в общественно-политической жизни с помощью Интернета? Если да, то как именно?**, в % от числа тех, кто пользуется Интернетом*

Варианты ответа	Как Вы считаете, могут ли в Вашем населённом пункте состояться массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни?		Вы лично примете участие в массовых выступлениях?	
	Могут состояться		Приму участие	
	2019	2020	2019	2020
Обсуждал(а) конкретные общественные проблемы в форумах, чатах, конференциях	14,8	8,0	12,3	5,1
Размещал(а) или распространял(а) информационные материалы, касающиеся какой-либо индивидуальной или общественной проблемы на персональной странице в Интернете, в блоге, на странице в социальных сетях	10,2	9,4	10,0	6,8
Подписывал(а) петиции (в том числе онлайн), открытые письма, обращения по социально значимым проблемам	5,9	6,7	15,2	10,2
Комментировал(а) новости на сайтах средств массовой информации	8,6	6,3	12,8	10,2
Использовал(а) онлайн-сервисы, мессенджеры или приложения для смартфонов для доведения до властей общественных проблем (например, «Убитые дороги», «Российская общественная инициатива» и т.п.)	15,6	5,8	3,8	2,3
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0
Не участвовал(а)	62,5	73,7	63,5	71,6
Источник: составлено авторами по: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.				

Среди жителей, проявляющих протестные настроения, Интернет является, как и в среднем по области, одним из наиболее популярных источников получения информации о политической и экономической жизни (после телевидения). При этом в 2020 г. по сравнению с 2019 г. востребованность интернет-информации заметно возросла: на 6 п.п. (с 48 до 54%) в группе тех, кто считает вероятными акции протеста; на 7 п.п. (с 42 до 49%) в группе тех, кто не исключает возможности личного участия в протестных выступлениях (рис. 4.2.1). Это может быть обусловлено ростом уровня доверия к сети Интернет как источнику информации. Так, доля «полностью и в основном доверяющих» возросла в группе сторонников «общественного» протеста на 11 п.п. (с 40 до 51%); «личного протеста» – на 7 п.п. (с 46 до 53%; рис. 4.2.2). Причем в группах «протестующих» показатели доверия информации, получаемой из сети Интернет, существенно выше, чем в среднем по области (37%).

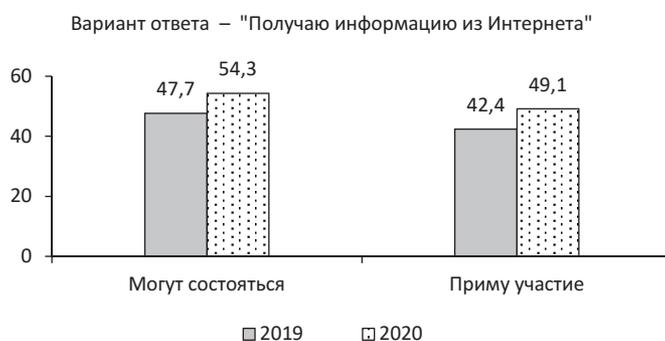

Рисунок 4.2.1 – Из каких источников Вы получаете информацию о политической и экономической жизни?

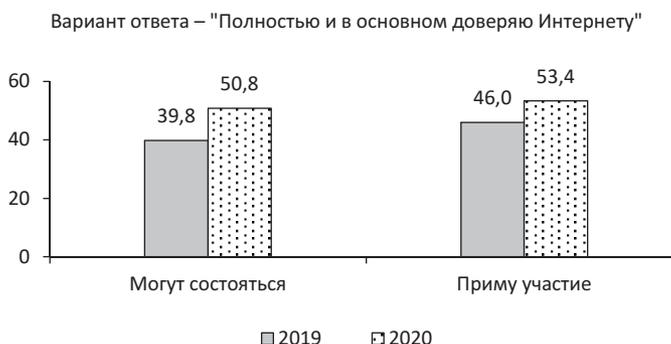

Рисунок 4.2.2 – Какому источнику информации о политической и экономической жизни страны Вы доверяете?

Источник: составлено авторами по: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Как показали результаты проведенного нами исследования, в последние годы в стране и регионе наблюдается рост востребованности Интернета, в том числе на мобильных устройствах.

В Вологодской области определённые опасения вызывает латентная форма социального протеста, которая сохраняется на уровне 32-35%. Большинство её жителей, проявляющих протестные настроения, пользуются Интернетом (75%), а каждый второй делает это ежедневно (52%). Представители протестных групп характеризуются высокой востребованностью информации, предоставляемой электронными СМИ (50-54%), и высоким уровнем доверия данному каналу коммуникации (52-54%), к тому же в последние годы эти показатели заметно растут.

Судя по результатам мониторинга, основными формами участия «протестующих» в общественно-политической жизни с использованием Интернета являются обсуждение конкретных общественных проблем в форумах, чатах, конференциях, размещение информационных материалов, касающихся какой-либо индивидуальной или общественной проблемы, на персональной странице в Интернете, в блоге, на странице в социальных сетях, подписание петиций, обращений по социально значимым проблемам, комментарии новостей на сайтах. Однако к подобным практикам прибегают только 8–10% жителей области, склонных к участию в протестах. Большинство из них (72–74%) не используют Интернет для общественной активности. Это свидетельствует о том, что прямой связи между трендом развития интернет-вовлеченности в обществе и ростом протестных настроений не прослеживается [Магницкий, 2012].

Вместе с тем, не являясь главным предиктором участия в протестах, Интернет может усиливать действие других предикторов, таких как неудовлетворенность населения собственным материальным благосостоянием и общей экономической ситуацией в стране и регионе, неодобрение деятельности властей, неуверенность в будущем и неопределенность перспектив. Поэтому для снижения социальной напряженности, сохранения социальной стабильности и общественного порядка деятельность государства должна быть направлена на обеспечение эффективности социальной политики в целях повышения уровня и качества жизни населения.

4.3. Российский и зарубежный опыт применения информационно-коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций

Современный период развития общества характеризуется тем, что традиционные материальные ресурсы постепенно утрачивают свое первоначальное значение и на смену им приходят информационные ресурсы, технологии [Суворова, 2018]. Развитие современных коммуникационных технологий и массовое внедрение Интернета в жизнедеятельность общественных структур современных государств не могло не затронуть некоммерческие организации. С одной стороны, некоммерческие (общественные) организации являются неотъемлемой частью экономики, предоставляя общественно полезные услуги в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении, культуре и в прочих отраслях социальной сферы [Кулькова, 2017]. Подобные организации имеют значение для повышения качества жизни населения не только из-за оказания ценных услуг и социального воздействия, но и потому, что они являются работодателями и выступают генераторами заработной платы [Salamon, Newhouse, 2019], что способствуют экономическому росту любой страны. С другой стороны, некоммерческие организации артикулируют «интересы людей, активных членов общества, объединяющихся на основе своих интересов и укрепляющие нормы сплоченности, взаимопомощи, плодотворного сотрудничества и гражданской вовлеченности» [Ярская-Смирнова, Бодрова, 2021, с. 53]. Участие в НКО расширяет возможности граждан в выражении своих потребностей и интересов, а также в применении своих навыков и знаний в решении социальных проблем. Наиболее распространенные формы участия в НКО – добровольчество, финансовые пожертвования и членство в общественных объединениях [Gillespie, 2017].

Для НКО использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) является возможностью укрепления внутренних систем и вовлечения внешних заинтересованных сторон в свою деятельность, обеспечение конкурентоспособности продукции и услуг.

Большая часть текущих исследований по проблемам внедрения ИКТ сосредоточена на коммерческих компаниях и их действиях по покупке и продаже товаров, расходных материалов и услуг, обслуживанию клиентов, обработке платежей, управлению производством, сотрудничеству с деловыми партнерами, обеспечению информационной безопасности и др. [Мизякина, 2017, Усков, 2020]. Меньше внимания уделяется другим организационным формам, таким как некоммерческий сектор [Pinho, Macedo,

2006], который играет важную роль в жизни общества и непосредственно включен в интернет-коммуникации с потребителями услуг, населением, партнерами, но со свойственными ему особенностями. Проблемы внедрения и применения информационно-коммуникационных технологий в деятельности НКО изучают отечественные ученые М.Г. Андреев, А.Е. Белянцев, А.В. Лымар, О.И. Володина, А.А. Юрченко, Л.К. Плюснина и др. [Андреев, 2011; Белянцев, Ламыр, 2012; Володина, 2017; Юрченко, 2015; Плюснина, 2017]. В зарубежном научном дискурсе эта предметная область затронута в работах S. Pilemalm, B. Boles, P. Boeder, H. Mehraj, A. Bhat и др. [Pilemalm, 2018; Boles, 2013; Boeder, 2002; Mehraj, Bhat, 2014].

Актуальность проблематики обуславливается и данными международных организаций, занимающихся сбором статистической информации. Отметим, что Международный союз электросвязи (МСЭ ООН), являющийся официальным источником глобальных статистических данных в области ИКТ, осуществляет сбор, проверку и согласование статистических данных в области электросвязи/ИКТ примерно по 200 странам мира. По оценкам МСЭ, в 2019 году Интернетом пользовались 4,1 млрд чел., что на 5,3% больше, чем в 2018 году. В период с 2005 по 2019 год количество пользователей Интернета росло в среднем на 10% каждый год¹¹¹. Между тем, 93% населения мира живет в пределах досягаемости мобильного широкополосного доступа (или Интернета), немногим более 53% фактически пользуются Интернетом¹¹². По материалам ведущей в мире исследовательской компании «Gartner»¹¹³ в 2017 г. объем мирового рынка ИКТ составлял 3,5 трлн долл., а в 2018 г. – 4 трлн долл. Объем средств, глобально потраченных на ИТ, в 2022 г. достигнет 4,5 трлн долл. В структуре расходов на информационные технологии около 45% составляют расходы на информационные услуги [Варшавский, 2018].

Процесс активного использования ИКТ обусловлен проникновением Интернета и мобильных технологий во все сферы повседневной жизни и профессиональной деятельности людей [Груздева, 2017]. В 2018 г. пользователями Интернета в России в возрасте от 16 лет и старше являются 90 млн чел., что составляет около 75% взрослого населения страны, из них 61% пользуются Интернетом на мобильных устройствах (Исследование GfK: Тенденции развития Интернет-аудитории в России, 2018). Исследования показывают, что

---

¹¹¹ Measuring digital development Facts and figures 2019. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2019_r1.pdf

¹¹² Там же.

¹¹³ «Gartner» – исследовательская и консалтинговая компания, специализирующаяся на рынках информационных технологий.

Россия располагается в группе стран, в которых проникновение Интернета в жизнь общества находится на уровне «выше среднего» [Груздева, 2020]. При этом число пользователей в России растёт с каждым годом (табл. 4.3.1).

Таблица 4.3.1 – Развитие интернет-аудитории в России в 2016–2018 гг.

Показатель/год/ед. изм.	2016 г.		2018 г.		Темп прироста* 2019 г. / 2016 г. в %
	абс., млн чел.	в % от взрослого населения	абс. млн чел.	в % от взрослого населения	
Количество пользователей Интернета 16+	84	71	90	75	7
Количество пользователей Интернетом на мобильных устройствах 16+	56	47	73	61	30
* Темп прироста определяется следующим образом: из показателей расчетного периода вычитают показатель базового периода, затем результат делят на показатель базисного периода и умножают на 100%. Источник: составлено авторами по данным: Исследование GfK «Тенденции развития Интернет-аудитории в России». URL: http://www.gfk.com					

Итак, распространение информационных технологий диктует свои правила коммуникации и для некоммерческих организаций.

При проведении анализа инструментов продвижения и внедрения ИКТ в некоммерческом секторе были использованы такие методы, как сравнительный анализ, обобщение, синтез, научная абстракция и пр. Информационная база исследования представлена данными международных социологических опросов и экспертного опроса руководителей НКО Вологодской области.

В 2018 году некоммерческая организация «Tech for Good and Public Interest Registry» опубликовала отчет «Global NGO Technology Report 2018»¹¹⁴, суммирующий последний опыт работы в цифровой среде НКО в 164 странах мира, на шести континентах. Основой отчета стал опрос, в котором приняло участие более 5350 НКО. Респонденты отвечали на вопросы об использовании в своей деятельности веб- и онлайн-коммуникаций, инструментов сбора средств, коммуникаций в социальных сетях, применения мобильных технологий и программного обеспечения (Global NGO Technology Report, 2018).

Результаты исследования показали, что подавляющее большинство НКО (92%) в мире располагают официальным сайтом, из которых 87% обладают версиями для мобильных телефонов. Следует отметить, что веб-сайт в Европе имеют уже 97% НКО.

¹¹⁴ Global NGO Technology Report 2018. URL: <http://techreport.ngo/wp-content/uploads/2018-Tech-Report-English.pdf>

Более половины НКО используют в качестве инструмента коммуникации электронную почту, 63% – регулярно отправляют обращения с просьбами по сбору средств благотворителям. Среднее число корреспондентов электронной почты: для малых НКО – 7 357, средних – 28 932 и крупных – 63 048.

Потенциал социальных сетей в качестве инструмента коммуникации признают во всем мире и с каждым годом их роль только увеличивается. Для НКО социальные сети или, как еще их часто называют, «социальные медиа» представляют широкий спектр возможностей, начиная с поиска волонтеров и заканчивая сбором необходимых ресурсов для проектов. По данным всё того же исследования «Global NGO Technology Report 2018», выделяются три самые распространенные платформы социальных сетей, используемые НКО: это «Facebook» (93%), профили «Twitter» (77%) и каналы «YouTube» (57%) (Global NGO Technology Report, 2018).

Один из вопросов исследования касался эффективности использования информационно-коммуникационных инструментов. Респондентам было предложено оценить набор инструментов по критериям эффективности. В результате ответы дали ценную информацию о том, каким инструментам должно уделяться первоочередное внимание при составлении маркетинговой стратегии НКО (табл. 4.3.2).

Таблица 4.3.2 – **Распределение ответов на вопрос «Каковы наиболее эффективные инструменты коммуникации и сбора средств для НКО?», в %**

Инструмент (технология)	Очень эффективный	Достаточно эффективный	Не очень эффективный	Неэффективный
Официальный сайт	34	47	15	4
Подписки на обновление информации по электронной почте	32	50	14	4
Обращение по сбору средств через электронную почту	21	43	26	10
Текстовые сообщения	11	21	31	37
Мобильные пожертвования	7	20	31	42
Применение фандрайзинга	23	33	21	23
Социальные сети	33	45	17	5
Мобильные приложения для обмена сообщениями	10	25	29	36
Видео-контент	32	40	16	12
Реклама в поисковых системах	15	34	28	24
Реклама в социальных сетях	20	41	22	17
Информационные бюллетени	16	38	25	21
Годовые отчеты в печатных изданиях	20	42	25	12
Источник: Global NGO Technology Report 2018. URL: http://techreport.ngo/wp-content/uploads/2018-Tech-Report-English.pdf				

Данные таблицы позволяют выделить наиболее и наименее эффективные инструменты. К первым относятся подписки на обновление информации по электронной почте (82%), официальные сайты (81%) и социальные сети (78%). Следует сказать, что представители НКО отмечают важность видео-контента: к эффективному инструменту его причисляют 72% опрошенных. Ко второй группе, наименее результативным инструментам, представители НКО отнесли технологии, которые реализуются посредством мобильного телефона. Это текстовые сообщения, мобильные пожертвования и приложения для обмена сообщениями. Можно предположить, что осторожное отношение НКО к мобильным технологиям вызвано частыми случаями телефонного мошенничества и дороговизной создания мобильных приложений.

В России, по информации Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ, в 2015 году только 6% некоммерческих организаций осуществляли массовые почтовые и 7% – электронные рассылки писем с просьбой сделать пожертвование. В первую очередь рассылки используются фондами и организациями, направление деятельности которых связано со здравоохранением [Корнеева, 2016]. Электронную почту для сбора средств в мире используют 63% НКО, что в 9 раз больше, чем в России. Следует учитывать, что эффективность использования этого инструмента оценивается мировым сообществом НКО как самая высокая.

Вологодским научным центром РАН в 2017 г. проведен экспертный опрос представителей некоммерческих организаций, расположенных в городских округах, городских поселениях и иных муниципальных образованиях, в котором участвовали 35 НКО [Косыгина, 2018, с. 113]. В ходе опроса были изучены некоторые аспекты использования в их работе ИКТ.

Исследование показало, что основной онлайн-инструмент, который содержит наиболее полную информацию об НКО для партнеров и населения, – официальный сайт организации. Его возможности как канала коммуникации являются одними из самых обширных. Если в мире располагают своим официальным сайтом 92% НКО, то в Вологодской области – только 54%, а не располагают собственным сайтом 34% НКО (рис. 4.3.1). Причиной может служить отсутствие специалиста, владеющего навыками создания содержательного, уникального сайта, со своевременно поступающей новостной информацией о деятельности НКО, с удобной навигацией и современным дизайном, либо отсутствие финансовой возможности отдать эту деятельность на аутсорсинг.

Рисунок 4.3.1 – **Распределение ответов руководителей НКО на вопрос «Есть ли у Вашей организации официальный сайт?»**

Источник: экспертный опрос руководителей НКО Вологодской области, 2017 г., N=35.

В рамках исследования задавался вопрос о представительстве НКО в социальных сетях. Результаты опроса показывают: подавляющее большинство НКО в регионе активно используют социальную сеть «VKontakte» – 83%; «Facebook» пользуются 31% НКО, что не удивительно, так как большинство пользователей Рунета предпочитают «VKontakte» – 46,6 млн чел., на втором месте «Facebook» – 21,6 млн чел., на третьем «Instagram» – 12,3 млн чел. («Instagram» не был включен в исследование НКО по Вологодской области: Исследование GfK «Тенденции развития Интернет-аудитории в России», 2018.

Такие ресурсы, как «Twitter», «LifeJournal» и «YouTube», используются в работе НКО области скорее пассивно или организация на данных платформах вообще не представлена (таблица 4.3.3).

Таблица 4.3.3 – **Распределение ответов руководителей НКО на вопрос «Насколько активно Ваша организация представлена в следующих социальных сетях?», в %**

Вариант ответа	Facebook	Twitter	LifeJournal	YouTube	VKontakte	Другие социальные сети
Очень активно	11,4	2,9	0,0	5,7	40,0	0,0
Активно	20,0	2,9	2,9	8,6	42,9	2,9
Скорее пассивно	5,7	8,6	2,9	17,1	0,0	0,0
Пассивно	0,0	0,0	0,0	2,9	2,9	0,0
Не представлена	62,9	85,7	94,3	65,7	14,3	97,1

Источник: экспертный опрос руководителей НКО Вологодской области, 2017 г., N=35.

Следует отметить, что при планировании информационной политики руководству НКО необходимо учитывать изменения тенденций в использовании социальных сетей, которые в современных условиях происходят очень быстро. К примеру, сегодня на первый план выходит видео-контент. По данным американской транснациональной компании «Cisco» сегмент видео-контента вырастет в 15 раз и будет составлять к 2022 году 13% всего интернет-трафика. Человеку потребуется более 5 миллионов лет, чтобы посмотреть то количество видео, которое будет транслироваться/размещаться пользователями во всемирной сети всего за месяц¹¹⁵. Преимущество для НКО в применении видео-контента состоит в социальной вовлеченности и возможности быстро реагировать на события. Пример: серии историй под хештегом #hashtagourstories, сделанных для социальной сети «Instagram». Под этим тегом люди из разных стран с помощью инструмента истории рассказывают о дискриминации, с которой ежедневно сталкиваются в своей жизни.

Можно предложить несколько шагов для российских НКО по использованию ИКТ для профессионального развития и оптимизации работы.

1. Организациям некоммерческого сектора при популяризации деятельности, привлечении добровольцев и продвижении товаров и услуг онлайн необходимо учитывать общие условия включенности населения в цифровое пространство. В то же время, реализуя социально значимые проекты и мероприятия, целесообразно оценивать территориальные особенности цифровизации, возможности потенциальной и целевой аудиторий.

2. Необходимо разрабатывать комплексную маркетинговую стратегию и план ее выполнения с упором на социальные сети и веб-сайт для внешних коммуникаций.

3. Следует поддерживать уже созданные и организовывать новые образовательные площадки по внедрению ИКТ в работу НКО на базе ресурсных центров. Положительный пример таких площадок в России – «Теплица социальных технологий» (г. Санкт-Петербург) – образовательный проект, направленный на развитие сотрудничества между некоммерческим сектором и IT-специалистами.

4. Требуется передавать информационное сопровождение на аутсорсинг ресурсным центрам, о которых говорится в пункте выше.

5. Блог должен быть одним из эффективных инструментов для отражения деятельности НКО. Примеры популярных платформ для создания

---

¹¹⁵ Global NGO Technology Report 2018. URL: <http://techreport.ngo/wp-content/uploads/2018-Tech-Report-English.pdf>

блогов – WordPress.com, Blogger.com и др. Очень важно учитывать, что большинство платформ имеют встроенные инструменты для измерения взаимодействий, посещений страниц. Мониторинг, выявление тенденций и последующее реагирование на них выступает перспективным направлением в развитии маркетинговых стратегий НКО.

* * *

Таким образом, гражданское участие в решении проблем регионального уровня представляет значимый ресурс социально-экономического развития территорий. Важнейший канал развития гражданского участия – консолидация возможностей коммуникации за счет расширения информационного пространства. Анализ влияния интернет-технологий на готовность регионального сообщества к гражданскому участию показал, что Интернет является значимым фактором в этой сфере. Среди респондентов, активно пользующихся Интернетом, значительно выше доля тех, кто готов включиться в работу некоммерческих организаций и инициативных групп, способствовать развитию своего города /села по различным направлениям.

Следует констатировать, что для развития гражданского участия регионального сообщества представляется своевременным активное использование информационных ресурсов. Исследование показало рост роли Интернета как ресурса общения и получения новостной информации, что обуславливает значимость общественного потенциала интернет-ресурсов.

Новые информационно-коммуникационные технологии являются значимым ресурсом, который можно использовать для формирования общественного мнения относительно возможности участия в протестных выступлениях. Интернет используется прежде всего как универсальная информационная платформа, которая позволяет практически беспрепятственно высказывать мнения и суждения, следить за протестными кампаниями, которые зачастую не освещаются на федеральных теле- и радиоканалах. Интернет и социальные сети выступают не столько фактором протеста, сколько инструментом для коммуникации, координации действий и обмена информацией о протестных действиях, служат информационно-коммуникационной площадкой, которая создает техническую возможность общественной дискуссии и облегчает организацию протестных настроений.

Распространение информационных технологий диктует свои правила коммуникации и для некоммерческих организаций. Международный опыт показывает, что интенсивность использования новых информационно-коммуникационных технологий в среде некоммерческих организаций приобретает глобальный характер. Онлайн-взаимодействие становится неотъемлемой частью повседневной деятельности НКО и предоставляет принципиально новые возможности для их работы.

По опыту использования информационных ресурсов некоммерческими организациями Россия существенно отстает от зарубежных стран. Отечественный некоммерческий сектор прилагает недостаточно усилий по применению возможностей Интернета. Более широкое присутствие российских НКО на интернет-площадках позволит обмениваться с коллегами из-за рубежа лучшими практиками в осуществлении проектов, получении финансирования и т.д., будет способствовать повышению доверия к НКО со стороны населения, государства и других институтов, созданию положительного образа НКО в сознании общественности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях экономических, политических и социальных проблем в России повышается роль поиска новых факторов развития, которые находятся не только в экономической, но и в социокультурной плоскости. В этой связи одним из ключевых направлений решения внутренних проблем страны и ее регионов становится развитие гражданского участия, нацеленного на улучшение условий жизни, и в первую очередь на уровне микросоциума. Значимость гражданского участия, сплоченности общества возрастает как на этапе качественных изменений, так и в кризисный период, связанный с главным мировым событием последних двух лет, определившим социально-политическую ситуацию, – пандемией COVID-19.

Цель настоящего исследования – изучение гражданского участия с учетом специфики форм его проявления в региональном пространстве, а также барьеров реализации и путей их преодоления. Научная новизна исследования определяется применением комплексного подхода, при котором одновременно рассматривается ассоциированное или институциональное гражданское участие, представленное прежде всего деятельностью НКО, и неформальное участие (деятельность инициативных групп, временные движения «одного требования», ситуативное добровольчество, благотворительность и т.д.). Основное внимание в работе уделено социальным практикам гражданского участия, осуществляемым при горизонтальном взаимодействии регионального сообщества в пространстве повседневности. Разработан социологический инструментарий комплексного измерения гражданского участия, который был апробирован на территории Вологодской области (посредством массового анкетирования; объем выборки составил 1900 человек).

Проведенное нами исследование позволило получить следующие выводы о региональных особенностях и барьерах развития гражданского участия в решении социально значимых проблем.

Ассоциированное гражданское участие, представленное деятельностью некоммерческих организаций, в настоящее время еще не получило должного общественного статуса и признания со стороны населения. Региональному сообществу присущи слабая информированность о работе НКО и невысокий уровень доверия к ним, вследствие чего являются низкими показатели реального гражданского участия в практиках данных организаций. Основные препятствия для включенности населения в их работу – недостаток времени и чрезмерная занятость. Люди не уделяют внимания труду на общественном поприще, так как вынуждены в условиях экономических трудностей заниматься извлечением доходов от дополнительной занятости, что можно расценивать как негативную тенденцию в процессах преодоления барьеров гражданского участия.

Интерпретации статистических данных позволила определить особенности развития некоммерческого сектора в регионах Северо-Западного федерального округа, и в частности в Вологодской области. Выявлена положительная динамика его функционирования в части оказания социальных услуг населению, обеспечения занятости и самозанятости в качестве добровольцев; растет его роль в развитии социальной инфраструктуры регионов. Таким образом, исследуемый сектор в современных условиях становится активным экономическим и социальным субъектом развития территорий. Однако на его устойчивости непосредственно сказываются кризисные периоды состояния экономики. В частности, во время пандемии COVID-19 социально ориентированные НКО оказались уязвимыми под влиянием принятых необходимых ограничительных мер, призванных остановить распространение вируса. В деятельности некоммерческого сектора в условиях ограничений и самоизоляции возникли барьеры организационно-финансового характера. Статистика показала существенное снижение объемов поступления денежных средств, количества СОНКО, численности их работников и добровольцев. В то же время, несмотря на активную политику по созданию условий для развития сектора, наблюдаются ограничения в бюджетных ассигнованиях, что влечет за собой ослабление материально-технической базы организаций и инфраструктурного обеспечения. В связи с этим назревает необходимость соответствующих преобразований, которые в первую очередь следует проводить в регионах.

Осуществлена научная систематизация мер государственной поддержки некоммерческих организаций в период активной фазы протекания пандемии коронавирусной инфекции в единый организационный

механизм. Проанализированы отдельные количественные показатели поддержки организаций некоммерческого сектора: льготные кредиты, субсидии на мероприятия по профилактике коронавирусной инфекции, освобождение от уплаты авансовых платежей и страховых взносов, результаты специального внеочередного конкурса Фонда президентских грантов по развитию гражданского общества. Анализ количественных показателей свидетельствует о востребованности государственных антикризисных мер со стороны организаций некоммерческого сектора. Установлено, что наряду с принятием государственных мер по преодолению трудностей, связанных с ограничительными мероприятиями, создан и частный механизм поддержки некоммерческих организаций за счет ресурсов бизнеса, рассмотренный в исследовании на примере деятельности благотворительных фондов.

Пандемия COVID-19 усилила развитие межсекторного взаимодействия при решении общих проблем. Опора на консолидацию и партнерство в сложных экономических условиях позволит некоммерческим организациям выбрать наиболее подходящие способы поддержания своей деятельности, что будет способствовать и повышению уровня реализации ассоциированной формы гражданского участия.

При обращении к анализу зарубежного опыта в деятельности НКО выявлены три ключевые особенности:

- 1) глокализация некоммерческого сектора – усиление роли местных сообществ;
- 2) экономизация сектора – в современных условиях некоммерческие организации выстраивают стратегию развития подобно бизнес-предприятиям;
- 3) некоторое снижение уровня гражданской активности и изменение структуры гражданского участия.

Европейские некоммерческие организации испытывают сложности с объемом и характером финансирования, инфраструктурными ограничениями, содержанием штата сотрудников и привлечением волонтеров. Сокращение финансовой поддержки со стороны государства и растущие требования потребителей услуг приводят некоммерческие организации к необходимости поиска дополнительных способов обеспечения устойчивости, требуют повышения профессионализма и усиления работы по формированию надежных связей с общественностью. Очевидно, что для этого третьему сектору необходимо поддерживать прозрачность рабочих

процессов, а также соблюдать компромисс между маркетизацией деятельности и следованием социальной миссии.

В качестве одного из потенциальных факторов современного развития выступает усиление роли гражданского общества в данном процессе, в т.ч. посредством интеграции добровольчества в национальные стратегии реализации Повестки-2030. На основе статистических и социологических данных рассмотрены особенности добровольческого движения в стране и регионе, которое, как выявлено, скорее носит ситуативный, чем регулярный характер. В целом государством созданы правовые условия для развития добровольчества на федеральном уровне, однако в регионах этот процесс находится в начальной стадии. При этом уровень включенности граждан в добровольческую деятельность растет. Выявлена зависимость участия в добровольческой деятельности от гендерной принадлежности, возраста граждан, типа населенного пункта. Анализ оценок жителей локального сообщества (на материалах г. Вологды Вологодской области) относительно различных аспектов развития добровольческой деятельности и готовности к ней показал, что, хотя и имеются негативные тенденции, население на местах демонстрирует значительный потенциал к подобному участию.

Как показал проведенный анализ, несмотря на признание обществом вклада волонтерства в решение социально значимых проблем, уровень его распространения в странах остается низким. Систематизация барьеров развития и технологий интенсификации диффузии волонтерства за рубежом и в России дала возможность определить, что необходимое условие для выстраивания наиболее эффективного механизма повышения уровня гражданского участия – это учет культурных ценностей и установок национальных социально-экономических систем. Проведенное нами исследование, показавшее значимость некоторых характеристик национальных культур в процессе вовлечения населения в волонтерскую деятельность, применительно к российскому контексту позволяет установить возможные направления его интенсификации, согласованные с культурной конструкцией страны. На локальном уровне приоритетным направлением является содействие развитию системы добровольчества через создание организационной модели деятельности добровольческого движения, формирование единой информационной базы данных добровольческих организаций и добровольческих акций, так как только организованное добровольчество может обеспечить расширение масштабов добровольческой деятельности и повышение ее результативности.

Как необходимо подчеркнуть, механизм преодоления барьеров, препятствующих развитию волонтерства в России, должен строиться на принципах его осознанного продвижения, посредством создания комплексной системы институтов, определяющих условия эффективной мобилизации волонтеров на системной основе и поддерживающих мотивацию населения участвовать в волонтерских практиках.

Исследование роли гражданского участия в развитии городской среды показало, что активность горожан легче направлять на те проекты, которые в наибольшей степени привлекают их внимание с точки зрения оценок качества городской среды. Для жителей крупных городов региона востребованы следующие направления деятельности общественных объединений в сфере развития городской среды: обустройство территории, защита интересов жителей, природоохранная деятельность, защита животных, организация досуга и культурной деятельности. Население районных центров менее активно в этих направлениях.

На сегодняшний день формирование социальных практик гражданского участия в развитии городской среды реализуется в двух направлениях: «снизу» – через опривычивание или «сверху» – как импорт социальных институтов. Государство, осознавая важность проблемы качества жизни, комфортной и безопасной городской среды, формализует и контролирует действия стейкхолдеров, что препятствует активизации населения. В качестве барьеров выступают также ситуации проведения публичных слушаний и общественных обсуждений на заключительном этапе градостроительного проектирования, когда все решения по развитию территории, как правило, уже приняты и согласованы, а значит, не могут быть принципиально изменены. Результаты проведения публичных слушаний и общественных обсуждений носят рекомендательный характер для местной власти и проектировщиков.

При отсутствии заинтересованности сторон в диалоге институты гражданского общества носят фантомный характер. Это обусловлено как позицией власти, так и природой данных институтов. Предполагается, что общественные объединения должны представлять интересы гражданского населения и активно вступать в диалог с властью, отстаивая их. Но создаваемые при поддержке власти (обычно грантовой) «пассивно-потребительские организации» максимально зависимы от государства и муниципальной власти. В силу указанных обстоятельств значительная часть институтов гражданского общества, формально существующих на региональном уровне, способны скорее имитировать публичные коммуникации с властью, чем реализовывать их.

Выпадение в процессе институционализации «сверху» ступеней «партнерство», «делегирование полномочий» также наводит на мысль о формальном и имитационном характере практик гражданского участия в городском развитии. Необходимо консолидировать усилия власти, которая декларирует заинтересованность в вовлечении граждан, и активистов, коллективные действия которых позволяют реализовать все ступени гражданского участия, отказавшись от положения, что институциональная и внеинституциональная арены противопоставляются друг другу.

В целом для повышения гражданского активизма в рамках взаимодействия общественности с властью необходимо создавать работающие на постоянной основе медиаторы, которые бы оценивали ситуации, формировали запросы граждан, обращались к власти; необходимо также формировать нормы обратной связи органов власти с гражданами по поводу их запросов, переданных в любом формате. В рамках горизонтального взаимодействия повышению результативности гражданского участия способствует перевод слактивистских практик в гражданские действия. Одним из механизмов преодоления барьеров гражданского участия может стать распространение положительного опыта вовлечения населения в городское благоустройство. Безусловно, накопленный активистами опыт способствует созданию гражданских инфраструктур, однако слабое вовлечение широких масс в социальные практики, отсутствие поддержки инициативных граждан со стороны населения может в дальнейшем оказать демотивирующее действие на процессы гражданского участия.

Важнейший канал развития гражданского участия – консолидация возможностей коммуникации за счет расширения информационного пространства. Анализ влияния интернет-технологий на готовность регионального сообщества к гражданскому участию показал, что интернет является значимым фактором в этой сфере. Среди респондентов, активно пользующихся Интернетом, значительно выше доля тех, кто готов включиться в работу некоммерческих организаций и инициативных групп, способствовать развитию своего города/села по различным направлениям.

Следует констатировать, что для развития гражданского участия регионального сообщества представляется своевременным активное использование информационных ресурсов. Исследование показало рост роли Интернета как ресурса общения и получения новостной информации, что обуславливает значимость общественного потенциала интернет-ресурсов.

Распространение информационных технологий диктует свои правила коммуникации и для некоммерческих организаций. Международный опыт показывает, что интенсивность использования новых информационно-коммуникационных технологий в среде некоммерческих организаций приобретает глобальный характер. Онлайн-взаимодействие, как неотъемлемая часть повседневной деятельности некоммерческих организаций, предоставляет принципиально новые возможности для их работы.

В сфере использования информационных ресурсов некоммерческими организациями Россия существенно отстает от зарубежных стран. Отечественный некоммерческий сектор прилагает недостаточно усилий по применению возможностей Интернета. Более широкое присутствие российских некоммерческих организаций на интернет-площадках позволит обмениваться с коллегами из-за рубежа лучшими практиками в осуществлении проектов, получении финансирования и т.д., будет способствовать повышению доверия к НКО населения, государства и других институтов, созданию положительного образа этих организаций в сознании общественности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское общество в российских регионах / М.К. Акимова, И.Г. Брызгалова, Т.А. Гужавина и др. – Новосибирск, 2015. – 138 с.
2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / пер. с англ.: Г.К. Ольховиков // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–40.
3. Алешина Е.П. Анализ особенностей использования урбанизированной территории Рязани в целях оптимизации характеристик комфортности среды: дисс. канд. геогр. наук. – Рязань, 1999. – 155 с.
4. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
5. Амбарян Т.Р. Общественный информационный портал: задачи и принципы функционирования // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции. – СПбГУ, 2005. – С. 124–126.
6. Андреев М.Г. Проблемы взаимоотношений СМИ и НКО // Вестник Чебоксарского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3 (11). – С. 22–26.
7. Анипкин М.А. Понятие «доверие» и «социальный капитал» в исследовании социальных процессов // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 9. – С. 77–79.
8. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2015. – № 2. – С. 22–31.
9. Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: «Общественные науки». – 2009. – № 4 (70). – С. 92–98.
10. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства

ства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 443–462.

11. Ануфриева Е.М. Особенности предоставления государственной помощи малому и среднему предпринимательству из пострадавших отраслей экономики в связи с пандемией COVID-19 // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – № 4 (32). – С. 31–34.

12. Артамонова А.С. Волонтерство в условиях пандемии: основные тенденции // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы VI междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 29 марта – 2 апреля 2021 г.): в 2-х частях. Ч. 2. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. – С. 171–175.

13. Артамонова А.С. Роль некоммерческих организаций в социальной сфере региона (на примере здравоохранения) // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2019. – № 11 (181). – С. 24–73.

14. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6 (48). – С. 110–125.

15. Бабинцев В., Гармашев А., Ушамирская Г. Стратегия устойчивого развития региона и улучшение качества жизни населения // Стандарты и качество. – 2003. – № 2. – С. 42–45.

16. Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А. Публичные коммуникации власти и общества в регионе: проблемы и возможности конструктивных изменений // Власть. – 2018. – № 4. – С. 7–15.

17. Базуева Е.В. Особенности формирования и использования человеческого капитала в условиях цифровизации экономики // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: мат-лы национ. (всеросс.) науч.-практ. конф. (г. Орел, 8 ноября 2018 г.). – Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2018. – С. 469–473.

18. Базуева Е.В. Система институтов гендерной власти в экономике России: основы теории и методологии. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. – 456 с.

19. Батьянова Л.Н. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов: мат-лы II Байкальского научного социологического симпозиума. – 2015. – С. 177–186.

20. Белянцев А.Е., Лымар А.В. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6-1. – С. 284–288.

21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ.: Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

22. Блонин В.А. Ивашиненко Н.Н., Стрелков Д.Г. Проблемы и перспективы развития гражданского общества в Нижегородской области: интеграция НКО // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 2. – С. 250–258.
23. Бойкова М.В., Ильина И.Н., Салазкин М.Г. Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций // Форсайт. – 2011. – Т. 5. – № 4. – С. 32–48.
24. Бронников И.А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – № 17 (4). – С. 94–102.
25. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – С. 269–285.
26. Варшавский Л.Е. Анализ и моделирование экономических и социальных процессов // Математика. Компьютер. Образование. – 2018. – Т. 25. – С. 60–78.
27. Видясов Е.Ю., Тензина Я.Д., Видясова Л.А. Оценка уровней вовлечения граждан в развитие городской среды в Петербурге: результаты экспертного опроса // Информационные ресурсы России. – 2021. – № 3 (181). – С. 8–10.
28. Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. – 1997. – № 6. – С. 9–23.
29. Волков, Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ // Вестник общественного мнения. – 2017. – № 1–2 (124). – С. 105–130.
30. Володенков С.В. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций // Вестник Московского университета. – 2016. – № 2. – С. 21–34.
31. Володина О.И. Инструменты продвижения некоммерческих проектов в сети Интернет: современные тренды // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 92–104.
32. Воронова Е.А. Добровольчество как форма благотворительности в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Социология». – 2011. – № 1. – С. 330–342.
33. Горина Е.А., Бурдяк А.Я. Взгляд на качество жизни населения сквозь призму городской среды // Социология города. – 2015. – № 2. – С. 11–31.
34. Горнова Г.В. Соразмерность города и человека: категорический императив градостроительства // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 22–25.
35. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 268 с.
36. Громова М.Н., Мерсиянова И.В. Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 39–44.

37. Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 5. – С. 90–104.
38. Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера [Электронный ресурс] // Социальное пространство. – 2017. – № 4 (11). – URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2378>
39. Гудошникова О.Е. Технологии «Новых медиа» как платформа гражданской активности // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 23–44.
40. Гужавина Т.А. Региональное гражданское общество: условия и факторы существования [Электронный ресурс] // Проблемы развития территории. – 2015. – № 3 (77). – URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/1259>
41. Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. Применение факторного анализа при измерении социального капитала [Электронный ресурс] // Социальное пространство. – 2017. – № 4. – URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2377>
42. Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 191–203.
43. Гужавина Т.А., Ластовкина Д.А., Озерова О.Ю. Качество жизни в оценках населения региона // Проблемы развития территории. – 2016. – № 2 (82). – С. 98–111.
44. Гузик М.В., Федосеева Д.А. Анализ жизненных стратегий студенческой молодежи (по результатам социологического опроса студентов ИРНИТУ) // Социальная компетентность. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 59–63.
45. Девятков А., Макарычев А. Новые медиа и сетевая субъектность в России // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – № 22. – С. 19–26.
46. Деменев А.Г. Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области // Арктика и Север. – 2018. – № 33. – С. 91–116.
47. Дементьева И.Н. Гражданская активность населения в контексте формирования социального капитала региона // Социальное пространство. – 2012. – № 5 (12).
48. Дементьева И.Н. Потребительские настроения населения Вологодской области в условиях нового политического цикла [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 4 (4). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19058548_31736123.pdf
49. Дементьева И.Н. Привлекательность и комфортность проживания в городе в зеркале общественного мнения (на примере крупных городов Вологодской области) // Псковский регионологический журнал. – 2017. – № 1 (29). – С. 36–47.

50. Дементьева И.Н. Протестный потенциал населения региона в условиях пандемии коронавируса: возможность индексного анализа // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 3 (19). – С. 67-75.

51. Дмитриева Н.Н., Ипатов Т.М. Формирование комфортной городской среды как стратегическое направление развития проекта «ЖКХ и городская среда» // Социально-экономическое управление: теория и практика / Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова. – 2018. – № 1 (32). – С. 95–98.

52. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред.: А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 564 с.

53. Дэвис Р. Сеть политики: влияние Интернета на американскую политическую систему // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: сб. статей и рефератов. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – 321 с.

54. Ермилова А.В., Исакова И.А., Игнатьева В.И. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: «Социальные науки». – 2018. – № 2 (50). – С. 88–97.

55. Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 376–408.

56. Ефимов Е.Г. Социальные сети как фактор социализации (на примере формирования патриотизма) // Primo Aspectu. – 2015. – № 10. – С. 40–43.

57. Жаворонков Р.Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 184 с.

58. Желнина А.А., Тыканова Е.В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследования социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 212–222.

59. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – № 22 (1). – С. 162–192.

60. Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2011. – № 1 (60). – С. 98–116.

61. Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса : Междунар. симп., г. Москва, 19–20 янв. 2001 г. / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. – С. 3–15.

62. Зборовский Г.Е., Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. 2-е изд. – М.: ЮРАЙТ, 2019. – 433 с.
63. Земцов С. П., Царева Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. – 2020. – № 5. – С. 71–82.
64. Зинатулин А.М., Карасева Л.А. Экономико-теоретический подход к организации добровольческого движения // Экономический журнал. – 2011. – Т. 23. – № 3. – С. 110–115.
65. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – 229 с.
66. Ильина И.Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Имущественные отношения в РФ. – 2015. – № 5 (164). – С. 69–82.
67. Ильичева Ю.А. Мобилизационные технологии: сущность, предпосылки возникновения, основные инструменты и средства // Медиаскоп. – 2013. – № 2. – С. 35–49.
68. Институциональные ограничения экономической динамики / науч. ред. В.Л. Тамбовцев. – М.: ТЕИС, 2009. – 524 с.
69. Исаева Е.А. Огосударствление института добровольчества в России: анализ законопроекта «О добровольчестве (волонтерстве)» // Власть. – 2013. – №10. – С. 148–150.
70. Ищенко И.Г. Теоретический подход к формированию понятия «социальный капитал» // Известия ПГПУ. Общественные науки. – 2006. – № 2. – С. 26–48.
71. Каландаришвили З.Н. Факторы, влияющие на процесс конструирования правовой активности личности как важное звено развития современного российского общества // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 1 (23). – С. 48–58.
72. Камдина Л. В. Оценка влияния пандемии COVID-19 на качество жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 11 (445). – С. 224–230.
73. Кирдина С. Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 63–73.
74. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. – М.: Наука, 2004. – 256 с.
75. Киселев А.А., Самаркина И. В. Интернет: модель и практики политического участия. – Краснодар: Оттиск, 2007. –198 с.
76. Климова С.Г., Щербакова И.В. Опыт изучения территориального контекста гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 3. – С. 12–27.

77. Козлов С.Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. – 2020. – № 79. – С. 154–169.
78. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 43–54.
79. Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. Влияние Интернета на участие в протестах // Полития. – 2016. – № 1 (80). – С. 90–110.
80. Коновченко С.В. Власть, общество и печать в России. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, Книга, 2003. – 248 с.
81. Корнеева И.Е. Фандрайзинг в российских некоммерческих организациях: результаты эмпирического исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 4. – С. 48–66.
82. Косыгина К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. – 2018. – № 3 (95). – С. 107–121.
83. Косыгина К.Е. Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе // Проблемы развития территории. – 2020. – № 6 (110). – С. 50–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.4 1.
84. Косыгина К.Е. Некоммерческий сектор в период распространения новой коронавирусной инфекции: рестрикции и механизмы их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «Экономика и управление». – 2021. – № 2. – С. 27–39. DOI: 10.17308/econ.2021.2/3461.
85. Косыгина К.Е. Российский и зарубежный опыт применения информационно-коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций // Society and Security Insights. – 2019. – № 2. – С. 65–75. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)2-5373](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)2-5373)
86. Косыгина К.Е. Российское добровольчество (волонтерство): тенденции и характеристики // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: «Социальные науки». – 2019. – № 4. – С. 163–172.
87. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
88. Кравченко И.В. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе. – СПб.: СПбГУЭФ, 2003. – 396 с.
89. Кремин А.Е. Управление экономикой региона на основе развития малого бизнеса / под науч. рук. К.А. Гулина. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. – 150 с.
90. Круглов М.С. Социально-политические факторы развития гражданской активности в России // Вестник НГУЭУ. – 2013. – № 4. – С. 185–190.
91. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: масштабы, потенциал и факторы развития // Петербургская социология сегодня. – 2015. – № 6. – С. 300–332.

92. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С. 15–22.
93. Кузьминчук А.А. Модели институционального регулирования социальной общности волонтеров // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (35). – С. 55–63.
94. Кулькова В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 г. // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 80. – С. 5–21.
95. Кулькова В.Ю. Статистические показатели в оценках некоммерческого сектора и предоставления социальных услуг социально ориентированными НКО в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т.12. – № 5. – С. 82–95. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-82-95
96. Купцова И.А. Культура волонтерства: определение понятия и основные характеристики феномена // Педагогика искусства. – URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/kultura-volontyorstva-opredelenie-ponyatiya-i-osnovnye-harakteristiki-fenomena>
97. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 528 с.
98. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 6. – С. 26–40.
99. Лэндри Ч. Креативный город. – М.: Классика-XXI, 2011. – 545 с.
100. Магницкий Ю.Г. Интернет как современный медиа-фактор протестных настроений: мнения и оценки // Вестник Амурского государственного университета. Серия: «Гуманитарные науки». – 2012. – № 58. – С. 38–47.
101. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном Сибирском регионе / С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина, О.В. Суртаева // Society and Security Insights. – 2019. – Т. 2. – №3. – С. 13–50.
102. Малькевич А.А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // Управленческое консультирование. – 2020. – № 1. – С. 35–42.
103. Мартыянов В.С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 41–58.
104. Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М.: МГУ, 1999. – 354 с.
105. Мерзляков А.А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов): автореф. дисс. на соискание ученой степени. Специальность: 22.00.08 – Социология управления. – М., 2007. – 28 с.

106. Мерсиянова И.В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 365 с.
107. Мерсиянова И.В. Социальная база российского гражданского общества // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 4. – С. 35–45.
108. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2016. – № 4. – С. 7–26.
109. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Вовлечённость населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. – М.: НИУ ВШЭ. – 2011. – 196 с.
110. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества / предисл. Я.И. Кузьмина. – М.: ГУ ВШЭ. – 2007. – 220 с.
111. Мерсиянова И.В. Добровольные объединения граждан в местном самоуправлении: проблемы институционализации. – М.: Academia, 2004. – 180 с.
112. Мерсиянова И.В., Вакуленко Е.С., Иванова Н.В. Эмиграционные настроения россиян и гражданское участие // *Социологический журнал*. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 43–61.
113. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 200 с.
114. Мизякина О.Б. Бизнес в сети Интернет: основные формы и перспективы развития // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. – 2017. – № 4 (68). – С. 86–90.
115. Милованова М.Ю. Социально-ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // *Женщина в российском обществе*. – 2019. – № 4. – С. 66–79. DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.6
116. Отношение жителей Пензенской области к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций / С.Г. Михнева, В.Н. Супиков, И.А. Юрасов, О.Н. Юрасова // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2017. – № 3 (43). – С. 148–155.
117. Московская А.А. Стимулы и барьеры привлечения негосударственных поставщиков к оказанию социальных услуг: российский и зарубежный опыт // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2018. – № 3. – С. 88–116.
118. Ненько А.Е., Семенова А.М., Галактионова А.А. Оценка качества общественных пространств по данным отзывов в Google Maps // *Научный сервис в сети Интернет: труды XXII Всероссийской научной конференции (г. Москва, 21–25 сентября 2020 г., онлайн)*. – М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2020. – С. 473–485.

119. Нефёдов В.А. Как вернуть город людям. – М.: Искусство – XXI век, 2015. – 320 с.
120. Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. – Вып. I. – СПб: Университет ИТМО, 2017. – 645 с. С. 144–158.
121. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития [Электронный ресурс] // Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>
122. Новиков В.Ю. Тренд качества городской среды как важнейший фактор миграционных процессов // Управление. – 2020. – № 1. – С. 5–10.
123. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ.: А.Н. Нестеренко. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория).
124. Оберемко О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения // Социол. исслед. – 2016. – № 6. – С. 94–101.
125. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации / под ред. И.В. Мерсияновой. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 202 с.
126. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. – 2009. – № 6. – С. 25–27.
127. Певная М.В. Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства // Известия Уральского федерального университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». – 2013. – № 2 (113). – С. 174–180.
128. Певная М.В. Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы // Изв. Урал. фед. ун-та. – Сер. 1 «Проблемы образования, науки и культуры». – 2015. – № 1. – С. 145–151.
129. Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социол. исслед. – 2016. – № 12. – С. 69–77.
130. Певная М.В., Кузьминчук А.А. Возможности и барьеры развития управления волонтерством в российском регионе (на примере Свердловской области) // Вопросы управления. – 2016. – № 4. – С. 77–85.
131. Петрина О.А. Развитие добровольческой деятельности в России // Вестник ГУУ. – 2019. – № 4. – С. 163–167.
132. Плюснина Л.К. Краудфандинг как социальный феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 6. – С. 18–21.
133. Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 24–50. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.285.12.1649>

134. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 419 с.
135. Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Т. 3. – № 4 (56). – С. 103–110.
136. Пырма Р.В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 2. – С. 74–81.
137. Рекомендации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды // Формирование комфортной городской среды и ЖКХ. 2016–2018. – URL: http://gorodsreda.ru/upload/iblock/aba/prezentatsiya_rekomendatsii_po_or. (дата обращения: 20.09.2019).
138. Реут О.Ч. Блогосферный дискурс легитимности в российском электронном цикле 2011–2012 гг. // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. тр. – М., 2013. – С. 161–173.
139. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [коллективная монография] / Г.В. Осипов и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. – М.: Перспектива, 2020. – 532 с.
140. Руссова О.Н., Смак Т.С., Тарасов И.А. Оценка комфортности городской среды как фактор социального самочувствия городских жителей Архангельской области // Арктика и Север. – 2020. – № 41. – С. 236–247.
141. Садилова А.И. Практики российского интернет-активизма на субнациональном уровне // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – Т. 16. – № 4. – С. 49–59.
142. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. / пер. с англ.; ред. Н. Снигирева, Д. Смирнов. – Вологда: Проектная группа 8, 2015. – 170 с.
143. Сарченко В.И., Хиревич С.А. Детерминация экономической сущности формирования качественной городской среды // ПСЭ. – 2016. – № 2 (58). – С. 182–186.
144. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 48–71.
145. Семенюк Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития. – М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2006. – 269 с.
146. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 1 (13). – С. 130–139.
147. Скалабан И.А. Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. тр. / науч. ред. Т.И. Грабельных. – Иркутск, 2021. – С. 109–114.

148. Скалабан И.А., Спенсер С.Б. Стратегии общественного участия лидеров формальных и неформальных объединений // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». – 2012. – № 1 (17). – С. 158–170.
149. Скобелина Н. А. Институциональный анализ как перспективное направление в исследовании общественных движений (аналитический обзор) // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 163–173.
150. Скокова Ю.А., Рыбникова М.А. Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы различий // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – № 25 (1). – С. 70–102.
151. Смолева Е.О. Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25. – № 2. – С. 90–107.
152. Снигирева Н.В., Смирнов Д.Е. «Белые цветы»: социально-средовое проектирование как инструмент развития территорий // Архитектура и строительство России. – 2021. – № 2 (238). – С. 63–72.
153. Соколов А.В. Индексное моделирование протеста: подходы к пониманию и результаты апробации // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 40–63.
154. Соколов А.В. Особенности коммуникации в протестных кампаниях // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». – 2012. – № 3. – С. 75–86.
155. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка / А.А. Аузан [и др.] // Вопросы экономики. – 2020. – № 7. – С. 75–91.
156. Спиридонов С. П., Нижегородов Е. В., Герасимов Б. И. Институциональные индикаторы качества жизни. – Тамбов: ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 136 с.
157. Суворова А.С. Информационная безопасность в сети Интернет: психологические и технологические аспекты, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://science.urfu.ru/ru/publications>
158. Сулова С.В. Вклад российских некоммерческих организаций в национальную экономику // Финансы и бизнес. – 2015. – № 1. – С. 75–87.
159. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы сетевого интеллекта. – Киев: ITN Пресс, 1999. – 256 с.
160. Тарасенко А. Некоммерческий сектор в ЕС и России. – СПб.: НОРМА, 2015. – 224 с.
161. Де Токвиль А. Демократия в Америке: пер. с фр. / предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
162. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. – 2015. – № 4 (372). – С. 72–77.

163. Трофимова И.Н. Факторы и ограничения гражданского участия в современном российском обществе // ПОЛИТЭКС. – 2014. – № 1 (10). – С. 233–243.
164. Туронок С.Г. Интернет и политический процесс // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 2. – С. 29–41.
165. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конструирование исходов городских локальных конфликтов в дискурсе активистов и экспертов (случай Нижнего Новгорода) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: матер. V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х частях. – Ч. 1. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. – С. 185–191.
166. Тычинская Т.А. Либеральная концепция демократического государства Дж. Ст. Милля (по книге «Размышления о представительном правлении». СПб., 1863.) // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2 (1). – С. 92–96.
167. Усков В.С. К вопросу о цифровизации российской экономики // Проблемы развития территории. – 2020. – № 6 (110). – С. 157–175. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.10
168. Ускова Т.В., Секушина И.А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 56–70.
169. Уханова Ю.В. Гражданское участие в российских регионах: сравнительный анализ // Вопросы территориального развития. – 2019. – № 5. DOI: 10.15838/tdi.2019.5.50.6
170. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5.
171. Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 25–50.
172. Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Некоммерческий сектор в оценках населения региона: социально-демографический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «Экономика и управление». – 2019. – № 2. – С. 29–38.
173. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008. – 296 с.
174. Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления / А.М. Максимов, М.В. Ненашева, И.Ф. Верещагин, Т.Ф. Шубина, П.В. Шубина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 71–90.

175. Фролов А.А., Агурова А.А. Индексный анализ гражданской активности в социальных сетях // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение». – 2019. – Т. 29. – С. 28–43.
176. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак. – 2004. – 734 с.
177. Хаджарова Э.М. Правовые основы волонтерской (добровольческой) деятельности в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6. – № 11. – С. 140–151.
178. Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 71–73.
179. Цхурбаева Ф.Х., Фарниева И.Т. Организационно-экономический механизм управления предприятиями АПК // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7. – № 2–3. – С. 151–154.
180. Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология. – 2006. – Т. 7. – № 4. – С. 11–26.
181. Шабунова А. А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. – 2020. – Т. 6. – № 3. – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28613>
182. Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 4. – С. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6
183. Шаматонова Г.Л. Становление гражданского общества в современной России: региональные особенности и проблемы развития // Вестник социально-политических наук. – 2013. – № 12. – С. 156–161.
184. Шевченко П.В. Социальная роль московского волонтерства // Социол. исслед. – 2013. – № 8. – С. 60–71.
185. Шматова Ю.Е. Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого потенциала): опыт зарубежных исследований // Проблемы развития территории. – 2020. – № 4 (108). – С. 88–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6
186. Шуклина Е.А., Певная М.В. Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5 (68). – С. 101–113.
187. Юрченко А.А. Краудфандинг – новый способ финансирования // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2015. – Т. 2. – № 11. – С. 830–832.

188. Якобсон Л.И., Санович С.В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 4. – С. 21–34.
189. Якобсон Л.И. «Школа демократии»: формирование «гражданских добродетелей» // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 1. – С. 93–106.
190. Яницкий О.И. Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // *Общественные науки и современность*. – 2012. – № 3. – С. 36–52.
191. Яницкий О.И. Гражданское общество и академическое сообщество [Электронный ресурс] // *Официальный сайт ИС РАН*. – 2010. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1817>.
192. Ярская-Смирнова Е.Р., Бодрова О.А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2021. – № 24 (1). – С. 45–78. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.1.3
193. Alesina A., Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2000. – Vol. 115. – No. 3. – Pp. 847–904.
194. Allhutter D., Aichholzer G. Public Policies on eParticipation in Austria // In: Macintosh A., Tambouris E. (Hrsg.) *Electronic Participation (First International Conference on eParticipation [ePart])*. – 2009. DOI: 10.1007/978-3-642-03781-8_3
195. Anheier H.K. *Civil Society: measurement, evaluation, policy*. – London: Earthscan, 2004. – 226 p.
196. Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // *Law and Contemporary Problems*. – 1999. – Vol. 62. – No. 4. – Pp. 43–65.
197. Arai S.M. Volunteering in the Canadian Context: Identity, Civic Participation and the Politics of Participation in Serious Leisure // In: *Volunteering as leisure/leisure as volunteering. An International Assessment*. Ed. by R.A. Stebbins, M. Graham. – 270 p.
198. Arends J., Flöte L. *Wie doet vrijwilligerswerk* // *Sociaaleconomische trends*. – 2014. – No. 4. – Den Haag: Centraal Bureau voor de Statistiek, 2015.
199. Armstrong E. A., Bernstein M. Culture, Power, and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements // *Sociological Theory*. – 2008. – Vol. 26 (1). – Pp. 74–99.
200. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // *Journal of the American Institute of Planners*. – 1969. – Vol. 35 (4). – Pp. 216–224.
201. Åström J., Hinsberg H., Jonsson M.E., Karlsson M. *Citizen centric-participation. A trilateral collaboration for democratic innovation. Case studies on e-participation policy: Sweden, Estonia and Iceland*. Tallinn: Praxis Center for Policy Studies, 2013. – 47 p.
202. Aydinli A., Bender M., Chasiotis A. Helping and Volunteering across Cultures: Determinants of Prosocial Behavior // *Online Readings in Psychology and Culture*. – 2013. – No. 5 (3). – URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1118>

203. Bach-Mortensen A. M., Montgomery P. What are the barriers and facilitators for third sector organisations (non-profits) to evaluate their services? A systematic review // *Systematic Reviews*. – 2018. – No. 7. – P. 13. DOI 10.1186/s13643-018-0681-1
204. Bang H. Volunteer age, job satisfaction, and intention to stay // *Leadership & Organization Development Journal*. – 2015. – No. 36. – Pp. 161–176.
205. Baqir F. Evolution of Volunteerism in Pakistan. Strengthening Participatory Organizations (SPO). 2012. – 27 p. – URL: https://www.academia.edu/24357196/Evolution_of_Volunteerism_in_Pakistan
206. Barber B. The uncertainty of digital politics: Democracy's uneasy relationship with information Technology // *Harvard International Review*. – 2001. – No. 23. – Pp. 42–45.
207. Barker D.G. Values and volunteering // *Volunteering in Europe, Voluntary Action Research, second series*. – 1993. – No. 2.
208. Barker D.G. Values and volunteering. In: Davis Smith J. (ed.). *Volunteering in Europe: Opportunities and Challenges for the 90s*. The Volunteer Centre UK, Berkhamsted, 1993. – 678 p.
209. Barnes S.H., Kaase M. *Political action: mass participation in five western democracies*. – Beverly Hills: Sage, 1979. – 198 p.
210. Ben-Ner A., Gui B. *The Nonprofit Sector in the Mixed Economy*. – Michigan Publishing, 1994. – 288 p.
211. Bennett L.W. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2012. – Vol. 644. – Pp. 20–39.
212. Bežovan G., Matančević J., Baturina D. Identifying External and Internal Barriers to Third Sector Development in Croatia, TSI National Report Series No. 5. Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. – Brussels: Third Sector Impact, 2016. – 52 p.
213. Bimber B. The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism // *Polity*. – 2005. – Vol. 31. – No. 1. – Pp. 133–160.
214. Boeder P. Non-Profits on E: How Non-Profit Organisations are Using the Internet for Communication, Fundraising, and Community Building. *First Monday*, 2002. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/969/890>
215. Boggs C. The great Retreat: decline of the public sphere in late 20 century America // *Theory and society*. – 1997. – No. 26. – Pp. 118–125.
216. Boles B. Technology's Role In The Nonprofit Sector: Increasing Organizational Effectiveness And Efficiency Through Technology Innovations // *Columbia Social Work Review*. – 2013. – No. 4. – Pp. 69–79. doi.org/10.7916/D88P5Z1B
217. Bonnes M., Scopelliti M., Fornara F., Carrus G. Urban environmental quality // In L. Steg, Berg, Agnes E. van den, De Groot, Judith I.M. (Eds.) *BPS textbooks in psychology*.

Environmental psychology. An introduction. – Chichester, West Sussex, Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 2012. – Pp. 97–106.

218. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. – N.Y.: Greenwood Press. – 1986. – Pp. 241–258.

219. Brandsen T., Pape U., Ebers E.D., ten Hulscher E. Identifying External and Internal Barriers to Third Sector Development in the Netherlands, TSI National Report Series No. 2. Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. – Brussels: Third Sector Impact, 2016. – 73 p.

220. Brandtzæg P. B., Haugstveit I. M., Lüders M., Følstad A. Participation Barriers to Youth Civic Engagement in Social Media // Proceedings of the Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media. – 2015. – Pp. 578–581.

221. Breckell P., Harrison K., Robert N. Impact reporting in the UK charity sector. – 2010. – URL: <http://www.cfg.org.uk/resources/~media/Files/Resources/Impact%20Reporting%20in%20the%20UK%20Charity%20Sector.ashx>

222. Breheny M., Pond R., Lilburn L.E.R. «What am I going to be like when I'm that age?»: How older volunteers anticipate ageing through home visiting // Journal of Aging Studies. – 2020. – No. 53. – P. 100848. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2020.100848>

223. Burns T.R., Diez T. Revolution: An evolutionary perspective // International sociology. – 2001. – Vol. 16 (4). – Pp. 531–555.

224. Carman J.G, Fredericks K.A. Nonprofits and evaluation: Empirical evidence from the field // New Dir Eval. – 2008. – URL: <https://doi.org/10.1002/ev.268>

225. Casey J. The Nonprofit World – Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector. Boulder and London: Kumarian Press, 2015. – 356 p.

226. Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. – Pp. 98–122.

227. Cisco Visual Networking Index: Forecast and Methodology, 2016–2021. – URL: <https://www.cisco.com>

228. Clary E.G., Snyder M. The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations // Current Directions in Psychological Science. –1999. – Vol. 8. – No. 5. – Pp. 156–159. – URL: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00037>

229. Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Miene P.K., Haugen J.A. Matching messages to motives in persuasion: A functional approach to promoting volunteerism // Journal of Applied Social Psychology. – 1994. – Vol. 24. – No. 13. – Pp. 1129–1149.

230. Coleman S. New mediation and direct representation: reconceptualizing representation in the digital age // New Media Society. – 2005. – Vol. 7. – No. 2. – Pp. 177–198.

231. Connolly S., O'shea E. The perceived benefits of participating in volunteering activities among older people: Do they differ by volunteer characteristics // Activities,

Adaptation & Aging. – 2015. – No. 39 (2). – Pp. 95–108. – URL: <https://doi.org/10.1080/01924788.2015.1024075>

232. Corsini L., Moultrie J. Local and distributed manufacturing during the COVID-19 pandemic: Is crisis a window of opportunity for sustainable development in the Global South? // *Strategic Design Research Journal*. – 2021. – Vol. 14. – No. 1. – Pp. 224–235. DOI: 10.4013/sdrj.2021.141.19

233. D'Agostino M. J., Visser A. Addressing and overcoming barriers to youth civic engagement // *International Public Management Review – electronic Journal*. – 2010. – Vol. 11. – Iss. 3. – URL: <http://www.ipmr.net>

234. Dahlberg L. Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation // *New media & society*. – 2007. – Vol. 9. – No. 5. – Pp. 827–847.

235. Dalton R. *The good citizen: how the young are transforming American politics*. – Washington, DC : CQ Press, 2007. – 240 p.

236. Dasgupta P. (ed), Sergaldin I (ed). *Social capital: a multifaceted perspective / P. Dasgupta, I. Sergaldin*. – Washington: DC: World Bank. – 2000.

237. Dębek M., Janda-Dębek B. Correlation between the perceived residential environment quality and the inhabitants' quality of life and civic behavior // *Polish Journal of Applied Psychology*. – 2016. – Vol. 14 (2). – Pp. 47–70.

238. Diani M. Social movements and social capital: a network perspective on movement outcomes // *Mobilization: An International Quarterly*. – 1997. – Vol. 2 (2). – Pp. 129–147.

239. Donthu N., Gustafsson A. Effects of COVID-19 on business and research // *Journal of Business Research*. – 2020. – Vol. 117. – Pp. 284–289.

240. Dyson S.E., Korsah K.A., Liu L.Q., O'Driscoll M., van den Akker O.B.A. Exploring factors having an impact on attitudes and motivations towards volunteering in the undergraduate nursing student population – A comparative study of the UK and Ghana // *Nurse Education in Practice*. – 2021. – No. 53. – P. 103050. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2021.103050>

241. Edin K., Lein L. *Making Ends Meet: How Single Mothers Survive Welfare and Low- Wage Work*. – New York: Russell Sage Foundation, 1997.

242. Einolf C.J. Gender differences in the correlates of volunteering and charitable giving // *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*. – 2011. – No. 40. – Pp. 1092–1112.

243. Eisinger P. K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities // *The American Political Science Review*. – 1973. – Vol. 67 (1). – Pp. 11–14.

244. Ellis J, Gregory T. *Accountability and learning: developing monitoring and evaluation in the third sector*. CES Research Report. – 2008. – URL: http://www.juconicomparte.org/recursos/cesresearchpaper-accountabilityandlearning-540-548_MZZ1.pdf

245. Enjolras B., Salamon L.M., Sivesind K.H., Zimmer A. The Third Sector as a Renewable Resource for Europe: Concepts, Impacts, Challenges and Opportunities. – 2018. – 196 c. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-71473-8_1
246. Etzioni A. “The Responsive community: a communitarian perspective. 1995 Presidential address // *American Sociological Review*. – 1996. – Vol. 61. – No. 1. – Pp. 1–11.
247. Etzioni A. *The Spirit of Community: rights, responsibilities, and the communitarian agenda*. New York: Crown Publishers, 1993. – Pp. 631–657.
248. Falco E., Kleinhans R. Beyond technology: Identifying local government challenges for using digital platforms for citizen engagement // *International Journal of Information Management*. – 2018. – No. 40. – Pp. 17–20.
249. Fegan C., Cook S. Experiences of volunteering: a partnership between service users and a mental health service in the UK // *Work*. – 2012. – No. 43. – Pp. 13–21.
250. Fox S. Is It Time to Update the Definition of Political Participation? // *Parliamentary Affairs*. – 2014. – Vol. 67 (2). – Pp. 495–505.
251. Freeman R.E., McVea J. *A Stakeholder Approach to Strategic Management*. Darden Business School Working Paper. – 2001. – No. 01–02. – URL: <https://ssrn.com/abstract=263511> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.263511>
252. Fyall R., Gazley B. Applying social role theory to gender and volunteering in professional associations // *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*. – 2015. – No. 26. – Pp. 288–314.
253. Gamson W. A. *The strategy of social protest*. – Belmont: Wadsworth, 1990. – 357 p.
254. Geumchan Hwang, Kyu-soo Chung. «South Korea» Sports Economics, Management, and Policy. // In: Kirstin Hallmann & Sheranne Fairley (ed.) *Sports Volunteers Around the Globe*. – 2018. – Pp. 225–235.
255. Gifford R. *Environmental psychology: Principles and practice* (4th ed.). – Colville: Optimal Books, 2007. – 535 p.
256. Gillespie E. *Citizen Participation and Nonprofit Organizations*. – 2017. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/315874647>
257. *Global NGO Technology Report 2018*. – URL: <http://techreport.ngo/wp-content/uploads/2018-Tech-Report-English.pdf>
258. Goodell J., Goyal A., Hasan I. Comparing financial transparency between for-profit and nonprofit suppliers of public goods: Evidence from microfinance // *Journal of International Financial Markets, Institutions & Money*. – 2020. – Vol. 64. – Pp. 101–146.
259. Govaart M.M., van Daal H., Munz A., Keesom J. *Volunteering Worldwide*. Netherlands Institute of Care and Welfare, 2001. – 257 p.
260. Grönlund H. et al. Cultural values and volunteering: A cross-cultural comparison of students’ motivation to volunteer in 13 countries // *Journal of Academic Ethics*. – 2011. – No. 9 (2). – Pp. 87–106.

261. Handy F, Shier M., McDougle L. M. Nonprofits and the Promotion of Civic Engagement: A Conceptual Framework for Understanding the «Civic Footprint» of Nonprofits within Local Communities. *Canadian Journal of Nonprofit and Social Economy Research*. – 2014. – No. 5 (1). – Pp. 57–75.
262. Handy F, Greenspan I. Immigrant volunteering: A stepping stone to integration? *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2009. – No. 38(6). – Pp. 956–982.
263. Hansmann H. *Economic Theories of Nonprofit Organisation // The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. / Ed. by Powell W.W. – New Haven: Yale University Press. – 1987. – Pp. 27–42.
264. Haski-Leventhal D., Meijs L.C.P.M., Lockstone-Binney L., Holmes K., Oppenheimer M. Measuring volunteerability and the capacity to volunteer among non-volunteers: Implications for social policy // *Social Policy & Administration*. – 2017. – No. 52 (5). – Pp. 1139–1167. DOI: 10.1111/spol.12342
265. Helms S., McKenzie T. Gender differences in formal and informal volunteering in Germany. *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*. – 2014. – No. 25. – Pp. 887–904.
266. Hensman M. Social movement organizations: A metaphor for strategic actors in institutional fields // *Organization studies*. – 2003. – Vol. 24 (3). – Pp. 355–381.
267. Hill K., Hughes J. *Cyberpolitics: Citizen Activism in the Age of Internet*. – Oxford: Rowman and Littlefield, 1998. – 149 p.
268. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // *Online Readings in Psychology and Culture*. – 2011. – No. 2 (1). – URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
269. *How to Turn a Place Around: A Handbook for Creating Successful Public Spaces*. – New York, Project for Public Spaces, 2000. – 125 p.
270. Howard P., Muzammil H. *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: Oxford University Press, 2013. – Pp. 512–523.
271. Insa-Ciriza R. Two Ways of New Towns Development: A Tale of Two Cities // *Urban Development / Ed. by Dr. Serafeim Polyzos*. – InTeh Publ., 2012. – 252 p.
272. Ishizawa H. Civic participation through volunteerism among youth across immigrant generations // *Sociological Perspectives*. – 2015. – No. 58 (2). – Pp. 264–285.
273. Jones K.S. Giving and volunteering as distinct forms of civic engagement: The role of community integration and personal resources in formal helping // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2006. – Vol. 35. – No. 2. – Pp. 249–266.
274. Katzenstein M. F. *Stepsisters: Feminist Movement Activism in Different Institutional Spaces // In Meyer D., Tarrow S. (eds.). The Social Movement Society: Contentious Politics for a New Century*. – Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. – Pp. 195–216.

275. Keles R. The Quality of Life and the Environment // Social and Behavioral Sciences. – 2012. – Vol. 35. – Pp. 23–32.

276. Khasanzyanova A. How volunteering helps students to develop soft skills // Int Rev Educ. – 2017. – Pp. 363–379. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11159-017-9645-2>

277. Kissane R. J. What's Need Got to Do with It? Barriers to Use of Nonprofit Social Services // The Journal of Sociology & Social Welfare. – 2003. – Vol. 30. – Iss. 2. – Article 8. – URL: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol30/iss2/8>

278. Kolnick L., Mulder J. Strategies to improve recruitment of male volunteers in nonprofit agencies // American Journal of Hospice & Palliative Medicine. – 2007. – No. 24 (2). – Pp. 98–104.

279. Krajňáková E., Šimkus A., Pilinkiene V., Grabowska M. Analysis of barriers in sports volunteering // Journal of International Studies. – 2018. – No. 11 (4). – Pp. 254–269. DOI:10.14254/2071-8330.2018/11-4/18

280. Krasnopolskaya I., Skokova Yu., Pape U. Government–Nonprofit Relations in Russia's Regions: An Exploratory Analysis // Voluntas. – 2015. – No. 26. – Pp. 2238–2266. DOI 10.1007/s11266-015-9654-3

281. Kristofferson K., White K., Peloza J. The Nature of Slacktivism: How the Social Observability of an Initial Act of Token Support Affects Subsequent Prosocial Action // Journal of Consumer Research. 2014. – Vol. 40 (6). – Pp. 1149–1166.

282. Layton M.D., Moreno A. Philanthropy and social capital in Mexico // International Journal of Nonprofit & Voluntary Sector Marketing. – 2014. – No. 19 (3). – Pp. 209–219. – URL: <https://doi.org/10.1002/nsvm.1498>

283. Lee K.-H., Alexander A.C., Kim D.-Y. Motivational factors affecting volunteer intention in local events in the United States // Journal of Convention & Event Tourism. – 2013. – No. 14 (4). – Pp. 271–292. DOI: 10.1080/15470148.2013.816646

284. Lefebvre H. Writing to the city. Selected, translated and introduced by E. Kofman, E. Lebas. – Blacwell Publishers, 1996. – 250 p.

285. Leś E., Nałęcz S. & Pielniński B. Third sector barriers in Poland, TSI National Report Series No. 7. Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. – Brussels: Third Sector Impact, 2016. – 46 p.

286. Lockstone-Binney L., Holmes K., Smith K., Baum T. Volunteers and Volunteering in Leisure: Social Science Perspectives. 2010. – URL: <https://strathprints.strath.ac.uk/26544/1/strathprints026544.pdf>

287. Lukka P., Paine A.E. An exclusive construct? Exploring different cultural concepts of volunteering // Voluntary Action. – 2001. – No. 3 (3). – Pp. 87–109.

288. Lynch M. After Egypt: The Limits and Promise of Online Challenges to the Authoritarian Arab State // Perspectives on Politics. – 2011. – No. 9 (2). – Pp. 301–310.

289. Maas S.A., Meijs L.C.P.M., Brudney J.L. Designing «National Day of Service» Projects to Promote Volunteer Job Satisfaction // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2021. – No. 50 (4). – Pp. 866–888. DOI: 10.1177/0899764020982664
290. Maaser W. Neue Verantwortungsteilung und Aktivierung der Wohlfahrtsgesellschaft: Herausforderungen für Nonprofit-Organisationen // J. Eurich & A. Brink (Eds.), *Leadership in sozialen Organisationen* (1. Aufl. ed., pp. 213-223). – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.
291. Mainar I., Servos C., Gil M. Analysis of volunteering among Spanish children and young people: Approximation to their determinants and parental influence // *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*. – 2015. – No. 26. – Pp. 1360–1390.
292. Marans R.W., Stimson R.J. *Investigating Quality of Urban Life*. – Social Indicators Research Series, Springer Netherlands, 2011. – 444 p.
293. Margolis M., Resnick D. *Politics as Usual: The Cyberspace 'Revolution'*. – London: Sage, 2000. – 113 p.
294. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing*. – Cambridge, 2004. – 426 p.
295. McNamara T.K., Gonzales E. Volunteer transitions among older adults: The role of human, social, and cultural capital in later life // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*. – 2011. – No. 66B. – Pp. 490–501.
296. Mehraj H, Bhat A. Impacts of Media on Society: A Sociological Perspective. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*. – 2014. – No. 3. – Pp. 56–64.
297. Mersyanova I.V. *Russian Civil Society // Russia: Strategy, Policy and Administration*. L.: Palgrave Macmillan, 2018. – Ch. 11. – Pp. 113–119.
298. Meyer R.E., Vaara E. Institutions and actorhood as co-constitutive and co-constructed: The argument and areas for future research // *Journal of Management Studies*. – 2020. – Vol. 57. – Pp. 898–910.
299. More-Hollerweger E., Rameder P. *Freiwilligenarbeit in Nonprofit-Organisationen // In: Simsa R., Meyer M., Badelt C. (Hrsg.): Handbuch der Nonprofit Organisation. Strukturen und Management*. 5 Aufl. – Stuttgart: Schäffer-Poeschel Verlag, 2013. – Pp. 381–399.
300. Morgan R. On political institutions and social movement dynamics: The case of the United Nations and the Global indigenous movement // *International political science review*. – 2007. – Vol. 28 (3). – Pp. 273–292.
301. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. – N.Y.: Public Affairs, 2012. – 432p.
302. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. N.Y.: Public Affairs, 2011. – Pp. 212–232.

303. Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Cruz-Jesus F., Martins J., Gonçalves R., Branco F., Xavier N. Examining social capital and individual motivators to explain the adoption of online citizen participation // *Future Generation Computer Systems*. – 2019. – No. 92. – Pp. 302–311.
304. Narushima M. 'Payback time': community volunteering among older adults as a transformative mechanism // *Ageing and Society*. – 2005. – No. 25. – Pp. 567–584. DOI: 10.1017/S0144686X05003661
305. Nichols G., Grix J. 'How sport governance impacted on Olympic legacy: a study of unintended consequences and the "Sport Makers" volunteering programme' // *Managing Sport and Leisure*. – 2016. – Vol. 21. – No. 2. – Pp. 61–74. – URL: <https://doi.org/10.1080/23750472.2016.1181984>
306. Norris P. *A virtuous circle: political communications in postindustrial societies*. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 161–189.
307. Norris P. *Digital Divide*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 165 p.
308. O'Brien L., Townsend M., Ebden M. *Environmental Volunteering: Motivations, Barriers and Benefits*. Report to the Scottish Forestry Trust and Forestry Commission. – 128 p.
309. Ógáin EN, Lumley T., Pritchard D. Making an impact: impact measurement among charities and social enterprises. – 2012. URL: <http://www.thinknpc.org/publications/making-an-impact/>
310. Olsen T.D. Rethinking Collective Action: The Co-Evolution of the State and Institutional Entrepreneurs in Emerging Economies. *Organization Studies*. – 2017. – No. 38 (1). – Pp. 31–52. – URL: <https://doi.org/10.1177/0170840616670440>
311. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press. – 1971. – 186 p.
312. Ostrom E. Social Capital: Fad or a Fundamental Concept? // *Social Capital, a Multifaceted Perspective*. Ed. By P. Dasgupta, I. Serageldin. – Washington, DC: World Bank. – 2000. – Pp. 172–214.
313. Pantea M.C. Understanding non-participation: perceived barriers in cross-border volunteering among Romanian youth // *International Journal of Adolescence and Youth*. – 2015. – Vol. 20. – No. 3. – Pp. 271–283. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02673843.2013.793205>
314. Pateman C. *Participation and Democratic Theory*. – Cambridge University Press, 1970. – 122 p.
315. Pel B., Bauler T. The Institutionalization of social innovation between transformation and capture. – TRANSIT Working Paper. – 2014. – No. 2. – URL: [http://www.transitsocialinnovation.eu/content/original/Book%20covers/Local%20PDFs/103%20TRANSIT_Governance_Positionpaper_Pel%20%20Bauler%202014%20\(2\).pdf](http://www.transitsocialinnovation.eu/content/original/Book%20covers/Local%20PDFs/103%20TRANSIT_Governance_Positionpaper_Pel%20%20Bauler%202014%20(2).pdf)

316. Perlaviciute G., Steg L. Environment and quality of life // In L. Steg, Berg, Agnes E. van den, & De Groot, Judith I.M. (Eds.), *BPS textbooks in psychology. Environmental psychology. An introduction.* – Chichester, West Sussex, Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. – Pp. 107–118.
317. Petrella F., Richez-Battesti N., et al. National Report on third sector barriers in France, TSI National Report Series No. 3. Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. – Brussels: Third Sector Impact, 2016. – 35 p.
318. Pilemalm S. Information Technology for Non-Profit Organisations. 2002. – URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:20857/FULLTEXT01.pdf>
319. Pinho, J., Macedo, I. The Benefits and Barriers Associated with the Use of the Internet Within the Non-Profit Sector // *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing.* – 2006. – No. 16. – Pp. 171–193.
320. Polat R.K. The Internet and political participation: Exploring the explanatory links // *European Journal of Communication.* – 2005. – No. 20. – Pp. 435–459.
321. Poster M. *Cyberdemocracy: Internet and the Public Sphere* // *Internet Culture/ Porter D.* New York: Routledge, 1997. – Pp. 223–236.
322. Priller E., Alscher M., Droß P.J., Paul F., Poldrack C.J., Schmeißer C., Waitkus N. *Dritte-Sektor-Organisationen heute: Eigene Ansprüche und ökonomische Herausforderungen* // *Ergebnisse einer Organisationsbefragung.* 2012. Discussion Paper SP IV 2012 – 402. – Berlin: WZB. – URL: https://www.wzb.eu/system/files/docs/ende/zeng/dso_gesamt_finale_23-05-2013_online.pdf.
323. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community.* – New York: Simon & Schuster. – 2000.
324. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy.* – Princeton: Princeton University Press. – 1993.
325. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community.* New York: Simon & Schuster. – 2000. – 541 p.
326. Rheingold H. *The Great Equalizer* // *Whole Earth Review.* – 1991. Summer. – Pp. 80–88.
327. Roker D., Player K., Coleman J. *Challenging the image: The involvement of young people with disabilities in volunteering and campaigning* // *Disability & Society.* – 1998. – No. 13. – Pp. 725–741.
328. Rotolo T., Wilson J. *Social heterogeneity and volunteering in U.S. cities* // *Sociological Forum.* – 2014. – No. 29 (2). – Pp. 429–452. – URL: <https://doi.org/10.1111/sof.12091>
329. Rovers J., Japs K., Truong E., Shah Y. *Motivations, barriers and ethical understanding of healthcare student volunteers on a medical service trip: a mixed method study* // *BMC Medical Education.* – 2016. – No. 16. – P. 94. DOI: 10.1186/s12909-016-0618-0

330. Salamon L.M. Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations // *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*, edited by Walter W. Powell. – New Haven, CT: Yale University Press, 1987. – Pp. 99–117.

331. Salamon L. *New Frontiers of Philanthropy*. New York: Oxford University Press, 2014. – 768 p.

332. Salamon L., Anheier H., List R., Toepler S., Sokolowski S. *Global civil society*. Baltimore: Johns Hopkins University, Center for Civil Society Studies, 1999. – 512 p.

333. Salamon L., Sokolowski S., Haddock M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates, and a roadmap to the future // *Annals of Public and Cooperative Economics*. – 2011. – Vol. 82. – No. 3. – Pp. 217–360.

334. Salamon L., Sokolowski W., Haddock M., Tice H. *The State of Global Civil Society and Volunteering: Latest Findings from Implementation of the UN*. – 2013. – URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2013/04/JHU_Global-Civil-Society-Volunteering_FINAL_3.2013.pdf (дата обращения: 22.06.2019)

335. Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. Testing the Social Origins Theory // *Explaining Civil Society Development: A Social Origins Approach*. – Johns Hopkins University Press. – 2017. – Pp. 91–125.

336. Salamon L., Newhouse C. *The 2019 Nonprofit Employment Report*. Nonprofit Economic Data Bulletin No. 47. Baltimore: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, January, 2019. – 20 p.

337. Schmeißer C. *Arbeitswelt des Dritten Sektors. Atypische Beschäftigung und Arbeitsbedingungen in gemeinnützigen Organisationen*. – Berlin: WZB. Discussion Paper. – SPV, 2013. – 302 p.

338. Shier M.L., Larsen-Halikowski J., Gouthro S. Characteristics of volunteer motivation to mentor youth // *Children and Youth Services Review*. – 2020. – No. 111. – P. 104885. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2020.104885>

339. Shirky C. *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. L.: Allen Lane, Penguin Group, 2009. – Pp. 92–106.

340. Simsa R., Herndler M., Simic Z. National report on third sector barriers in Austria, TSI National Report Series No. 3. Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. – Brussels: Third Sector Impact, 2016. – 48 p.

341. Smith B.G., Krishna A., Al-Sinan R. Beyond Slacktivism: Examining the Entanglement between Social Media Engagement, Empowerment, and Participation in Activism // *International Journal of Strategic Communication*. – 2019. – Vol. 13 (3). – Pp. 182–196.

342. Smith L.G. Mechanisms for public participation at a normative planning level in Canada // *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*. – 1982. – Vol. 8. – No. 4. – Pp. 561–572.

343. Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. *The Blackwell Companion to Social Movements*. – Blackwell Publishing, 2004. – 754 p.

344. Sontag-Padilla L.M., Staplefoote L., Gonzalez K. Financial Sustainability for Nonprofit Organizations: A Review of the Literature. – RAND Corporation, 2012. – 46 p.
345. Southby K., South J. Volunteering, Inequalities and Barriers to Volunteering: A Rapid Review. Leeds Beckett University, 2016. – 51 p.
346. Stagner M., Richman H. Help-Seeking and the Use of Social Service Providers by Welfare Families in Chicago. – Chicago: Chapin Hall Center for Children, 1986.
347. Stukas A.A., Snyder M., Clary E.G. Understanding and encouraging volunteerism and community involvement // *The Journal of Social Psychology*. – 2016. – No. 156. – Pp. 243–255.
348. Tang F., Morrow-Howell N., Hong S. Inclusion of diverse older population in volunteering // *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*. – 2009. – No. 38. – Pp. 810–827.
349. Taniguchi H. Men's and women's volunteering: Gender differences in the effects of employment and family characteristics // *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*. – 2006. – No. 35. – Pp. 310–319.
350. Teocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media Society*. – 2015. – Vol. 2 (1). – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305115610140>.
351. *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Ed. by D.H. Smith, R.A. Stebbings, J. Grotz. – 1505 p.
352. Van Goethem A.A., van Hoof A., van Aken M.A.G., Orobio de Castro B., Raaijmakers Q.A.W. Socialising adolescent volunteering: How important are parents and friends? Age dependent effects of parents and friends on adolescents' volunteering behaviours // *Journal of Applied Developmental Psychology*. – 2014. – No. 35. – Pp. 94–101. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2013.12.003>
353. Wang C., Wu X. Volunteers' Motivation, Satisfaction, and Management in Large-scale Events: An Empirical Test from the 2010 Shanghai World Expo // *Voluntas*. – 2014. – No. 25. – Pp. 754–771. DOI: 10.1007 / s11266-013-9350-0
354. Ward S., Gibson R., Lusoli W. Online participation and mobilization in Britain: Hype, hope and reality // *Parliamentary Affairs*. – 2003. – No. 56. – Pp. 652–668.
355. Weber L., Loumakis A., Bergman, J. Who participates and why? An analysis of citizens on the Internet and the mass public // *Social Science Computer Review*. – 2003. – No. 21. – Pp. 26–42.
356. Weisbrod B. *The Nonprofit Economy*. Cambridge: Harvard University Press. – 1994. – 75 p.
357. Willems J., Boenigk S., Jegers M. Seven trade-offs in measuring nonprofit performance and effectiveness // *Voluntas*. – 2014. – No. 25. – Pp. 1648–1670.
358. Wilson J., Musick M. Toward an integrated theory of volunteer work // *American Sociological Review*. – 1997. – No. 62. – Pp. 694–771. – URL: <http://dx.doi.org/10.2307/2657355>

359. Woolley J., Limperos A., Oliver M. The 2008 Presidential Election, 2.0: A Content Analysis of User-Generated Political Facebook Groups // *New Media, Campaigning and the 2008 Facebook Election* /ed. by Thomas J. Johnson, David D. Perlmutter. Oxon, N.Y.: Routledge, 2011. – Pp. 79–100.

360. Young J., Passmore A. What is the occupational therapy role in enabling mental health consumer participation in volunteer work? // *Australian Occupational Therapy Journal*. – 2007. – No. 54. – Pp. 66–69.

361. Youssim I., Hank K., Litwin H. The role of family social background and inheritance in later life volunteering: Evidence from SHARE-Israel // *Research on Aging*. – 2015. – No. 37 (1). – P. 3.

362. Zaleski P. Global Non-governmental Administrative System: Geosociology of the Third Sector // Gawin, Dariusz & Glinski, Piotr [ed.]. – *Civil Society in the Making*. – IFiS Publishers. – Warszawa. – 2006. – Pp. 114–143.

363. Zimmer A., Pahl B. Learning from Europe: Report on third sector enabling and disabling factors, TSI Comparative Report No. 1, Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. – Brussels: Third sector Impact, 2016. – 30 p.

364. Zimmer A., Priller E., Anheier H. Der Nonprofit-Sektor in Deutschland // Simsa R., Meyer M., Badelt C. (Ed.): *Handbuch der Nonprofit-Organisation*. 5th edition. – Stuttgart: Schäffer-Poeschel, 2013. – Pp. 15–36.

365. Zimmer A., Rentsch C., Pahl B., Hoemke P. National report Germany: Identifying external and internal barriers on third sector development, TSI National Report Series No. 6. Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. – Brussels: Third Sector Impact, 2016. – 79 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

160014, ВОЛОГДА, УЛ. ГОРЬКОГО, Д. 56А, ☎(8172) 59-78-21

<i>заполняется анкетёром</i>	<i>не надо заполнять</i>	
Номер анкеты:	Номер	Код

ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ – 2019

Район города (области)	Населённый пункт / улица города
<i>заполняется анкетёром</i>	<i>заполняется анкетёром</i>
Дата заполнения анкеты:	Анкетёр:

Добрый день!

Приглашаем Вас принять участие в очередном опросе общественного мнения об участии населения в решении социально значимых вопросов муниципального образования, об основных социально-экономических проблемах Вашего населённого пункта, о возможностях и готовности населения к решению этих проблем.

Просим Вас ответить на вопросы этой анкеты. На некоторые из них даны готовые варианты ответов – обведите номера тех, которые соответствуют Вашему мнению, в остальных случаях напишите свой вариант.

Опрос анонимный – фамилию в анкете указывать не надо. Ваши ответы будут использованы только в обобщённом виде.

Благодарим за помощь.

1. ОЦЕНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 2018 ГОДУ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ ПАРАМЕТРАМ (отметьте в каждой строке один вариант ответа)

	Параметр	Очень плохое	Плохое	Удовлетворительное	Хорошее
1	Доступность и качество услуг сферы образования	1	2	3	4
2	Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	1	2	3	4
3	Занятость населения и возможности трудоустройства	1	2	3	4
4	Материальное благосостояние населения	1	2	3	4
5	Обеспеченность населения жильём	1	2	3	4
6	Жилищно-коммунальное обслуживание	1	2	3	4
7	Развитие культурно-досуговой сферы	1	2	3	4
8	Обеспечение общественной безопасности	1	2	3	4

9	Экология (чистота воздуха, воды и др.)	1	2	3	4
10	Экономическое развитие	1	2	3	4
11	Демографическая ситуация (низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения)	1	2	3	4
12	Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	1	2	3	4
13	Обеспеченность населения услугами связи (Интернет, мобильная связь)	1	2	3	4

2. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОТ КОГО В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ЗАВИСИТ РАЗВИТИЕ ВАШЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ? (отметьте не более 3-х наиболее важных вариантов ответа)

1. От органов местного самоуправления
2. От органов государственной власти региона
3. От федеральных органов власти
4. От главы муниципального образования
5. От самих жителей
6. От частного бизнеса
7. От общественных организаций
8. Другое (напишите) _____

3. КАКИХ ИМЕННО РЕШЕНИЙ ВЫ ОЖИДАЕТЕ ОТ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВАШЕМ РАЙОНЕ, СЕЛЕ ИЛИ ГОРОДЕ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ? (выберите не более 5 вариантов ответа)

1. Проведение капитального ремонта жилых домов
2. Открытие новых детских садов
3. Повышение качества социального обслуживания
4. Улучшение освещения улиц
5. Регулирование роста цен на ЖКХ
6. Проведение ремонта дорог
7. Решение вопросов занятости населения, предоставления рабочих мест
8. Строительство новых жилых домов
9. Повышение качества и доступности медицинского обслуживания
10. Развитие культурно-досуговой сферы для населения
11. Предоставление муниципального жилья малообеспеченным гражданам
12. Строительство новых спортивных комплексов
13. Строительство детских площадок
14. Обеспечение доступа к скоростной сети Интернет
15. Привлечение жителей к развитию территорий

4. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ..? (дайте в каждом столбце один ответ)

		В РОССИИ	В ОБЛАСТИ	В ВАШЕМ НАСЕЛЕННОМ ПУНКТЕ
1	Благополучная	1	1	1
2	Спокойная	2	2	2
3	Напряжённая	3	3	3
4	Критическая, взрывоопасная	4	4	4
5	Затрудняюсь ответить	5	5	5

5. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ..? (дайте в каждом столбце один ответ)

		РОССИИ	ОБЛАСТИ	ВАШЕГО НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА
1	Очень хорошее	1	1	1
2	Хорошее	2	2	2
3	Среднее	3	3	3
4	Плохое	4	4	4
5	Очень плохое	5	5	5
6	Затрудняюсь ответить	6	6	6

6. КАКАЯ ИЗ ПРИВЕДЁННЫХ НИЖЕ ОЦЕНОК НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ВАШИ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ? (отметьте один вариант ответа)

1. Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать
2. Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна
3. Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом
4. Денег хватает только на приобретение продуктов питания
5. Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги

7. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ...? (дайте в каждой строке один ответ)

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
1. Моё материальное положение в настоящем и будущем зависит прежде всего от меня	1	2	3	4	5
2. Каждый человек, который может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие	1	2	3	4	5
3. Моя карьера, положение в обществе зависит прежде всего от меня	1	2	3	4	5
4. Насколько интересна, насыщена моя жизнь зависит прежде всего от меня	1	2	3	4	5

8. ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЁМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ? (дайте один ответ)

1. Прекрасное настроение
2. Нормальное, ровное состояние
3. Испытываю напряжение, раздражение
4. Испытываю страх, тоску
5. Затрудняюсь ответить

9. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКОЕ ИЗ ПРИВЕДЁННЫХ НИЖЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НАИБОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ? (дайте один ответ)

1. Всё не так плохо и жить можно
2. Жить трудно, но можно терпеть
3. Терпеть наше бедственное положение уже невозможно
4. Затрудняюсь ответить

10. НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ТЕМ, КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ СЕГОДНЯ ВАША ЖИЗНЬ?

1. Полностью удовлетворен(а)
2. В основном удовлетворен(а)
3. В основном неудовлетворен(а)
4. Совершенно неудовлетворен(а)
5. Затрудняюсь ответить

11. ЧТО ДЛЯ ВАС САМОЕ ВАЖНОЕ В ЖИЗНИ? ОЦЕНИТЕ ПО 10-БАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ, ГДЕ 1 БАЛЛ - СОВСЕМ НЕ ВАЖНО, ... 10 БАЛЛОВ - ОЧЕНЬ ВАЖНО (дайте в каждой строке один ответ)

	Оценка в баллах
1. Здоровье	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
2. Интересная работа	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
3. Любовь	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
4. Дети	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
5. Материально обеспеченная жизнь	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
6. Наличие хороших и верных друзей	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
7. Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
8. Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
9. Развлечения	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
10. Крепкий брак	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
11. Счастливая семейная жизнь	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
12. Успешная карьера	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10

13. Религия	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
14. Свобода	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
15. Счастье близких	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10

12. ОЦЕНИТЕ ПО 10-БАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ НАСКОЛЬКО АКТИВНЫМ УЧАСТНИКОМ ЖИЗНИ СВОЕГО СООБЩЕСТВА (ДВОРА, СЕЛА, ГОРОДА) ВЫ СЕБЯ СЧИТАЕТЕ (где 1 – совершенно не участвую, 10 – активно участвую)

1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — 8 — 9 — 10

13. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖНЫ ЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫХ НАЗЫВАЮТ «ОБЩЕСТВЕННИКАМИ», КОТОРЫЕ ПЫТАЮТСЯ КАК-ТО ОРГАНИЗОВАТЬ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ, РЕШИТЬ КАКИЕ-ТО ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, СОБИРАЮТ ПОДПИСИ, СОБРАНИЯ?

1. Да   2. Нет   3. Затрудняюсь ответить

14. ЕСТЬ ЛИ В ВАШЕМ ОКРУЖЕНИИ ТАКИЕ ЛЮДИ? (выберите один вариант ответа)

1. Есть, и достаточно много   3. Нет
2. Есть, но мало   4. Затрудняюсь ответить

15. МОГЛИ БЫ ВЫ САМИ СТАТЬ ТАКИМ «ОБЩЕСТВЕННИКОМ»? ЕСЛИ «ДА», ТО В КАКОЙ СИТУАЦИИ? (выберите не более 3-х вариантов ответа)

1. Не мог(ла) бы ни в какой ситуации
2. Мог(ла) бы в случае нарушения моих прав
3. Мог(ла) бы в случае нарушения прав окружающих
4. Мог(ла) бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы
5. Другое (напишите) _____
6. Затрудняюсь ответить

16. ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ СТАНОВИТЬСЯ ИНИЦИАТОРОМ КАКИХ-ЛИБО КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЧТОБЫ... (дайте в каждой строке один ответ)

	ДА	НЕТ
1. Решить какую-то свою проблему	1	2
2. Решить проблему других людей	1	2
3. Реализовать какой-то свой замысел, инициативу, проект	1	2
4. Реализовать какой-то замысел, инициативу, проект других людей	1	2

17. ПРИНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ В МЕРОПРИЯТИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ? (дайте в каждой строке один ответ)

Мероприятие	Регулярно	Время от времени	Один раз	Никогда
1. Выборы	1	2	3	4
2. Участие в избирательной кампании	1	2	3	4
3. Коллективное благоустройство, субботники	1	2	3	4
4. Работа домового комитета, совета дома	1	2	3	4
5. Работа родительского комитета (в школе, детском саду)	1	2	3	4
6. Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	1	2	3	4
7. Деятельность общественных организаций	1	2	3	4
8. Какой-либо группы, которая общается только через интернет (например, ВКонтакте, Instagram, одноклассники, Facebook)	1	2	3	4
9. Волонтерская работа	1	2	3	4
10. Подписание обращений, петиций в органы власти	1	2	3	4
11. Митинги, демонстрации, пикеты	1	2	3	4
12. Забастовки	1	2	3	4
13. Общественные слушания, общественный контроль	1	2	3	4
14. Обсуждение общественно значимых проблем в интернет-среде	1	2	3	4
15. Являюсь членом политической партии	1	2	3	4
16. Являюсь членом профсоюза	1	2	3	4

18. В КАКИХ ФОРМАХ ВЫ ДОПУСКАЕТЕ ДЛЯ СЕБЯ УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? (выберите не более 3 вариантов ответа)

1. Оплачиваемая работа на полный день (например, в общественной (некоммерческой) организации)
2. Оплачиваемая работа на несколько часов (например, в общественной (некоммерческой) организации)
3. Волонтерский, добровольческий труд
4. Индивидуальная благотворительная деятельность
5. Благотворительная деятельность в соответствующих организациях
6. Безвозмездная организационная работа (например, в домовом или родительском комитете)
7. Другое (укажите) _____

19. СКОЛЬКО РАЗ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ВЫ РАБОТАЛИ В КАЧЕСТВЕ ВОЛОНТЕРА? _____ раз

20. ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВАМ ПРИХОДИЛОСЬ БЕЗВОЗМЕЗДНО ДЕЛАТЬ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ДЛЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ (НЕ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И НЕ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ)? (выберите все подходящие ответы)

1. Эмоциональная поддержка, общение, житейский совет
2. Помогать вещами
3. Помогать деньгами (в долг без процентов)
4. Оказывать бытовую помощь на дому, физическую помощь
5. Помогать продуктами
6. Помогать деньгами (безвозмездно)
7. Участвовать в субботниках, мероприятиях по благоустройству среды проживания, заниматься посадкой деревьев, ремонтировать лавочки, детские площадки
8. Присматривать за чужими детьми или престарелыми
9. Давать профессиональные консультации, читать лекции, давать уроки
10. Участвовать в работе родительских комитетов
11. Участвовать в собрании жильцов дома, подъезда, улицы, ТОС
12. Участвовать в ремонте подъезда силами жильцов, дежурить на лестничных клетках
13. Помогать с обращением в органы власти (с жалобами, прошениями и т.д.)
14. Оказывать помощь, сопровождать при передвижении лиц с ограниченными возможностями
15. Организовывать досуг
16. Доставлять на дом материальную помощь (продукты, одежду, медикаменты)
17. Участвовать в организации мероприятий (досуговых и культурных, просветительских, оздоровительных, спортивных и др.)
18. Собирать пожертвования и иные денежные средства для нуждающихся в помощи
19. Участвовать в ликвидации последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций
20. Раздавать / распределять материальную помощь
21. Работать в коллективных руководящих органах общественных (некоммерческих) организаций
22. Помогать сотрудникам общественных (некоммерческих) организаций (в приеме заявлений, телефонных звонков, в производстве рекламы, проведении опросов и т.д.)
23. Ничего из перечисленного делать не приходилось
24. Затрудняюсь ответить

21. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ? (дайте в каждой строке один ответ)

	Да	Нет
1. Я принимал(а) участие в благотворительности	1	2
2. У меня и моей семьи много своих проблем, нет возможности заниматься благотворительностью	1	2
3. Я не верю, что моя помощь действительно дойдёт до адресата, будет использоваться по назначению	1	2
4. Помощь людям, оказавшимся в тяжёлом положении, должно оказывать государство, а не благотворители	1	2
5. В современном мире каждый должен сам решать свои проблемы, не рассчитывая на чью-либо помощь	1	2

22. В КАКИХ СФЕРАХ И ОБЛАСТЯХ ЖИЗНИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НЕОБХОДИМО АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВАЖНЫХ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМ? (выберите не более 5 ответов)

1. Здравоохранение, работа с тяжелобольными / инвалидами
2. Семья
3. Работа с детьми и молодежью
4. Адаптация пожилых людей, ветеранов
5. Волонтерство
6. Спорт, здоровый образ жизни
7. Культура, искусство, образование
8. Защита животных, экология
9. Патриотизм, гражданское общество
10. Поисковое направление, безопасность
11. Женское направление
12. Защита профессиональных интересов
13. Защита национальных интересов
14. Ни в одной из сфер не требуется

23. КАКОЙ СПОСОБ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМ ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ РЕШИТЬ СОЦИАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ, ЗАТРАГИВАЮЩУЮ ИНТЕРЕСЫ МНОГИХ ГРАЖДАН (ОБУСТРОЙСТВО ДВОРА, РЕМОНТ ДОРОГ И ПР.)? (выберите не более 3-х ответов)

1. Добиваться действий от органов власти самостоятельно
2. Обратиться за помощью только к родственникам
3. Разместить обращение к органам власти и всем неравнодушным в Интернете
4. Обращусь прежде всего к депутатам или в правоохранительные органы
5. Обращусь в общественные (некоммерческие) организации

6. Обращусь к бизнесменам, предпринимателям
7. Обращусь в церковь
8. Обращусь к криминальным структурам
9. Другое (напишите) _____

24. ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ГОТОВЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ ДЛЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО РЕШЕНИЮ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ, А ЕСТЬ ТЕ, КОТОРЫЕ НЕ ГОТОВЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ. К КАКИМ БЫ ВЫ ОТНЕСЛИ СЕБЯ? (дайте один ответ)

1. Конечно, я с теми, кто готов(а) объединяться
2. Скорее я готов(а) объединяться
3. Скорее я не готов(а) объединяться
4. Я категорически не готов(а) объединяться
5. Затрудняюсь ответить

25. ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ, ЧТОБЫ...? (дайте в каждой строке один ответ)

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
1. Участвовать в самоуправлении домом, подъездом	1	2	3	4	5
2. Обустроить территорию проживания (дом, двор, город)	1	2	3	4	5
3. Помогать бедным, инвалидам	1	2	3	4	5
4. Борьба с преступностью, пьянством, наркоманией	1	2	3	4	5
5. Протестовать против неправильных действий властей	1	2	3	4	5
6. Защитить свои права	1	2	3	4	5
7. Провести досуг	1	2	3	4	5

26. В ГОРОДАХ И СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ЛЮДИ СОЗДАЮТ ОБЩЕСТВЕННЫЕ (НЕКОММЕРЧЕСКИЕ) ОРГАНИЗАЦИИ. ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ОБ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? (дайте в каждом столбце один ответ)

		В ВАШЕМ ГОРОДЕ (РАЙОНЕ)	В ОБЛАСТИ	В РОССИИ
1.	Да, хорошо знаю	1	1	1
2.	Что-то слышал	2	2	2
3.	Нет, ничего не знаю	3	3	3

27. ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ ВЫ ОБЫЧНО ПОЛУЧАЕТЕ ИНФОРМАЦИЮ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРОЧИХ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВАХ? (отметьте не более 3-х вариантов ответа)

1. Телевидение
2. Газеты, журналы
3. Радио

4. Интернет
5. Плакаты, щиты, перетяжки через дорогу
6. Сам(а) принимаю в ней участие
7. Беседы с друзьями, знакомыми, родственниками
8. Слухи, разговоры на улице/в транспорте/на работе
9. Получал(а) от неё помощь, содействие, другие услуги
10. Не интересуюсь такой информацией
11. Затрудняюсь ответить

28. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЕГОДНЯ В СМИ ДОСТАТОЧНО ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЙСТВУЮЩИХ...? (дайте в каждом столбце один ответ)

	В ВАШЕМ ГОРОДЕ (РАЙОНЕ)	В ОБЛАСТИ	В РОССИИ
1. Достаточно	1	1	1
2. Недостаточно	2	2	2
3. Затрудняюсь ответить	3	3	3

29. ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, СОСТОИТЕ ИЛИ УЧАСТВУЕТЕ В КАКИХ-ТО МЕРОПРИЯТИЯХ ИЛИ АКЦИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОВОДЯТСЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ (НЕКОММЕРЧЕСКИМИ) ОРГАНИЗАЦИЯМИ? (отметьте в каждом столбце необходимые варианты ответа)

	Знаю	Состою	Участвовал(а)
1. Предпринимательские организации и ассоциации	1	1	1
2. Ветеранские	2	2	2
3. Благотворительные	3	3	3
4. Женские	4	4	4
5. Молодёжные, студенческие	5	5	5
6. Экологические, защита животных	6	6	6
7. Религиозные	7	7	7
8. Историко-культурные и творческие	8	8	8
9. Физкультуры и ЗОЖ	9	9	9
10. Общественно-политические объединения, партии	10	10	10
11. Общественные организации в сфере территориального, домового самоуправления или ЖКХ	11	11	11
12. Правозащитной направленности и защиты прав потребителей	12	12	12
13. Профессиональные союзы, объединения по профессии	13	13	13
14. Нигде не состою / не участвовал(а)/ не знаю	14		

30. КАКИЕ ЕЩЕ ВЫ ЗНАЕТЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ (НЕКОММЕРЧЕСКИЕ) ОРГАНИЗАЦИИ, НЕ УКАЗАННЫЕ В ПРЕДЫДУЩЕМ ВОПРОСЕ? (напишите)

---

31. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПРИНОСЯТ ЛИ ПОЛЬЗУ НАСЕЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ДЕЙСТВУЮЩИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ? (дайте один ответ)

1. Несомненно, приносят пользу
2. Скорее, приносят пользу
3. Скорее, не приносят пользу
4. Не приносят никакой пользы
5. Затрудняюсь ответить

32. ЕСЛИ ВЫ УЧАСТВУЕТЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ, ТО В КАКОЙ ФОРМЕ? (отметьте все необходимые варианты ответа)

1. Являюсь рядовым членом организации
2. Выплачиваю членские взносы
3. Участвую в собраниях, мероприятиях
4. Являюсь руководителем, инициатором создания, учредителем, членом руководящих органов
5. Работаю добровольцем (безвозмездно)
6. Помогаю деньгами /пожертвованиями
7. Работаю за плату
8. Другое (напишите) _____
9. Не принимаю участия в их деятельности
10. Затрудняюсь ответить

33. ПОЧЕМУ ВЫ УЧАСТВУЕТЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ? (отметьте не более 3-х вариантов ответа, самых важных для Вас)

1. Мне хочется сделать что-то полезное, помочь людям
2. Мне это нравится, испытываю удовольствие от этого
3. Новые знакомства, привлекла хорошая компания
4. Потому что сам(а), мои родные, близкие когда-то оказывались в тяжёлой ситуации
5. Возможность получить связи, контакты
6. Желание заслужить одобрение общества (друзей, знакомых, близких)
7. У меня много свободного времени, мне нечего делать
8. Получить материальное вознаграждение
9. Другое (напишите) _____
10. Затрудняюсь ответить

34. ЧТО ВАМ ПРЕПЯТСТВУЕТ УЧАСТВОВАТЬ В ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ? *(выберите не более 3 ответов)*

1. Не хватает времени, много работаю, занят(а)
2. Не уверен(а) в пользе общественной деятельности
3. Мне это не интересно
4. Мог(ла) бы участвовать, но не знаю, куда обратиться, нет нужной информации
5. Нет сил и здоровья
6. Отсутствуют знания, опыт, которые можно применить на практике
7. Это не способствует решению собственных проблем и проблем членов моей семьи
8. Такая деятельность не даёт мне возможности личностного роста

35. ЛИЧНО ВЫ ДОПУСКАЕТЕ ИЛИ ИСКЛЮЧАЕТЕ ДЛЯ СЕБЯ РАБОТУ НА ПОСТОЯННОЙ И БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ ОСНОВЕ В КАКОЙ-ЛИБО ОБЩЕСТВЕННОЙ (НЕКОММЕРЧЕСКОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ В БУДУЩЕМ? *(отметьте один вариант ответа)*

1. Допускаю
2. Исключаю
3. Затрудняюсь ответить

36. ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ПОДДЕРЖАТЬ МАТЕРИАЛЬНО (ФИНАНСОВЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ? *(дайте один ответ)*

1. Готов(а)
2. Не готов(а)
3. Уже поддерживаю
4. Затрудняюсь ответить

37. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О СПОСОБАХ ЖЕРТВОВАНИЯ ДЕНЕГ, ТО КАКИЕ ИЗ НИХ БЫЛИ БЫ ДЛЯ ВАС ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ? *(отметьте всё необходимое)*

1. Перевод СМС-сообщением
2. В специальных пунктах сбора, в ящике сбора пожертвований
3. Банковский перевод (по платёжному поручению в банке)
4. Принести лично наличными
5. Благотворительные аукционы, сбор денег на специальных мероприятиях
6. Перечисление на банковские карты на указанный счёт (через Интернет)
7. Через терминалы оплаты, банкоматы в общественных местах
8. Яндекс-кошелёк, интернет-деньги и прочее
9. Другое *(напишите)* _____
10. Затрудняюсь ответить

38. В КАКОЙ СФЕРЕ ВЫ ГОТОВЫ ПОДДЕРЖИВАТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И В КАКОЙ ФОРМЕ? (отметьте в каждой строке все необходимые варианты ответа)

	Помочь деньгами / пожертвованиями	Работать добровольцем / безвозмездно	Работать за плату (наёмным сотрудником)	Не готов(а) поддерживать
1. Культура и отдых, спорт	1	2	3	4
2. Образование и наука	1	2	3	4
3. Здравоохранение	1	2	3	4
4. Социальные услуги	1	2	3	4
5. Окружающая среда	1	2	3	4
6. Развитие и жилищная сфера (экономическое, социальное и общественное развитие, обеспечение жильём, занятость и подготовка персонала)	1	2	3	4
7. Политическая, правозащитная и иная общественная деятельность	1	2	3	4
8. Благотворительность и поощрение добровольческой деятельности	1	2	3	4
9. Религия	1	2	3	4
10. Международная деятельность	1	2	3	4
11. Другое (напишите)				
12. Затрудняюсь ответить				

39. ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО ВЫ ПРИНИМАЕТЕ РЕШЕНИЕ ПОДДЕРЖАТЬ ИЛИ НЕТ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ИЛИ ИНИЦИАТИВУ. НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС БУДЕТ ВАЖНО МНЕНИЕ ОБ ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ИНИЦИАТИВЕ? (отметьте в каждой строке один вариант ответа)

	Важно	Неважно	Затрудняюсь ответить
1. Ваших друзей, знакомых, коллег	1	2	3
2. Русской православной церкви	1	2	3
3. Президента Владимира Путина	1	2	3
4. Известных актеров, писателей	1	2	3
5. Известных журналистов, телеведущих	1	2	3
6. Известных спортсменов	1	2	3
7. Губернатора, мэра Вашего города, главы администрации района	1	2	3
8. Лидеров общественного мнения Вашего населенного пункта	1	2	3
9. Известных политиков, лидеров партий	1	2	3
10. Известных блоггеров	1	2	3
11. Бизнесменов	1	2	3
12. Членов правительства, министров	1	2	3

40. КАКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОБЪЕКТИВНО ВОСТРЕБОВАНЫ ЛИЧНО ДЛЯ ВАС? ДАЙТЕ ОЦЕНКУ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ В БАЛЛАХ ОТ 1 ДО 5 (где 1 балл – крайне низкая востребованность, 5 баллов – очень высокая)

1	Военно-патриотическое воспитание детей и молодежи	1	2	3	4	5
2	Пропаганда здорового образа жизни, противодействие алкоголизму, наркомании	1	2	3	4	5
3	Охрана правопорядка	1	2	3	4	5
4	Обустройство территории, защита интересов жителей	1	2	3	4	5
5	Защита прав ветеранов	1	2	3	4	5
6	Помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации	1	2	3	4	5
7	Организация досуга и культурной деятельности	1	2	3	4	5
8	Охрана и пропаганда культурного наследия	1	2	3	4	5
9	Защита прав потребителей	1	2	3	4	5
10	Защита прав работников	1	2	3	4	5
11	Общественный контроль за деятельностью органов власти	1	2	3	4	5
12	Защита политических прав и свобод граждан	1	2	3	4	5
13	Религиозная деятельность, в том числе защита прав верующих	1	2	3	4	5
14	Природоохранная деятельность, защита животных	1	2	3	4	5
15	Студенческое и ученическое самоуправление	1	2	3	4	5
16	Поддержка молодых семей	1	2	3	4	5

41. ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ ИЛИ ВАШИ РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ ЗА ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ) В ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ? (отметьте один вариант ответа)

1. Да, вопрос был решён
2. Да, но вопросы остались без внимания
3. Нет, не было необходимости
4. Нет, я не знаю куда обратиться
5. Нет, я не уверен(а), что они смогут помочь

42. ПО КАКИМ ПРИЧИНАМ ВЫ ОБРАТИЛИСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ) ИМЕННО В ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ? (отметьте не более 3-х вариантов ответа)

1. Доверяю
2. Посоветовали обратиться друзья, знакомые
3. Не знал(а), куда ещё можно обратиться
4. В НКО лучшее качество услуг в результате меньшего масштаба и большей отзывчивости
5. Доступ к экспертным знаниям и опыту в решении проблем
6. Способность более гибко реагировать на проблемы без необходимости создания значительной государственной бюрократии
7. Доступ к инновационным (новым) решениям проблем

8. Другое (напишите) _____
9. Затрудняюсь ответить

43. ОСТАЛИСЬ ЛИ ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ОКАЗАННОЙ ВАМ ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ)?
(дайте один ответ)

1. Удовлетворен(а) полностью
2. Удовлетворен(а) частично
3. Совсем не удовлетворен(а)
4. Затрудняюсь ответить

44. КАКИМИ УСЛУГАМИ ИЛИ ТОВАРАМИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ? ЕСЛИ НЕ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ, ТО КАКИМИ СТАЛИ БЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ? (отметьте в каждом столбце все необходимые варианты ответа)

	Пользуюсь	Стал(а) бы пользоваться
1. Социально-бытовые (поддержание жизнедеятельности в быту)	1	1
2. Социально-медицинские (поддержание и сохранение здоровья путём организации ухода, содействие в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения для выявления отклонений в состоянии их здоровья)	2	2
3. Социально-психологические (помощь в коррекции психологического состояния, в том числе анонимно с использованием телефона доверия)	3	3
4. Социально-педагогические (формирование позитивных интересов, организация досуга, оказание помощи семье в воспитании детей)	4	4
5. Социально-трудовые (помощь в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией)	5	5
6. Социально-правовые (помощь в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов)	6	6
7. Услуги для граждан, имеющих ограничения жизнедеятельности, в том числе детей-инвалидов	7	7
8. Срочные социальные услуги (обеспечение бесплатным горячим питанием или наборами продуктов; обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости; содействие в получении временного жилого помещения; содействие в получении юридической помощи в целях защиты прав и законных интересов получателей социальных услуг; содействие в получении экстренной психологической помощи с привлечением к этой работе психологов и священнослужителей)	8	8
9. Другое (укажите, какие именно)		
10. Ничего из перечисленного		

45. ПО КАКИМ ПРИЧИНАМ ВЫ БЫ НЕ ОБРАТИЛИСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ) ИМЕННО В ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ? (напишите)

---

46. КОМУ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В НАШЕ ВРЕМЯ? (дайте один ответ)

1. Никому нельзя доверять
2. Только самым близким друзьям и родственникам
3. Большинству знакомых людей можно доверять
4. Большинству людей можно доверять
5. Доверять можно всем людям без исключения

47. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ..?
(дайте один ответ в каждой строке)

	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Полностью не доверяю	Затрудняюсь ответить
1. Членам семьи, родственникам	1	2	3	4	5
2. Другам	1	2	3	4	5
3. Соседям	1	2	3	4	5
4. Коллегам	1	2	3	4	5
5. Большинству людей	1	2	3	4	5
6. Прохожим на улице	1	2	3	4	5

48. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ..?
(отметьте в каждой строке один вариант ответа)

	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Полностью не доверяю	Затрудняюсь ответить
1. Президенту РФ	1	2	3	4	5
2. Правительству РФ	1	2	3	4	5
3. Государственной Думе РФ	1	2	3	4	5
4. Губернатору	1	2	3	4	5
5. Законодательному Собранию области	1	2	3	4	5
6. Мэру (главе) города	1	2	3	4	5
7. Городской думе	1	2	3	4	5
8. Правоохранительным структурам	1	2	3	4	5
9. Прокуратуре	1	2	3	4	5
10. Суду	1	2	3	4	5
11. Армии	1	2	3	4	5
12. Профсоюзам	1	2	3	4	5
13. Религиозным организациям, церкви	1	2	3	4	5
14. Некоммерческим организациям	1	2	3	4	5
15. Политическим партиям, движениям	1	2	3	4	5
16. СМИ	1	2	3	4	5
17. Банкам, крупному бизнесу	1	2	3	4	5
18. Среднему и малому бизнесу	1	2	3	4	5

49. ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ ВАШИХ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ, С КОТОРЫМИ ВЫ РЕГУЛЯРНО ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ОТНОШЕНИЯ, СЛЕДУЮЩИЕ ЛЮДИ...? (отметьте все подходящие варианты ответа)

1. Частные предприниматели, бизнесмены
2. Простые рабочие
3. Верующие других религий
4. Участники протестных митингов, пикетов, забастовок
5. Живущие в собственном доме
6. Мигранты
7. Живущие на социальное пособие по безработице, инвалидности
8. Руководители, политические и общественные лидеры
9. Сторонники других, чем Ваши, политических взглядов
10. Люди иной, чем Ваша, национальности
11. Нет никого из перечисленных, только такие же, как я

50. К КОМУ ВЫ СМОЖЕТЕ ОБРАТИТЬСЯ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОБЛЕМНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ? (дайте в каждой строке один ответ)

	Всегда	Часто	Редко	Никогда
1. Членам семьи, родственникам	1	2	3	4
2. Другим	1	2	3	4
3. Соседям по дому / подъезду	1	2	3	4
4. Своему руководителю	1	2	3	4
5. Коллегам по работе	1	2	3	4
6. Единоверцам	1	2	3	4
7. Членам организации, в которой состою	1	2	3	4
8. Представителям Интернет-сообщества	1	2	3	4
9. Проходим на улице	1	2	3	4
10. Ни к кому	1	2	3	4

51. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВЛИЯЕТЕ ЛИ ВЫ ЛИЧНО СЕГОДНЯ НА СОСТОЯНИЕ ДЕЛ В УКАЗАННЫХ СФЕРАХ? (дайте в каждой строке один ответ)

	В полной мере	В значительной мере	В незначительной мере	НЕ влияю
1. В Вашей семье	1	2	3	4
2. У Вас на работе	1	2	3	4
3. В Вашем доме, дворе	1	2	3	4
4. В Вашей деревне, посёлке, городе, районе	1	2	3	4
5. В области, в стране	1	2	3	4

52. ЕСЛИ ВАМ ВДРУГ ПОНАДОБИТСЯ НЕКОТОРОЕ КОЛИЧЕСТВО ДЕНЕГ (ДОСТАТОЧНОЕ, ЧТОБЫ ОПЛАТИТЬ РАСХОДЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ В ТЕЧЕНИЕ ОДНОЙ НЕДЕЛИ), СКОЛЬКО ЕСТЬ ЛЮДЕЙ ВНЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ, КТО В ПРИНЦИПЕ БЫЛ БЫ ГОТОВ ОДОЛЖИТЬ ВАМ ЭТИ ДЕНЬГИ?

1. Ни одного человека
2. 1 – 2 человека
3. 3 – 4 человека
4. 5 – 6 человек
5. 7 человек и более

53. СКАЖИТЕ, ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВАМ ДОВОДИЛОСЬ ДЕЛАТЬ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА-ТРИ ГОДА? (можно выбрать несколько вариантов ответа)

1. Брать кредит
2. Пользоваться смартфоном/мобильным телефоном
3. Ездить за границу по делам работы, учебы
4. Ездить за границу отдыхать
5. Расплачиваться пластиковой карточкой
6. Иметь дело с иностранной валютой
7. Летать на самолетах
8. Пользоваться услугами косметических салонов
9. Пользоваться услугами домработницы, няни, гувернантки
10. Пользоваться услугами репетитора
11. Приобретать спортивные товары и / или туристическое снаряжение
12. Заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе
13. Пользоваться услугой доставки товаров на дом
14. Получать дополнительное образование, повышать квалификацию
15. Использовать интернет для получения информации, покупок, заказа билетов
16. Пользоваться Личным кабинетом на сайтах Госуслуг, налоговой инспекции, ЖКХ
17. Отправлять обращения в органы власти
18. Другое (напишите) _____
19. Ничего из перечисленного

54. КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС..? (дайте в каждой строке только ОДИН ответ)

	Сочувствие	Желание помочь	Тревога, страх	Раздражение, неприязнь	Чувство неловкости	Никаких особых чувств	Затрудняюсь ответить
1. Престарелые	1	2	3	4	5	6	7
2. Бездомные животные	1	2	3	4	5	6	7
3. Сироты	1	2	3	4	5	6	7
4. Инвалиды	1	2	3	4	5	6	7
5. Беспризорники	1	2	3	4	5	6	7
6. Бездомные	1	2	3	4	5	6	7
7. Психически отсталые	1	2	3	4	5	6	7
8. Бывшие заключённые	1	2	3	4	5	6	7
9. Алкоголики	1	2	3	4	5	6	7
10. Наркоманы	1	2	3	4	5	6	7

СООБЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О СЕБЕ

55. ПОЛ   1. Мужской   2. Женский

56. ВОЗРАСТ _____ (полных лет)

57. СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК В ВАШЕЙ СЕМЬЕ, ВКЛЮЧАЯ ВАС? _____

58. СКОЛЬКО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ? _____

59. ОБРАЗОВАНИЕ

1. Неполное среднее
2. Среднее, в т.ч. ПТУ со средним образованием
3. Среднее специальное образование (техникум и др.)
4. Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)
5. Высшее

60. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. Состою в зарегистрированном браке и проживаю совместно с мужем (женой)
2. Состою в зарегистрированном браке и не проживаю совместно с мужем (женой)
3. Не состою в зарегистрированном браке, но проживаю совместно с мужем (женой)

4. Разведен(а)
5. Не замужем (холост)
6. Вдова (-ец)

61. РОД ЗАНЯТИЙ (отметьте один вариант ответа)

1. Рабочий промышленности, транспорта, связи, лесного хозяйства
2. Работник сельского хозяйства
3. Работник торговли, сферы обслуживания
4. Инженерно-технический работник
5. Служащий (работник аппарата предприятия, учреждения)
6. Руководитель государственного предприятия, работник органов управления
7. Специалист, не занятый на производстве (учитель, врач, научный работник, журналист, работник культуры и т.д.)
8. Руководитель коммерческой структуры, предприниматель, имеющий своё дело
9. Военнослужащий, сотрудник органов охраны общественного порядка
10. Студент, учащийся
11. Пенсионер
12. Инвалид
13. Неработающий, безработный (официально зарегистрированный)
14. Другое (*напишите*) _____

62. ГДЕ ВЫ ЖИВЁТЕ?

1. В городе
2. В сельской местности

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ!

Отпечатано в типографии ФГБУН ВолНЦ РАН
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Научное издание

**Уханова Юлия Викторовна
Косыгина Ксения Евгеньевна
Смолева Елена Олеговна
Гужавина Татьяна Анатольевна
Дементьева Ирина Николаевна
Артамонова Анна Станиславовна**

**ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ**

ISBN 978-5-93299-559-4

9 785932 995594 >

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор
Компьютерный набор

Л.Н. Воронина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова
Ю.В. Уханова

Подписано в печать 03.12.2022.
Формат 70×108¹/₁₆. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20,74. Тираж 500 экз. Заказ № 71.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru